Александр Асмолов
Гребень Хатшепсут
электронная книга

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Героиня мистического романа с детства видит необычные сны. Смутные догадки не покидают ее, но даже самые смелые фантазии меркнут перед тем, что начертано свыше в удивительной судьбе девушки. А начнется все с разговора о Кумранских свитках, найденных у Мертвого моря. Ниточка потянется к тайным знаниям фараонов, которые под видом священных скрижалей вывез когда-то Моисей из Египта. Сложна и опасна тропинка к Третьей Книге, она под силу лишь рожденной в день Тхар.

- Александр Асмолов
  - Глава I. Трапани
  - Глава II. Геранд
  - Глава III. Санкт-Петербург
  - Глава IV. Трапани
  - Глава V. Нант
  - Глава VI. Намюр
  - Глава VII. Санкт-Петербург
  - Глава VIII. Флоренция
  - Глава IX. Анже
  - Глава X. Трапани
  - Глава XI. Санкт-Петербург
  - Глава XII. Анже
  - Глава XIII. Александрия
  - Глава XIV. Гиза
  - Глава XV. Амарна
  - Глава XVI. Намюр
  - Эпилог
- notes
  - 1
  - 2

Александр Асмолов
Гребень Хатшепсут

«И да пребудет с нами вдохновенье,
Минует чаша подлости глупцов.»

Глава I. Трапани

Вместе с длинными тенями во внутренний двор большого трехэтажного дома с моря стала пробираться прохлада. Было слышно, как тихо цокали по серому известняку стен задвижки открывающихся ставен. Сонный дом словно открывал глаза, пробуждаясь от дневной дремы, сморившей его во время сиесты. И так повторялось это не одну сотню лет. Фундамент для старожила города заложили на центральной площади еще при солеваренном бароне Антонио Д'Али Сати, чья родословная уходила своими корнями к древним финикийцам. Удачливый купец считался не только отцом-основателем города Трапани, раскинувшим свои неровные улочки, словно рыбацкую сеть, на покатом склоне горы западного побережья Сицилии, но и уважаемого всеми на острове рода Валороссо. Дочь Антонио вышла замуж за отважного моряка Чезаре и родила ему семерых сыновей. С тех пор все Валороссо преданно служили своей семье, родным местам и тем идеалам, что бережно хранились в отважных сердцах.

Словно гордясь этим, со стен кабинета, обставленного старинной мебелью из красного дерева, портреты знаменитых предков, не мигая, смотрели на сухонького старика в инвалидном кресле. Доживавший свой век в старом семейном доме Джузеппе считался главой клана Валороссо, хотя давно передал все дела внуку Антонио, названного в честь уважаемого прародителя.

Подле дремавшего в кресле потомка знаменитых мореплавателей, торговцев и меценатов, любовно называемого всеми не иначе как Джузи, склонилась над потрепанной книгой невысокая худенькая девушка. Несмотря на обычную в этом районе Сицилии одежду, она выглядела иностранкой. Впрочем, это было именно так. Пару недель назад, когда было далеко за полночь, к дому на центральной площади подъехала машина, из которой вышла растерянная или напуганная чем-то женщина и эта девушка, помогавшая вести за ручонки двух полусонных девочек.

— Варя, — неуверенно выговаривая имя черноглазой девушки, позвал Джузи. — Открой ставни, детка. — Сильный акцент южанина делал его английский слитным, но мелодичным. — И подкати меня к окну: я хочу посмотреть на море.

Далеко справа ярко-красный солнечный диск приближался к синей плоскости безбрежной равнины Средиземного моря. Длинный серпообразный берег бухты напоминал рога

исполинского жука, припавшего к воде, чтобы напиться. Подножье горы в виде огромного насекомого и сам берег были густо заселены. В отличие от новых правильных кварталов города, старые районы Трапани были испещрены узкими извилистыми улочками, что, как ручейки, стекали вниз от центральной площади, увенчанной высоким шпилями готического собора. Немало войн и бед приносили морские ветра на этот берег, но каждый раз умелые руки отстраивали все разрушенное заново, непременно добавляя что-то новое, отчего многие дома старого города хранили отпечатки разных веков и стилей, и это делало их неповторимыми.

На неподвижном лице главы клана Валороссо тоже можно было разглядеть немало событий за прожитые годы. Выцветшая, с нездоровым оттенком кожа была покрыта морщинами, а кое-где и шрамами. Чудом сохранившиеся остатки седых волос были аккуратно зачесаны. Казалось, жизнь давно решила покинуть высохшее тело Джузи, но отчего-то в последний момент передумала, оставив самую малость. Так иногда случается, если карты судьбы говорят, что грешник еще не выполнил своего предназначения. И тогда время заворачивается вокруг него в кокон, обводя стороной болезни, несчастья и даже старуху с косой, что безжалостно сечет головы всех, кому вышел срок.

Морщинистые руки старика легли на теплый подоконник. Его взгляд устремился вдаль. Трудно было сказать, о чем думал старик. Лицо не выражало никаких эмоций, лишь подслеповатые глаза постепенно увлажнились и заблестели. Очевидно, Джузи что-то вспоминал, пытаясь разглядеть с высоты окна своего кабинета неровные улочки, старые дома, порт и множество самых разнообразных судов на рейде. Набиравший силу морской бриз начал вращать лопасти ветряных мельниц, рядками стоявших слева на мелководье. Когда-то, очень давно, смекалистый глава клана, Д'Али Сати, заставил силу прилива и ветра работать на добыче морской соли. Нагнетаемая по каналам вода выпаривалась на мелководье горячим южным солнцем, потом слипшиеся комки соли собирали лопатами на повозки и доставляли к мельницам.

Там ее перемалывали и в мешках развозили по причалам. Сотни лет производство исправно дает продукцию, не меняя технологию.

— Завтра начнется афер, — ни к кому не обращаясь, тихо проговорил старик.

— Что это? — девушка попыталась разглядеть то, что увидел Джози.

— Ветер. Его еще называют коринфским. Сухой. Горячий.

Иногда приносит саранчу.

— Надолго? — она говорила на английском, старательно произнося окончания.

— Бывает, что и неделю не утихает.

Они помолчали, будто два старых друга, понимающие все без лишних слов.

— Однажды Тони решил в одиночку доплыть до Палермо, — нарушил тишину старик. — Дождался, когда поднялся афер, и тайком взял швертбот… Сорванец.

— Сколько ему было?

— Лет шесть-семь. Он был непоседой. Читать не любил… А ты откуда знаешь арамейский?

— Учила в московском университете, — девушка замялась.

— Немного.

— И что тебя заинтересовало в этой книге? — старик ласково посмотрел на Варю.

— Мне очень нравится история древнего Востока.

— Вот как?

— Родители были египтологами. Мама до сих пор преподает историю в школе, а я вместо сказок слушала ее рассказы о Карнаке, долине царей и находках Картера.

— Уже побывала в Гизе?

— Мельком. Этой зимой приехала понырять с аквалангом в Дахабе, — девушка замялась. — Ну, а потом немного покаталась по стране.

— Тони намекал на какие-то находки, — бесцветные губы старика едва шевелились на неподвижном лице, но глаза чуть прищурились, словно в улыбке.

— Ничего особенного…

— И поэтому ты не расстаешься с этой книгой?

— У Вас просто потрясающая библиотека, — уклончиво ответила девушка, спрятав за ресницами умные черные глаза.

— О, это наследие Д'Али Сати, — выдохнул старик. — Он был очень дальновидным мужчиной. Путешествуя на торговых судах, наш славный Антонио собирал книги по всему побережью, от Туниса до Палестины.

— Да этим книгам цены нет! — девушка прижала старый кожаный переплет к груди.

Будто отвлекшись, Джози перевел взгляд на море и что-то зашептал. Его речь казалась бессвязной и отрешенной, но Варя напряглась, стараясь не упустить ни одного странного звука.

— Вы говорите о свитках Мертвого моря? — она испытующе глядела на собеседника.

— Да, — глаза старика оживились. — В наше время редко

встречаешь человека, способного понять этот древний язык.

— О, я скорее догадалась, чем поняла, — покраснела девушка. — Текст я еще могу осилить, а вот как звучит на самом деле арамейский, для меня загадка.

— Как же ты поняла?

— Не знаю, — честно призналась черноглазая. — Это произошло само собой. Скорее, благодаря интуиции, чем знаниям.

— Вот как… — подернутые белесой пленкой и почти прикрытые лишенными ресниц веками глаза, не мигая, изучали русскую гостью. — Я начинаю верить той истории, что рассказал Тони. Хотя, признаюсь, звучит она очень неправдоподобно.

— Это потому, что Антонио услышал ее от моей подруги. Маша была инструктором в клубе дайверов Дахаба, куда я приехала понырять. Она очень впечатлительная девушка.

— Жаль, что мне не удалось ее увидеть.

— Они с Тони будут отличной парой, — восторженно произнесла девушка.

— Храни их Святая Дева!

Взгляд старика вновь был устремлен на море. Возможно, так ему было легче что-то вспоминать. С годами каждый человек пересекает незримую черту, когда впереди остается совсем немного, и он начинает жить воспоминаниями и сожалеть о несбывшемся. Он задает себе вопрос: а могло ли быть иначе. Мог ли он изменить судьбу или хотя бы повлиять на нее? И, как ни странно, никто не в силах утвердительно ответить себе. У многих складывается впечатление, что все было предопределено.

— А почему Вы заговорили о свитках Мертвого моря? — неожиданно вернулась к прерванному разговору девушка.

— История интересна именно тем, что потянешь за одну ниточку — а размотать придется не один клубок.

— Вы очень точно сказали, — Варя уважительно посмотрела на старика. — Только ниточки от разных клубков часто приводят к разным выходам из лабиринта.

— Истина одна, а книг много. Причем написаны они разными людьми, у которых свои интересы. Важно не только уметь читать, но еще иметь интуицию, которая поможет отыскать среди прочих именно нить Ариадны.

— И свитки Мертвого моря скрывают эту нить? — лукаво произнесла Варя.

— Кто знает, — уклончиво ответил тот. — Многие из найденных документов еще не переведены, да и опубликовано далеко не все, а свитков по пещерам около Вади-Кумран нашли десятки тысяч.

— Вы тоже считаете, что это библиотека из монастыря ессеев?

— Из трех версий происхождения кумранских свитков мне ближе та, что относит эти документы к общине отшельников, добровольно ушедших в пустыню. Многие мысли, высказанные в тех документах, описания быта, литургий и взгляды на устройство мира совпадают с мировоззрением ессеев.

— Но некоторые идеи противоположны иудаизму и христианству, которые владели умами всех живших тогда в тех краях, — горячо возразила девушка.

— Ты имеешь в виду понятие души и реинкарнацию?

— Например…

— Возможно, именно несогласие с взглядами власть имущих первосвященников иудеи заставили отшельников уединились в пустыне и назвать себя Сынами Света.

— Так все-таки это был монастырь?

— Честно говоря, — старик улыбнулся лишь глазами. — Гипотеза о том, что ранее на месте кумранских развалин было производство глиняной посуды, меня не устраивает.

— Почему? — настаивала русская.

— Соглашусь, что реки иногда меняют свои русла и землетрясения уничтожают жилища, но если в округе пятидесяти километров нет и намека на поселок, то я склонен верить, что в Вади-Кумран был монастырь. Для крупного производства в тысячу человек нужны были бы дороги, дерево для обжига глины… И главное. Прятать библиотеку в людном месте никто бы не стал. Пещеры, где полвека назад начали находить свитки, были организованы, как схроны. Для людей и ценностей. Входы в некоторые пещеры располагаются в нескольких десятках метров от земли. Внутреннее обустройство говорит о том, что там скрывались люди не один день. Они жили там месяцами. Причем в разные периоды, отстоящие друг от друга на века.

— Тайное убежище нации?

— Ну, не нации, а большой общины или одного из колен Израилевых.

— По Библии их было двенадцать… — припомнила девушка.

— Верно. Согласно Ветхому Завету, у Иакова было две жены и две служанки. Они-то и родили ему двенадцать сыновей, ставших родоначальниками этого народа. — Старик лукаво взглянул на черноглазую. — Кстати, а ты знаешь, что означает слово завет?

— Завещание?

— Договор… — он помолчал, вглядываясь в удивленное лицо. — Да, не больше не меньше. Завет был договором народа Израиля с Богом. Суть его сводилась к формуле, привычной для

современных юристов: если — то…

— А бессмертие? — Варя запнулась, будто проговорилась, и добавила осторожнее. — Бессмертие души?

— Старо как мир. Голодные мечтают о хлебе, сытые — об удовольствии. О вечной и сладкой жизни мечтают все… Ты же видела пирамиды?

— Да, но как… — девушка была явно взволнована.

— Для этого и была создана религия. Она все объясняет, вселяя несчастным страх и веру. Все, от племен до цивилизаций, создавали себе богов. Священные пантеоны в разных странах насчитывали сотни и тысячи персонажей. А в Индии и сейчас их сотни тысяч. Но только в Египте появился первый царь, кто придумал одного Бога.

— Эхнатон, — тут же выдохнула Варя.

— Браво, девочка, я рад, что не ошибся в тебе, — глаза старика сверкнули. — Жаль, что Атон не долго существовал в умах подданных, но эта блестящая идея была заимствована Моисеем. Впрочем, он вывез из Египта много больше.

— Джузи… — девушка замялась.

— Можешь смело так называть меня, — подбодрил он ее.

— Спасибо. А Вы думаете, что Моисей был реальной личностью?

— Не берусь утверждать правильность произношения имени этого человека, но мне довелось прочесть не один папирус, где говорилось об иудее, спасшем Египет от засухи и голода. Он придумал систему оросительных каналов и стал первым инженером при фараоне. Позже был удостоен самых высоких почестей. В том числе и посвящения в круг избранных, кому были доверены тайные знания.

— А как же бегство или исход иудеев из Египта?

— История полна легенд, — бледные губы старика попытались изобразить нечто вроде улыбки. — Впрочем, тем она и увлекает. — Он помолчал. — А Моисей, или кто-то с подобным именем понял, какую мощь хранили в себе открытые ему жрецами тайные знания. Но стареющая страна Египет не могла их реализовать. Он не стал призывать к революции, а решил создать новую страну на пустом месте.

— Так бегство все же было?

— И еще какое… — глаза опять оживились на неподвижном морщинистом лице. — Ты читала, что на дне залива, где, по преданию, перед беженцами разверзлась морская пучина, нашли множество останков людей, лошадей, оружие и части колесниц. Целую армию на дне!

— Н-нет, — удивленно протянула девушка.

— Разобраться в этих загадках кому-то еще предстоит. Но главное не в том. Тайные знания остались у кучки единомышленников Моисея. Забавно, но почти никто не говорит о том, что, умирая в пустыне, Моисей передал в виде завещания эти знания своей жене, а не брату Аарону, которого он сделал первым священником народа Израиль.

— Под завещанием Вы имеете в виду Святые Скрижали? — уточнила девушка.

— Странно… — старик помолчал. — Почему люди бывают так доверчивы… Ты тоже веришь в то, что Бог передал Моисею свои заветы на каменных пластинках? Неужели Всемогущий не мог прибегнуть к другому способу чтобы внушить десять заповедей или передать иные знания. Вспомни Иисуса. Без всяких Скрижалей, за которыми Моисей якобы поднимался на гору Синай, разбивал их в гневе и вновь шел просить их у Бога, Христос повел за собой миллионы.

— Значит, это некий образ?

— Конечно. Моисею нужно было объяснить соплеменникам, откуда взялись странные таблички с непонятными символами и почему они должны их беречь как зеницу ока.

— Объявляя Скрижали Святыней целой нации, он, таким образом, решил проблему их безопасности, — догадалась Варя.

— Именно так, с помощью простой идеи. Достаточно было указать в текстах Ветхого Завета, что Господь повелел изготовить ларь и назвать его Ковчегом Завета. Священные таблички с текстом хранить только там. Причем Создатель снизошел до того, что описал в деталях, каким должен быть ларь. Материал, форма, размер… Забавно, что Всемогущий обещал общаться с сынами Израиля именно из этого ларца. Не напрямую, от сердца к сердцу, а посредством какого-то ящика. Хоть бы это был и Ковчега Завета.

— Джузи, Вы сказали Ковчег?

— В библейских текстах это пишется именно так. Пусть тебя не смущает, что название созвучно с ковчегом Ноя и корзиной-ковчегом, в котором младенца Моисея дочь фараона нашла на берегу Нила. Надо помнить, что сначала по приказу одного из Птолемеев древние тексты иудеев были переведены на греческий, а потом уже на другие европейские языки. Да и на Никейском Соборе оставшиеся после тщательного отбора тексты еще и подверглись редакции. К терминологии нужно просто привыкнуть, а смотреть глубже.

— Хорошо, — быстро согласилась Варя. — И что же было с Ковчегом Завета?

— Хранители тайных знаний решили объединить племена народа Израиль и создать новое государство вокруг Ковчега

Завета.

— Хранители?

— Конечно. Это было тайное общество, оберегавшее сундучок со странными табличками на протяжении почти пяти веков после бегства из Египта. Они пытались работать над текстами, скрываясь в пещерах, пока не был построен Храм на Святой горе. Тут большую роль сыграл Давид. Несмотря на свое незавидное происхождение. Он был сыном земледельца из Вифлеема. Давид царствовал сорок лет, из них тридцать три года правил объединенным государством Иудеи и Израиля, создав все условия для возведения Храма.

— Вы говорите о Храме в Иерусалиме?

— Его называют Первым Храмом. Но построил его Соломон, сын Давида. Это было более девяти веков до рождества Христова. Храм стал святилищем в полном смысле этого слова.

— За толстыми стенами работа с текстами пошла быстрее?

— Несомненно, ведь за табличками с непонятными символами охотились шпионы. И не только из Египта.

— Но если они обладали тайными знаниями, а Храм был разрушен, значит, что-то было не так.

— Я думаю, что причина проста как мир. Трудно обладать могуществом и оставаться праведником.

— Они нарушили божьи заповеди?

— Что-то вроде этого. По крайней мере, стали нарастать противоречия среди бывших единомышленников. Двенадцать колен Израилевых не могли быть равными, один род хотел быть главным. Государство, которое захватило или купило себе территорию ханаанских племен для Земли обетованной, к тому времени обладало немалыми средствами и силой.

— Завоевало? — удивленно приподняла бровь девушка.

— Царь Давид был воином и пролил немало крови, отвоевывая территорию и богатства для нового государства. Оттого ему и не разрешили строить Святой Храм. Он использовал все доступные средства для достижения цели. Но на всякую силу всегда отыщется большая сила. После смерти Соломона объединенное его отцом государство опять распалось на Иудею и Израиль. Вавилонский царь Навуходоносор осадой взял Иерусалим и разрушил Храм. Десять колен Израилевых покинуло Землю обетованную, и лишь два колена осталось в Иудее. Но не это главное. Тогда исчез Ковчег Завета.

— Я об этом ничего не знаю, — призналась Варя.

— О, это длинная история. Позже иудеи оказали помощь персидскому царю Киру в покорении Вавилона. После чего тот разрешил заново отстроить Храм на Святой горе Иерусалима.

Приложил к этому руки и знаменитый Дарий. Строительные работы были закончены на шестой год его правления.

— И это все для того, чтобы Ковчег Завета вернулся в Храм?

— Конечно. Иудеи могли хранить его только там. Согласно библейским текстам именно на Храмовой горе находится «центр земли». Не только посвященные знали об этом условии. Многие авантюристы и лазутчики иных тайных обществ хотели завладеть его секретами.

— Так это произошло?

— Храм разрушали неоднократно, а вот находили Ковчег Завета или нет, покрыто тайной. Похоже, что разрушали в отместку за несостоявшиеся попытки. Думаю, что иудеи умели хранить свои тайны. Впрочем, единственный завоеватель, кто не разрушил Святой Храм в Иерусалиме, был Александр Македонский. Он прошел от Сирии до Египта, но не осквернил ни одной иудейской святыни. Эллинские цари даже приносили богатые дары в Храм. В период греческого владычества его вновь отстроили. Чего нельзя сказать о римлянах. Полководец Помпеи за шестьдесят лет до рождества Христова осадил Иерусалим и разрушил Храм.

— А Ковчег Завета так и не нашли…

— В библейских текстах об этом ничего не говорится.

— Но ведь в свитках Мертвого моря упоминается о великом сокровище, — не отступала Варя.

— Если быть точным, то в двух особенных свитках. Медных. Их долго не решались развернуть из-за состояния металла, который почти истлел. Потом все-таки распилили на продольные полоски, сложили и перевели текст.

— Я что-то припоминаю о тоннах золота, которые где-то зарыты.

— Да, в текстах медных свитков точно описаны места восемнадцати кладов, хранящих сотни талантов золота и драгоценных камней. Но нельзя забывать, что вес самого таланта неоднозначен. В те времена талант имел разные номиналы в разных странах, но в любом случае это несметные богатства…. А ты ищешь золото?

— Нет, — без колебаний ответила девушка. — Менее всего я хотела бы наткнуться на него. Вокруг сокровищ всегда кровь… В этой книге, — она указала взглядом на потрепанный переплет, прижатый к почти мальчишеской груди, — речь идет о некоем кладе, спрятанном в Египте.

— Ты верно перевела, — старик внимательно посмотрел на девушку. — А что тебя смущает?

— Это военная хитрость — прятать клад у врагов?

— Ну, евреи не всегда враждовали с египтянами. И Египет не всегда был арабским. Если ты помнишь, мудрый Соломон сделал своей первой женой дочь фараона. А во время войны с Вавилоном Иудея и Египет были союзниками.

— Да, и пирамиды первыми начали грабить арабы, — кивнула Варя. — Когда завоевали Египет.

— Только не идеализируй евреев. Они всегда были агрессивной нацией, и все войны объявляли справедливыми, ссылаясь на свои священные тексты. Задумайся, почему могущественный Рим объявил маленькое государство иудеев в рамках Палестины, затерянное где-то на задворках великой империи, своим врагом. Почему на подавление еврейских повстанцев из Британии был прислан самый успешный полководец, возглавивший несколько лучших легионов, которые перед этим легко покорили Сирию, Персию и Палестину?

— Это восстание Бар-Кохбы?

— Не только. После падения Галилеи и Иерусалима еще сопротивлялась крепость Массада. Ее защитники во время последнего штурма совершили одно из величайших самоубийств, лишив жизни не только защитников, но и всех жителей, включая младенцев. В ту войну римляне уничтожили около миллиона иудеев, а Палестину разделили на части, распродав и раздав новым поселенцам. Иудейское государство было стерто с лица земли, остатки нации развеяны по свету. В наши дни в Иерусалиме очень много исламских и христианских памятников, а от Священного Храма осталась только часть западной стены, которую евреи называют «Стеной плача».

— А Ковчег Завета?

— Его так и не нашли. С тех пор он только обрастает странными подробностями. Некоторые тексты утверждают, что в Ковчеге помимо Скрижалей хранился свиток Торы, написанной лично Моисеем. Еще там якобы обнаружилось блюдо с манной небесной. Позднее узнали, что среди прочего в Ковчег прятали непроизносимое имя Бога. Мусульмане утверждают, что еще в Ковчеге хранился жезл пророка Муссы и митра пророка Харуна. Причем сразу же после исчезновения Скрижалей из Иерусалима они появились чудесным образом в виде небесного камня Каабы, который стал исламской святыней и хранится в Мекке. Надо сказать, что в исламе и иудаизме история появления и утраты Ковчега Завета схожи. Называя его «Хранилищем благодати», мусульмане утверждают, что Ковчег вернется в Храм сразу после того, как все жители Земли уверуют в Коран и Аллах изберет нового царя Израиля.

— А что же христиане?

— В Апокалипсисе Иоанна Богослова сказано, что Ковчег Завета вернется в Храм во время второго пришествия Иисуса.

— И больше никаких следов? — с надеждой произнесла Варя.

— Известны противоречивые документы, одни указывают на то, что Ковчег Завета был увезен в Вавилон, другие — в Турцию, иные утверждают, что он спрятан под самим Храмом. Есть намеки на то, что его нашли «храмовники».

— Тамплиеры?

— Да, им многое приписывают. Но, пожалуй, самым интересным является намек на то, что Ковчег Завета был спрятан у ессеев.

— Почему?

— Это ветвь отшельников из Колена Иуды, откуда были родом Давид и Соломон. Развалины монастыря ессеев и пещеры, где было обнаружено множество свитков, находятся в нескольких километрах от Мертвого моря. А эти земли были отданы представителям Колена Иуды при дележе завоеванной территории для Земли обетованной.

— Как интересно! — с восторгом воскликнула девушка. — Вот почему в Новом Завете яркий отрицательный персонаж носит имя Иуды… В отместку.

— Мне нравится твоя сообразительность, — старик блеснул глазами. — Надеюсь, ты понимаешь, что Давид не случайно выбрал столицей объединенного государства еврейских общин именно Иерусалим. Согласно преданию, Давид получил послание Господа через пророка, по имени Гад, идти в Иудею, где Колено Иуды помазало его на царство. Город Иерусалим находился как раз на границе между наделами Колен Иуды и Вениамина. Провозгласив там столицу, Давид приобрел двух сильных союзников, но сделать столицу Святым городом было не просто. Дело в том, что в библейских текстах нет прямых указаний Бога на то место, где должен храниться Ковчег Завета. Более того, Господь, зная слабости людей, говорил лишь о том, как должно изготовить Ковчег, чтобы Он оттуда мог общаться с избранными. Давид исправил эту неточность.

— И что же он придумал?

— В период, когда на территории Иудеи зверствовала язва, Давид заявил, что ему было послание все через того же пророка Гада построить алтарь Господу, где приносить жертвы во искупление грехов. А знаком свыше было явление ангела с мечом. Причем меч справедливости сверкнул как раз над Иерусалимом. Построенный алтарь помог одолеть эпидемию, и уже ни у кого не возникло вопроса, где строить Храм.

— А противники молчали?

— Думаю, они и не стали возражать, поскольку Ковчег в то время находился у Давида. Так в библейских текстах появилась фраза о том, что Господь указал место для Святого Храма. Стоит ли уточнять, что позднее именно на том месте, где строили Первый Храм, был найден Краеугольный камень.

— Это что-то из масонства?

— Вольные каменщики многое заимствовали у иудеев. Начиная от колонн Первого Храма и кончая символикой. Этот камень, в три пальца высотой, еще называют Центром Земли. На нем и построили Двир — помещение кубической формы, где хранили Ковчег Завета.

— То есть истинный Центр Земли мог находиться только на Земле обетованной?

— Более того, только на территории, принадлежащей Колену Иуды. В столице этого племени.

— И если бы иудаизм стал единой религией всех жителей земли, Иерусалим стал бы столицей всего мира.

— Браво, девочка! — глаза старика с нежностью смотрели на Варю. — Ты видишь, как просто можно заставить миллионы поверить в то, что они должны считать захолустный поселок в пустыне великим городом. С этого начинается мировое господство. Этот простой секрет знали Моисей, Давид, Соломон… О нем догадывались Нерон и Тиберий, поэтому задумали стереть с лица земли Иудею. Рим не хотел делиться властью. Причем властью, основанной не на силе, а на искренней вере. Такой, за которую шли на костер с гордо поднятой головой.

— Джузи, но как можно заставить верить в то, чего нет?

— Дитя мое, человек рождается для веры… — взгляд главы старинного клана стал грустным. — Задумал ли так Создатель или внеземной разум, посетивший когда-то нашу планету, я не знаю… — он замолчал, уставившись в точку на горизонте. — Подавляющее большинство людей на Земле удивительно восприимчиво к религии. Каким-то образом это заложено в нашем генетическом коде. Более сообразительные собратья догадывались об этом прежде сородичей и пользовались в своих интересах. Любая социальная общность, от затерянного в пустыне племени до нации или альянса нескольких стран, имеет религию, — старик иронично взглянул на Варю. — Даже ваши коммунисты, объявившие себя атеистами, лишь подменили православие другой религией, причем более жесткой. Легко проверить по основным признакам: приношение жертв во имя веры и борьба с еретиками. Ибо религия есть власть над разумом. Нелогичная, овеянная мифами и одурманивающее приятная. С ней спокойно и комфортно.

— Значит, Иисус появился не случайно?

— Конечно! Нашлись неглупые люди, понявшие, какие возможности заложены в монотеизме для мирового господства, а тайные знания для реализации этой идеи уже были у кого-то в руках.

— Таблички с текстами из Ковчега Завета кто-то нашел?

— А как ты думаешь, почему неизвестный проповедник Иешуа Га-Ноцри из некой секты, коих было тогда в Иудее не менее двух десятков, вдруг стал быстро овладевать сердцами самых разных людей.

— Секты? — удивилась Варя.

— А как бы ты назвала небольшую группу людей, придерживающихся иных религиозных воззрений и даже противоречащих вековым традициям Торы? — лицо старика оставалось почти бесстрастным. — Это сейчас Иисус для всех сын Божий, а, появившись в тридцатом году нашей эры, он был одиноким бродягой. Представь, не имея ни финансовой, ни политической поддержки, он за пару лет стал чрезвычайно популярен. Что так воздействовало на соплеменников?

— Иисус владел особой технологией общения… — предположила девушка.

— А ты помнишь, где крестился Иисус? — неожиданно спросил старик.

— Приток Иордана в местечке Вада-Харрар, — без запинки выпалила Варя.

— Умница. Но мало кто знает, что это всего в восемнадцати километрах от монастыря в Вади-Кумран…

— Вы хотите сказать, что Иисус был связан с ессеями!

— Ни одно из Колен Израилевых не имело обряда крещения водой. К тому времени почти пятнадцать веков они поклонялись своему Яхве и ничего, кроме обрезания, не практиковали… Кстати, ты знаешь смысл обрезания?

— Это что-то связанное с гигиеной?

— Чушь! — старик оживился. — Это старинный символ обнажения души перед божеством. Практиковался и в Египте, и в Сирии, и в Персии, у которых с гигиеной все было хорошо и воды хватало. Многие древние народы поклонялись фаллосу, как прообразу одного из Богов на земле, задолго до иудеев. Изображение обрезанного детородного органа величиной от сантиметра до нескольких метров можно без труда найти по всему свету. И это не эротика, это реальная религиозная атрибутика. Позднее Священная инквизиция каленым железом выжигала все, что связано с язычеством в сознании христиан.

— Значит, крещение водой стало новым религиозным

обрядом новой религии…

— И опять ты умница, — старик одобрительно посмотрел на юную собеседницу. — Слышала ли ты что-нибудь о ритуалах посвящения в различных мистических школах?

Варя сделала неопределенный жест рукой.

— Во всех тайных школах или кланах обряд посвящения обязателен для новичков. Такое посвящение может быть абсолютно безобидным, наподобие простого окунания в воду, а может и нести особое воздействие на сознание человека. Все зависит от желаемого результата. В процессе могут использовать ритуальные настойки плодов или грибов, дымить особенными травами, отстукивать специальные ритмы, смешивать и выпивать кровь, но главное — произносить священные тексты. При этом посвящаемый осознанно открывается для такого воздействия, и только от мастера, проводящего обряд, зависит результат. Диапазон воздействия велик: от внушения хорошего настроения до открытия или уничтожения определенных способностей. И только в одном монастыре знали удивительную способность простой воды хранить и передавать информацию.

— Если Иоанн Креститель в речушке у Вада-Харрар открыл у Иисуса какие-то сверхспособности, то Мессия должен был принадлежать к тайной школе иссеев?

— Прямых подтверждений нет. Новый Завет умалчивает о периоде жизни Иисуса с тринадцати до тридцати лет, а это отличный возраст для осознанного обучения. Имеется ряд косвенных признаков о принадлежности Иисуса к ессеям. Как и эти отшельники, он презирал собственность, носил такую же одежду и был очень скромен в быту, говорил на том же диалекте, не притрагивался к перу, ибо у ессеев для письма требовалось особое посвящение, хранил обет безбрачия… Ты, наверное, знаешь, что в то время среди иудеев такой мужчина считался бы проклятым. И главное, проповеди Иешуа Га-Ноцри были основаны на мировоззрении ессеев.

— Этим он навлек на себя гнев власть имущих?

— Несомненно. Верхушка иудейских церковнослужителей быстро оценила исходившую от нищего проповедника опасность, поняв методы его работы. Это осознал и Понтий Пилат. Литературные сюжеты, в которых прокуратор сочувствует новоявленному Мессии и даже пытается спасти, — полная чушь, написанная много позже в Ватикане. Иешуа явно пытали, чтобы выведать секреты ессеев, вернее, где спрятаны таблички с текстами, украденные Моисеем у жрецов Египта. Ведь не случайно Мессия вошел в Иерусалим на Пасху — праздник, посвященный дате исхода евреев из Египта.

— В истории нет случайностей, — кивнула понимающе Варя.

— Меня не покидает мысль, что совпадение в некой точке пространства с неким моментом времени и с некими тайными знаниями, которыми обладал Иисус, могло породить некий особый процесс.

— Джузи, Вы говорите о воскрешении несчастного, распятого на кресте?

— Очень может быть, что произошло нечто-то похожее.

— Чудо?

— Простым смертным это могло показаться именно так. Для рождения новой религии нужен был толчок, равносильный взрыву новой звезды. Не забывай, что ессеи были вредной сектой в глазах у всех иудеев.

— Вот почему я никогда не могла понять, отчего Иисус не был востребован евреями. Огромный христианский мир, живущий за тысячи километров, почитает его и эти места святыми, а соплеменники обходят молчанием.

— Евреи молятся своему Богу и живут согласно священной Торе. Все остальное — мир иноверцев.

— Значит, ессеи верно просчитали все шаги многоходовой комбинации с Иисусом?

— Думаю, что им все удалось.

— Но ведь было немало жертв среди первых христиан, — засомневалась девушка.

— Смертники и великомученики есть в любой религии. Иногда их даже искусственно создают. Вера и жертвоприношения неразделимы. Реальная кровь, пролитая во имя мифа, делает его жизнеспособным. Именно жертва становится питательной средой в сознании верующего для закрепления религиозных воззрений на уровне инстинкта.

— И кто-то все это так удачно спланировал?

— Эти кто-то нашли таблички с тайными текстами, украденными Моисеем, и почерпнули из них технологию воздействия на человека. Думаю, результат превзошел все их ожидания.

— У них было что-то посильнее гипноза?

— Мне почему-то кажется, что ты не случайно знаешь арамейский и не расстаешься с этой книгой. Впрочем, это тема для другого разговора… Ты не принесешь мне воды? Что-то я устал. Да и пора принимать лекарства. Мое умирающее тело не может без них существовать.

Черноглазая девушка постаралась скрыть разочарование от того, что пришлось прервать беседу, и легкой походкой поспешила исполнить просьбу старика. А тот остался наедине со

своими мыслями у открытого окна с чудесным видом на безмятежную бухту.

Глава II. Геранд

— Братья, позволю взять на себя почетное право зажечь серебряную свечу, как древний знак нашего Ордена, символизирующий отпущенное для встречи время.

— Храни, Господь, Святой Орден, — послышались в ответ негромкие голоса.

Невысокий сухопарый мужчина с пронзительно голубыми глазами и пышной копной седых волос был облачен в простую белую накидку, ниспадающую до каменных плит пола. Его безукоризненный французский звучал с легким акцентом, намекающим на жителя туманного Альбиона.

— К сожалению, магистр сейчас находится в глубоком погружении, и согласно параграфу о семинарах я взял на себя ответственность информировать высокое собрание о событии, не терпящем отлагательства.

Небольшое помещение со сводчатым потолком из серого ракушечника за отсутствием окон освещалось толстыми свечами в красивых старинных подсвечниках по стенам. У единственной двери из толстого резного дерева, окованного массивными металлическими полосками, с внешней стороны стояли два монаха в простых длинных рясах с капюшонами, скрывающими лица. Внутреннее убранство комнаты было скромным. Несколько простых скамеек, на которых сидело две дюжины человек, да стоящий перед ними небольшой столик с изящной тонкой свечой составляли незамысловатый интерьер мрачной комнаты. А ее акустика была рассчитана так, что даже очень тихая речь сидящего за небольшим столиком человека была отчетливо слышна только находящимся в центре помещения и совершенно стихала вне этого пятачка. Любопытное ухо, прислоненное к массивной двери в коридоре или стенам, не могло уловить ни единого звука изнутри. Даже монахи в капюшонах у двери не пытались напрягать слух, зная, что это бесполезно. Ни окон, ни вентиляционных отдушин не было. Эта комната умела хранить тайны.

— Дело в том, что братья Северного Замка встревожены неординарным событием, — оратор сделал паузу, подчеркивая важность произносимых слов. — Один из флэшеров, посвященный пятой ступени, подвергся необычному воздействию. Выполняя миссию в России, наш инициатор не вышел на связь в установленные сроки и позднее был найден в бессознательном состоянии в одном из госпиталей Москвы. С помощью братьев Русской Крепости нам удалось переправить пострадавшего в

реабилитационные покои монастыря в Праге, но результатов пока нет. Орден встревожен таким жестоким актом агрессии в отношении одного из наших братьев, причем достаточно опытного и обладающего безукоризненной репутацией.

Голубые глаза человека в белой мантии скользнули холодным, испытующим взглядом по лицам сидящих на скамейках мужчин. Все они были преклонного возраста и, несмотря на различие в национальности и типе внешности, одна черта их облика удивительным образом объединяла собравшихся, делая в чем-то очень схожими. Это были сухопарые, подтянутые мужчины со строгими лицами аскетов, на которых застыл немигающий, властный взгляд. В каждом движении чувствовался выразительный жест привыкшего повелевать, не тратя времени на эмоции.

— Анализ ситуации показал, что атакующий умело скрыл все следы своего воздействия на пострадавшего. Даже настоятель Пражского монастыря, флэшер Йозеф, посвященный на седьмую, высшую ступень мастерства, не смог понять механизма атаки. Все сеансы локации временных и ассоциативных областей памяти жертвы оканчивались одинаково. Черный туннель, глубину которого определить еще не удалось. Он обходит временной отрезок длинной около года жизни нашего несчастного брата. Позволю себе напомнить, что это посвященный пятой ступени.

Аудитория хранила молчание, и последние слова оратора, метнувшись коротким эхом среди арок сводчатого потолка, оставшись там навсегда. Давние традиции подобных собраний подразумевали возможность любого из присутствующих высказываться, но их опыт подсказывал, что рука, лежащая рядом с серебряной свечкой на маленьком столике, не вскинется в жесте, предоставляющем слово желающему. Облаченный в длинную белую накидку до пят не случайно занимал это место. Присутствующие были уверены, что он давно просчитал все известные варианты и опробовал их. Более того, обладатель пронзительных голубых глаз мог видеть многое, что было скрыто от остальных. Стать лайтером Ордена Сынов Света суждено лишь гению, что рождается раз в столетие. Его долго ищут зоркие следопыты всех монастырей тайного общества. Более полувека назад присутствие такого вундеркинда в одной из деревушек Ирландии почувствовали братья Западного Замка. Мальчика выкрали и воспитали в одном из монастырей Ордена. Претендента долго проверяли и готовили к миссии. Ожидая своего часа, Сын Света переходил с одной ступени мастерства на другую, пока не достиг шестого уровня. Посвящение прошло восемь лет назад, когда ушел в мир иной предыдущий

инквизитор Ордена. Ярко-голубое свечение ауры нового Лайтера обещало обеспечить надежные тылы братству. Собственно говоря, так и было на протяжении всего последнего времени, за исключением обсуждаемого инцидента. Такой наглой агрессии никто из собравшихся не мог припомнить за долгие годы совместного служения великой идее.

— Нет сомнений, что атака на инициатора была вызвана внедрением одной из наших торговых фирм на рынки России. Тщательно спланированная и безукоризненно выполненная акция была прервана на финальной стадии, в результате чего наша фирма потеряла более пятидесяти миллионов евро и лидерство на огромном русском рынке в своей области. Упущенная выгода уже к концу финансового года превысит сто миллионов. Собственно, поэтому дело передано в ведение инквизиции Ордена.

Подобно великому актеру на знаменитой сцене, лайтер отлично чувствовал ситуацию в зале и наслаждался своей игрой. Конечно, не всем это было по душе, но никто не посмел сделать замечание такому могущественному собрату. Весь Орден придерживался незыблемых правил: скромность в быту, безбрачие и ограничения в удовольствиях, доступные простым смертным, что оставляло братьям совсем немного маленьких человеческих радостей в этой жизни.

— Отвечая на первый вопрос, кому это выгодно, мы вычислили предполагаемого заказчика. В Санкт-Петербурге, где произошел инцидент, в интересующий нас период открылся филиал миланской фирмы «Флорентино», куда странным образом перекочевали утраченные нами ресурсы. Фирма принадлежит клану Валороссо из Сицилии. Надеюсь, присутствующим не нужно напоминать, что эта семья в самом начале становления Ордена Сынов Света была близка нам и долгое время поддерживала дружественные отношения. Однако с переходом власти к молодому и слишком амбициозному Антонио, который, кстати, еще не стал официальным хранителем Книги Силы клана Валороссо, наши интересы уже пересекались. Некоторым известен инцидент с исчезнувшей яхтой, владельцем которой был наш разведчик. Это случилось прошедшей зимой. Есть все основания полагать, что там не обошлось без стрелков из Трапани. Поскольку это напрямую не затронуло Орден, Светлейший Совет решил не предпринимать никаких активных мер, а лишь усилить мониторинг.

В последовавшей за монологом паузе холодный взгляд голубых глаз стал медленно прощупывать каждого сидящего в комнате без окон. Повинуясь параграфу о семинарах, все

участники должны были максимально снять защиту перед старшим собратом, сидящим у серебряной свечи. Впрочем, этого и не требовалось. Лайтер обладал таким уровнем мастерства коммуникаций, что легко обходил любые из известных способов защиты сознания. Вовремя замеченные способности странного мальчика были шаг за шагом развиты с помощью уникальных методик в нескольких монастырях Ордена до такой степени, что даже учителя и некоторые члены Светлейшего Совета были весьма осторожны в общении с ним.

Со стороны могло показаться, что оратор замолчал из вежливости, дабы не утомлять пространными речами коллег, но на самом деле он сканировал сознание каждого участника встречи, подмечая одному ему заметные особенности. Остановив свой взгляд на крайнем в последнем ряду сухоньком старичке, который бодрячком сидел на краешке отполированной рясами скамейки, словно петушок на насесте, лайтер незаметно для всех сосредоточил свое внимание на мужчине с красивым греческим профилем во втором ряду. И вернулся он не зря. Потомок эллинов позволил себе расслабиться, почувствовав, как напряжение вокруг него спало, после того как председательствующий перешел к соседу.

Куратор балканского региона, известный собратьям Сынов Света как гловер Демис, в обычной жизни был удачливым агентом небольшой страховой компании в Салониках, принадлежащей Ордену. На завтра у него была назначена встреча с клиентом в одном из старых городов на берегу Луары. Демис всегда с большим удовольствием приезжал именно в Нант. Когда-то он был влюблен в молодого профессора, читавшего курс римского права в университете Нанта. Итальянка была чертовски хороша и темпераментна. Она была лет на десять старше, и кто знает, как бы сложилась судьба гловера, если бы не строгие правила Ордена. Повинуясь параграфу о чистоте, Демос однажды утром приказал себе больше не думать о Биатрис. Правда, воспоминания о ней накатывали всякий раз, когда он приближался к Нанту. Возможно, поэтому он с особой теплотой относился к старым площадям и улицам, мощенным ажурным брусчатым рисунком, секрет которых канул в Лету вместе с артелями гранитных дел мастеров. Когда-то они с Би подолгу бродили по этим извилистым улочкам и кружились в танце на площадях под музыку, что звучала только в их сердцах. Ах, что это было за время! Впрочем, именно время умеет так мастерски прятать в тень все ненужное и подсвечивать очаровательные моменты молодости и влюбленности, которые потом ложатся яркими бликами на алтарь воспоминаний.

— Вот, собственно, и все, что я хотел сообщить вам сегодня, — лайтер как бы нехотя нарушил молчание. — Нам необходимо быстро собрать и проанализировать информацию по данному инциденту. Библиотека в Арле будет ждать ваши отчеты в течение трех дней. Поиск аналогичных инцидентов в наших архивах пока не дал положительных результатов, так что надеюсь на вашу помощь, братья… Храни, Господи, Святой Орден!.

Узкая рука с синими прожилками вен под бледной веснушчатой кожей осторожно взяла серебряную свечу на столе. Описав круг в ритуальном прощальном жесте, огонек погас, замкнув траекторию.

— Храни, Господи, Святой Орден! — эхом отозвалось разноголосое собрание и стало расходиться. Все безмолвно прощались лишь взглядами согласно давней традиции. Члены тайной организации вели очень скромный образ жизни и никогда не проявляли своих эмоций ни публично, ни наедине с братьями. Неподвижное лицо всегда оставалось безучастным ко всему окружающему, и лишь тот, кто встречался глаза в глаза, мог понять истинный смысл устремленного на него взгляда. Эти навыки невербального общения, выработанные с годами, помогали каждому Сыну Света различать в любой толпе своего, даже незнакомого собрата.

Демис неожиданно почувствовал желание задержаться в комнате без окон и стал пропускать вперед и без того неторопливых участников странного собрания. Встретившись взглядом с настоятелем небольшого монастыря близ Марселя, известного в братстве как флэер Джозеф, он лишь молча поблагодарил того за приглашение продолжить встречу, но отказался. Они давно были в дружеских отношениях и при случае не упускали удовольствия пообщаться за чашкой кофе наедине. Джозеф был очень интересным собеседником. Казалось, не было темы, которую бы он не смог авторитетно поддержать. В свои семьдесят с небольшим лет это был радушный и добрый человек. Сдержанный и тактичный, Джозеф мало походил на француза. Возможно, не будь у братства строгих правил безбрачия, он обзавелся бы большой семьей, в которой все непременно любили бы этого светлого человека, а детвора не слезала бы с его колен и гроздьями висела бы на шее. Но, обрекая себя на добровольное одиночество, Джозеф выплескивал свою невостребованную любовь на монастырскую обитель, где все искренне уважали его. Впрочем, Святейший Совет Ордена не считал флэера из Марсельского монастыря эдаким юродивым. Они часто прибегали к помощи Джозефа для выполнения силовых миссий. Если этот добрейший человек верил в справедливость готовящейся акции,

вся его нерастраченная любовь и удивительный интеллект превращались в инструмент такой сокрушительной силы воздействия, что увидевшие результат атаки флэшера мысленно преклоняли перед ним колено.

Будь у Сынов Света традиция награждать медалями, кубками или грамотами своих собратьев за успешное выполнение особых миссий, Джозефу было бы чем гордиться. Однако строгие правила Ордена предполагали скромность и внутреннее удовлетворение. Эмоции не растрачивались попусту. К примеру, аналогичная буря восторга или возмущения, что низвергается футбольными фанатами на стадионах в стычки с болельщиками иных команд или полицией, братством Света умело аккумулировалась для выполнения истинной идеи.

Чувство огорчения от упущенной встречи с Джозефом и неосознанной тревоги, вызванной желанием остаться в опустевшей комнате без окон, заставили Демиса внутренне напрячься. Однако, несмотря на выставленную защиту, он почувствовал боль в затылке. Это было явным присутствием чужого разума в его сознании. Словно вирус в здоровом теле, присутствие чужой воли вызывало протест собственного сознания. Результатом такой борьбы была боль. Сопротивление защиты проламывалось, и ее образные осколки словно впивались в мозг, вызывая ноющие болевые ощущения. Погибая, защита предупреждала о вторжении. Этим навыкам обучались все Сыны Света с раннего детства. Если ребенок обладал соответствующими способностями и попадал в зону внимания следопытов Ордена, судьба его была предопределена.

— Спасибо, что согласились поговорить со мной, — голос лайтера звучал издевательски. — Помнится, Вы как-то рассказывали мне о приятельнице по университету в Нанте.

Гловер от изумления не проронил ни слова. Он даже захотел присесть, но удержался.

— Как бишь ее звали… Она преподавала историю римского права, если я не ошибаюсь.

— Би… Биатрис, простите.

— Да, конечно, — снисходительно согласился инквизитор.

А не припомните ли Вы, уважаемый Демис, что-нибудь о ее матери. Упоминала ли Ваша Биатрис о молодости своей матери… О Флорениции, кажется… Я что-то смутно припоминаю…

Капелька холодного пота сбежала по позвоночнику потомка эллинов. Он чувствовал ее влажный след на своей тщедушной спине и отчетливо представлял, как он выглядит. Длинный и узкий, словно клинок тонкого стилета, пронизавшего все его чакры сверху вниз. Он будто пригвоздил гловера к напольным

плитам, заставив держать спину очень ровной. От этого ощущения малейшее движение приносило боль.

— У ее матери была очень близкая подруга, обе собирались замуж и назначили свадьбу на один день, но та погибла, — страховой агент не узнал свой голос. — Ее звали Джулия.

— У Вас замечательная память, Демис, — на лице лайтера не было и намека на улыбку. — Продолжайте.

— Но это было очень давно, еще до войны, — куратор балканского региона Ордена нервно сглотнул. — Кажется, подруги учились во Флоренции. Я могу ошибаться, поскольку слышал эту историю, когда учился в Нанте. Это были семидесятые годы, и с тех пор не видел Биатрис.

— Что же, это похвально, брат мой. Наше дело не терпит отвлечений. Подобные слабости отбирают слишком много энергии, а это непозволительно.

Они помолчали. Вернее, инквизитор сделал многозначительную паузу.

— У меня к Вам будет просьба, дорогой Демис…

От пристального взгляда пронзительных голубых глаз заверения в обязательном исполнении застряли в горле почти парализованного гловера.

— Не планируете ли Вы посетить Нант в ближайшее время? — продолжил инквизитор Ордена, насладившись моментом власти.

— Завтра у меня намечена встреча с клиентом. Мы договорились за вечерним чаем просмотреть бумаги по страховке. Он живет недалеко от собора Святого Павла.

— Красивый собор, — у Демиса опять защемило в затылке. — Не могли бы Вы зайти в университет и навести справки о своей знакомой Биатрис. Кто знает, может быть, удастся встретиться и поболтать о молодости. Женщины на склоне лет очень сентиментальны.

Гловер лишь коротко кивнул в ответ.

— Узнайте все о подруге ее матери. Мне почему-то кажется, что она могла бы стать нам полезной… И будьте осторожны. Впрочем, не мне Вас учить общению с дамами. Вы ведь всегда числились в любимчиках женщин.

Демис внутренне содрогнулся от одной мысли, что лайтер знает о его случайной связи с Надин. Дело в том, что, выполняя одно из деликатных поручений Ордена, страховой агент вынужден был прибегнуть к испытанному способу получения информации. Он познакомился с подругой клиентки и быстро узнал необходимые детали супружеской жизни интересующего объекта. Впрочем, куратор немного увлекся, но решил не

указывать в отчете, что данные получил в постели. Кто бы мог подумать, что степенный мужчина с сединой мог проявлять юношескую настойчивость и пылкость в объятьях далеко не юного женского тела. В благодарность за фантастическое удовольствие и разбуженные воспоминания Надин не только поведала Демису все о своей подруге, но и готова была на большее. Однако увы, увы, увы. Это была производственная необходимость. Стоит ли вспоминать?

Секундой позже, заметив улыбку на лице инквизитора, балканский куратор пожалел, что вспомнил этот щекотливый эпизод. Заглаживая грехи, он трижды мысленно повторил заветную фразу: «Храни, Господи, Святой Орден!». И был прощен.

С трудом передвигаясь на дрожащих ногах, Демис покинул церквушку через неприметную боковую дверь. Несмотря на солидный возраст, изъеденная кое-где плесенью и червями массивная дверь даже не скрипнула. Прошло немало лет с тех пор, как эта церковь на площади небольшого городка Геранд, окруженного стенами в пять метров толщиной и до сих под действующим рвом с водой, спасала жизнь наследнице престола Бретани. Запад Франции всегда претендовал на особый статус в едином государстве. Впрочем, теперь многое изменилось. Границы между странами становятся все более прозрачными, а международные организации все более значимыми.

На улице Демис вновь почувствовал себя простым страховым агентом, зашедшим во время служебной командировки в музей. Геранд был именно городом-музеем, он разделил участь многих замков Франции. Средств на содержание исторической ценности в казне не хватает, вот и приходится владельцам сдавать часть помещений в аренду под рестораны, дорогие отели или частные апартаменты. В мире всегда находятся богатые чудаки, готовые заплатить хорошие деньги за ужин в графских покоях, брачную ночь в королевской спальне, корпоративную вечеринку в загородном доме известной фаворитки или шикарную свадьбу в настоящем дворце Людовика.

Внимание Демиса привлекла группа людей в черном у входа в церковь. Похоже, они по-настоящему отпевали покойника, но толпа зевак делала из этого траурного процесса некий фарс. Вездесущая группка маленьких японцев даже фотографировалась на фоне дорогого гроба из красного дерева. Впрочем, скорее всего, усопший завещал отпевать себя здесь в угоду своим амбициям, а не религиозным соображениям. Многое грешники живут и умирают неестественно, словно играют в какую-то надуманную игру. И даже своим последним минутам пребывания

на этом свете стараются придать особую значимость, не желая понимать, что в мыслях у окружающих их образ далек от желаемого ими.

Не первый раз Демис приезжал на семинар в Геранд. Это было особое место для братства Сынов Света. В тайных подземельях древней крепости были спрятаны некоторые артефакты. Центральный замок Ордена всячески оберегал это хранилище, что позволяло проводить встречи на самом высоком уровне, не привлекая внимания. К тому же неподалеку находился хороший аэродром, а в пятнадцати километрах располагался один из лучших европейских курортов Ля-Боль.

Девятикилометровая дуга песчаного пляжа на Атлантическом побережье Франции была знаменита не меньше Ривьеры. Не случайно здесь построили конечную остановку одной из веток скоростного экспресса из Лондона и автодороги с особым покрытием. Приезжим было нетрудно затеряться среди множества отелей и богатых вилл на побережье и ненароком посетить старый Геранд. В отличие от Ривьеры, где любила пошуметь молодежь, окрестности Ля-Боля были спокойны. Мелководье с песчаными дюнами и соляные болота делали эти края прибежищем тех, кто любит уединение. Поэтому встреча с солидными пенсионерами не вызывала нездорового интереса.

Состоятельные люди не только Франции, но и других стран Европы покупали в Ля-Боле дома или апартаменты в отелях, что позволяло им приезжать сюда в любое время без предварительных согласований. Ценя покой своих постоянных клиентов, администрация тратила немалые средства на безопасность, и нужно сказать, что преуспела. В отличие от Ривьеры, здесь не болтались на улицах подозрительные личности или попрошайки, прохожим не предлагались китайские подделки, а все рестораны и бары так дорожили своей репутацией, что их меню могло позавидовать любое столичное заведение.

С обеих сторон бухту Ля-Боль замыкали рыбацкие деревушки Круазик и Порнише. Это было Меккой для гурманов Европы. Только что выловленная рыба и морепродукты Атлантики превращались здесь в самые экзотические блюда. Обрамленные великолепным букетом французских вин, составленным лучшими сомелье страны, они призваны были покорять желудки и сердца состоятельных туристов. Знаменитые исполнители считали за честь получить приглашение в Ля-Боль на курортный сезон.

Незримый барьер между богатыми и всеми остальными вырастал именно здесь. Цены на все услуги, продукты и безделушки были столь велики, что простые смертные, зная эти цифры, обходили Ля-Боль стороной. Непреодолимая сила

денежных знаков давно расслоила общество, проведя негласные границы. Конечно, любой желающий мог прокатиться по извилистым дорогам окрестностей Ля-Боля или Геранда, но стоило ему выйти из своей машины, как он чувствовал тяжесть золотой пыли на плечах. Если же прохожий спокойно выкладывал десятикратных цену за чашечку кофе и оставлял столько же на чай, он становился своим.

Эти размышления ненадолго отвлекли гловера от задачки, преподнесенной ему инквизитором Ордена. Он давно похоронил все планы относительно Би в своей жизни, но поездки в Нант навевали приятные воспоминания. Именно в них оба еще были молоды и счастливы. Тогда десятилетняя разница в возрасте с Биатрис только подстегивала желание студента. Они встретились такой же теплой осенью, когда Демис перешел на третий курс, а Би приехала из Рима читать лекции.

Орден не практиковал полного затворничества для братства. До пятнадцати лет все кандидаты обучались в стенах его различных монастырей, а пройдя посвящение на первую ступень, отправлялись в различные учебные заведения получать обычные профессии. Поначалу Демису пророчили адвокатскую практику, но, учитывая аристократическую внешность и природную способность уговаривать самым обычным способом, не прибегая к особым воздействиям, его рано направили на оперативную работу, увидев задатки настоящего гловера Ордена. И не ошиблись. Потомок эллинов легко вращался в самых высоких слоях общества балканских стран, используя образ ленивого студента и поклонника женских прелестей. Святейший Совет смотрел сквозь пальцы на некоторые его вольности, если миссия удавалась. А в общении с женщинами гловер не знал равных. Не подпуская их близко к сердцу, он легко манипулировал женскими слабостями. Репутация завидного жениха с отличной родословной и средствами открывали для молодого потомка древнего эллинского рода многие двери. С годами эта репутация не поблекла, ведь невест на выданье всегда хватало, даже бальзаковского возраста.

Демис не особенно утруждал себя работой в страховом агентстве, давно заняв позицию доверенного лица очень состоятельных клиентов. Это давало возможность много ездить и встречаться с разными людьми, не вызывая никаких подозрений. Владея конфиденциальной информацией богатых и влиятельных семей юга Европы, балканский куратор использовал ее в интересах Ордена. Он с удовольствием плел интриги, незаметно подготавливая почву для решительных действий.

Его всегда забавляло, как бывают беззащитны влиятельные семьи перед проблемами личного характера их членов. Корпорации с мировым именем и огромными капиталами рано или поздно открывали двери совета директоров для новых родственников своих детей или, наоборот, закрывали их перед носом тех, кто стал неугоден Ордену и по какой-то странной причине неожиданно покидал семью собственников. Гловер был мастером в обустройстве таких деликатных дел. Причем его трудно было заподозрить, как ни «копали» под него службы безопасности компаний: он никогда не стремился к личной выгоде. Оставаясь в роли покинутого и соблазненного, он находил утешение в личном покое и… новых интригах.

С Би все обстояло иначе. Наверное, это была настоящая любовь. Прошло столько лет, а его сердце замирает от воспоминаний. Быть может, он идеализировал эту женщину, но чем-то она смогла покорить его сердце, оставшись там навсегда. Прошло почти полвека, а он до сих пор помнит ее запах. О, как он кружил ему голову! Тогда он искренне поверил в реинкарнацию. Они столкнулись в шумном коридоре университета. Демис куда-то торопился, а Биатрис выходила из аудитории. Миг — и все решилось. Он сразу осознал, что влюблен, и увидел то же в ее глазах. Он так и не понял до последней их встречи, любил ли он именно Би или некий образ, разбуженный ею в его душе. Тогда это было неважно. Позже страховой агент не раз пытался анализировать ситуацию и приходил к выводу, что Би всегда жила в его сердце. Еще до рождения, вернее, он родился с ее образом в душе. Тогда-то он и уверовал в реинкарнацию. Другого объяснения не было. Подумать только: в день их первой встречи они, как сумасшедшие, уже через час срывали с себя одежду в маленькой комнатке на втором этаже кафе рядом с университетом. И он ловил себя на мысли, что знает это роскошное тело, эти жесты, эти вздохи. Бывает же так…

Демис и не заметил, как оказался на набережной. С возрастом многие действия гловера происходили в некоем автоматическом режиме, исключавшем его сознание, и он мог сосредотачиваться на главном. Будь то чужой город или общество незнакомых людей, он был в состоянии шутить, участвовать в серьезном разговоре, играть в карты или искать незнакомый дом, но при этом думать о своем. Его сознание будто раздваивалось или даже делилось на большее количество частей, участвуя в независимых процессах, а он спокойно обдумывал сложную задачку.

Внимание балканского куратора привлекли несколько

плетеных кресел и столиков у парапета набережной. Вид был просто великолепный. Начинался вечерний отлив, и пляж пустел. Стоило потомку знатного эллинского рода сесть в уютное кресло, как рядом появился услужливый официант. Протягивая красиво оформленное меню, он поприветствовал гостя по-итальянски. Да, строгий профиль грека некоторые принимали за римский. Демис ленивым жестом отказался от меню, давая понять, что цены его не интересуют, и сделал заказ на английском: маленькая чашечка крепкого черного кофе с пряностями и рюмочку «Метаксы». Официант быстро сориентировался и, по-гречески пообещав лично все исполнить, гордо удалился. Да, персонал здесь подбирали на славу.

Демис припомнил, как был удивлен когда-то, открыв для себя, что несколько десятков фраз на незнакомом языке очень помогали в общении. Первое впечатление остается надолго. Многим комфортно раскладывать все по полочкам. При этом в комнате или шкафу может быть полный беспорядок, но вот бирку к знакомому или коллеге приклеивают моментально. И первая минута общения во многом определяет дальнейшее развитие отношений. Научиться не только создавать впечатление, а умышленно его формировать и есть маленькие секреты мастерства. Людям лень каждый раз анализировать ситуацию, в общении они пользуются уже имеющимися заготовками. Остается только украшать созревший образ, добавляя потихоньку соответствующие детали.

Вот и сейчас гловер решил выглядеть солидным бизнесменом из Афин, они не так часто встречаются на атлантическом побережье, и это непременно запомнит официант. Быть узнанным в дорогом кафе иногда бывает очень полезно. И нет лучше средства для развития памяти персонала, чем щедрые чаевые.

Аромат хорошего кофе оттенял солоноватый привкус бриза с просторов Атлантики. В Ля-Боль редко бывают сильные ветра. Это севернее, в Сан-Мало или Мон-Мишеле, ветер с океана не дает подняться кустам вдоль берега, прилизывая их, словно модные в пятидесятых годах прически с использование бриллиантина. Молодые люди тогда подражали Элвису, приглаживая волосы и оставляя хохолки. Да, бежит время… Теперь лысые черепа с татуировками и пирсинг. Демис невольно улыбнулся, вспомнив, как недавно Надин гордо демонстрировала ему свой пупок с сережкой. Женщины всегда оставались для него загадкой. Забавно, гловер почти полвека на оперативной работе, и почти всегда это касается женщин, но они не переставали удивлять его. Возможно оттого, что ему всегда удавалось открывать для себя что-то новое, работа нравилась. Богатый опыт позволял почти не

прибегать к специальному воздействию на чужое сознание, но порой без этого было невозможно обойтись. Воистину женская оригинальность безгранична.

Образ Би медленно проявился на фоне разгорающегося заката. В Нанте не было роскошных пляжей или пустынных парков, поэтому они любили вдвоем бродить по улицам и площадям. Тогда город открылся для влюбленных бесконечными вереницами извилистых улочек и переулков. Все они ручейками стекались к площадям и вновь разбегались в разные стороны. У каждого типа мощеных брусчаткой улиц был свой, особый отклик на каблучки и неповторимое эхо в переулках. Нужно было только дождаться ночи, когда все замирало, и вслушиваться в эти звуки.

Ну что же, вот, пожалуй, и тот ключик, с которым можно подойти к Би. Если им суждено завтра встретиться, то им будет, о чем вспомнить. Впрочем, тут Демис был абсолютно спокоен. Если лайтер поручал ему какую-то миссию, то предварительно продумывал ее до мелочей. Конечно, он никогда не говорил напрямую об этом, но опыт свидетельствовал, что это было именно так.

Глава III. Санкт-Петербург

Офис итальянской компании «Флорентино» занимал все три этажа старого особняка на набережной Обводного канала. Отремонтированный фасад и обновленная ажурная решетка высоких ворот, помпезно открывавшихся, чтобы пропустить во внутренний дворик дорогую машину с важным гостем, производили впечатление. Пожилые петербуржцы, проходя мимо этого дома, останавливались, поднимая любопытные взгляды. Обновление нисколько не изменило внешний вид, дом выглядел, как много лет назад, только посвежел. Так женщины мечтают восстановить свое лицо, вернув ему утраченную молодость. Однако и людям, и зданиям для подобных операций нужны немалые средства. У одних это вызывает зависть, а другие искренне радуются, что хоть здесь нашелся островок, где время остановилось ненадолго и можно полюбоваться на это великолепие. Вновь заиграли изящные обводы фасада, пара львов у мраморной лестницы стала отсвечивать солнечными зайчиками на гладких чугунных спинах, за чистыми стеклами окон виднелся стильный интерьер, а швейцар в расшитой ливрее вежливо раскланивался и открывал двери посетителям. Те, кто знал этот дом еще до революции, молча кивали головой. Красиво! Почему пришлось ждать так долго, чтобы восстановить утраченное.

Осенние дожди то и дело теперь стучат по новеньким плиткам под ногами. Вместо выщербленного, десятилетиями не меняемого асфальта, перед домом на Обводном лежит не глянцевая, скользкая даже в сухую погоду, а пористая, надежная для любой обуви плитка. Бдительный дворник в новенькой яркой одежде и длинном фартуке важно обходит свои владения, зорко следя, чтобы ни один окурок не испортил красоту. Когда капли усердно барабанили по новеньким жестяным подоконникам, а по украшенным изящными завитками трубам с крыш стекала вода, он радовался, как мальчишка, вспоминая свою давнюю молодость. Жаль, но красивый некогда город тихо умирал в нищете, и, когда появлялась щедрая рука и приводила очередной дом в надлежащий вид, у дворника становилось светло на душе даже в дождливый день. Он никак не мог понять соотечественников, что за бутылку водки несколько часов кряду выкрикивали дурацкие лозунги у Смольного: «Ни пяди земли буржуйским мордам…» Да что буржуи эти дома с собой заберут!? Нам ведь все останется, да и работу опять же предлагают. Эх, Россея…

Сегодня хозяйка припозднилась. Никак опять ездила по

инстанциям. Чиновников не убавилось. Они, как тараканы, при любом режиме выживают. Но она-то с ними умеет разговаривать. Строгая. Не смотри, что молодая и красивая. Умная девка, не отнять. И с ним, простым дворником, не брезгует поздороваться. Приятно… Да вот и она.

— Доброго здоровьишка, Мария Михална, — дворник уважительно раскланялся.

— Здравствуй, Сергеич. Как у нас?

— Порядок!

Молодая красивая блондинка энергично выскользнула их черного лимузина под зонтик, который уже раскрыл над дверцей один из телохранителей. Ее длинный плащ распахнулся в движении, обнажая сильные стройные ноги, которые не скрывал дорогой деловой костюм. Стремительной походкой она вошла в распахнутые швейцаром двери и легко взбежала по широкой мраморной лестнице на второй этаж. Шустрая секретарша приняла плащ и на ходу стала что-то докладывать, провожая хозяйку из приемной в просторный кабинет. Кивнув в знак согласия на предложение выпить чаю, хозяйка красивого дома на Обводном села за солидный рабочий стол.

Бегло просматривая корреспонденцию, она остановилась на простеньком конверте, в котором нащупывалось что-то плотное, то ли открытка, то ли фотография. Положив конверт перед собой, женщина поднесла к нему открытую ладонь и подержала над бумагой. Поколебавшись пару секунд, Мария Михайловна вскрыла конверт. Снимок заставил вспомнить многое…

Почти три года назад она познакомилась в Москве с Гургеном. Щедрый, радушный и ласковый, он поддержал Машу, когда она так нуждалась в помощи. Ухажер купил квартиру, устроил к себе секретаршей, баловал подарками, водил в рестораны. Один из таких вечеров и был запечатлен на цветной фотографии. Маша, как сейчас, помнила то платье. Черное, с глубоким круглым вырезом и пышными оборками ниже колен.

Когда-то в детстве Маша увидела подобную фотографию в журнале. Маленькая девочка в семье заводского водителя из провинциального города Лопатинск поклялась себе, что непременно добьется такой жизни. Красивой, яркой, в окружении элегантных мужчин. Дорогие наряды и украшения подчеркивали то, что женщина из журнала была просто сказочно красива и счастлива… Боже, как давно это было.

Маше вдруг вспомнился январский вечер прошлого года. Тогда Гурген хотел заставить ее раздеться перед клиентом во время их новогодних каникул в Египте. Ублажая своего партнера

в недельном круизе на яхте дайверов ради выгодного контракта, джигит решил сделать тому подарок — стриптиз в Машином исполнении. Она отказалась. В наказание он оставил ее без денег и документов в чужой стране. Попросту продал хозяину яхты. Целый год Маша пыталась вырваться, но у арабов свои законы. Кто знает, как бы сложилась ее судьба, если бы не щупленькая студентка Варя… Да, это было удивительное приключение. Варя помогла ей вырваться из настоящего рабства и убежать в Италию. Тогда им чудом удалось отыскать Машин паспорт с действующей трехгодичной визой в Шенген у хозяина яхты. Гурген продал ее, как товар с сертификатом.

В Милане Маша подрабатывала русскоговорящим экскурсоводом, устроившись в турбюро по протекции сердобольной домохозяйки Розалии, у которой снимала маленькую квартирку. Энергичная итальянка решила отдать русскую за своего племянника замуж. Если бы не случайная встреча с великолепным красавцем Антонио, Маша, наверное, так бы и застряла в Италии. Но с Тони все было иначе. Он предложил ей возглавить российское представительство знаменитой фирмы по производству и продаже нижнего белья. Прошел месяц, как она стала называться Марией Михайловной. Генеральным директором. Именно об этой жизни мечтала маленькая девочка из Лопатинска, но снимок трехлетней давности заставил вспомнить о недавнем прошлом.

Ее взволновал не страх перед возможным появлением Гургена, который наверняка попытается ее шантажировать и тянуть деньги. Машу охватило чувство мести. Ее просто трясло от желания дотянуться до длинной шеи джигита, так подло бросившего ее в чужой стране, и своими руками медленно сжимать, ломая кадык. При этом смотреть в его испуганные глазки и задавать только один вопрос: «За что?»

Целый год одинокими ночами на яхте дайверов, когда ей удавалось отбиться от притязаний на ее молодое и красивое тело со стороны команды или клиентов, она мечтала о мести. Расчетливой, жестокой, сладостной… Ну что же, это хорошо, что ты нашел меня, джигит. Приходи. Я долго ждала этой встречи. Кулаки блондинки сжались так, что холеные ногти впились в ладони.

— Спокойно, девочка, — остановила себя Маша. — Не торопись. Обдумай все хорошенько. Рисковать тебе сейчас никак нельзя.

Женщина закрыла глаза, вспоминая уроки глубоководных погружений. В опасной ситуации нельзя суетиться. Нужно, наоборот, замереть и все обдумать. Одно неверное движение на

глубине может стоить жизни. А Маша сейчас нырнула очень глубоко. Еще никогда в жизни она не занимала такой пост и не имела таких перспектив. Как жаль, что нет худенькой Вари рядом. Эта малышка находила выход в любой ситуации.

Искаженное ненавистью лицо блондинки постепенно расслабилось и приобрело обычные черты красивой уверенной женщины. Макияж скрывал бледность, но холодный блеск голубых глаз оставался жестоким. Мужчины не умеют смотреть с такой ненавистью на своих врагов, как женщины. Если она решится показать свои эмоции, то никакой боевой окрас и гримасы воинов дикого племени не сравнятся с ним.

В дверь постучали.

— Войдите, — разрешила Маша, положив фотографию на стол вниз изображением.

— Совещание через двадцать минут, — секретарша Оля поставила поднос с чаем на небольшой столик рядом с хозяйкой.

С молоком?

Получив в ответ утвердительный кивок головой, девушка ловко постелила белоснежную матерчатую салфетку на письменный стол директора и поставила изящную чашку подле стопки бумаг.

— Олечка, найди, пожалуйста, Нино и пригласи его ко мне до заседания, — блондинка благодарно улыбнулась секретарю. — И приготовь ему кофе. Только будь с ним построже, эти сицилийцы такие прилипалы…

— Хорошо, Мария Михайловна.

Крепкий чай с молоком заменял директору первый и второй завтраки. А еще это помогало сосредоточиваться. Год работы на яхте дайверов в чужой стране многому научил Машу. Множество мелких дел в течение дня не давало покоя, но когда она садилась за стол, чтобы перекусить, она любила брать в руки не только чашку горячего чая, но и свои мысли. Секретарь быстро усвоила привычку директора так размышлять и никогда не мешала ей. Иногда они засиживались до полуночи, и по количеству запрошенных чашек чая можно было понять сложность ситуации. При этом директриса могла не сделать ни одного глотка, просидев неподвижно четверть часа с чашкою в обеих руках.

— Чапай чаевничает, — в шутку называла Оля сей странный процесс.

Впрочем, ей нравилась эта сильная, целеустремленная женщина. Наперекор расхожему мнению о блондинках Мария Михайловна обладала цепким, практичным умом и так умело пользовалась своей эффектной внешностью, что многие мужики и опомниться не успевали, как делали то, к чему их так незаметно

подводила эта удивительная женщина. Бывало, секретарь даже затевала сама с собой пари. Она оценивала своим женским взглядом, за сколько минут будет повержен тот или иной мужчина, дожидавшийся встречи с директором в приемной. Если позволяла ситуация, Оля проделывала это и на приемах, когда ассистировала патронессе. Подумать только, прошел всего месяц, а о Марии Михайловне многие отзываются с большим уважением не только в их компании, но и в мэрии. Поначалу ходили сплетни, что она через постель села в кресло директора и ничего в торговле не понимает, но десятки проведенных заседаний, встреч с партнерами, переговоров с очень влиятельными людьми перечеркнули все слухи. Это был прирожденный лидер. Умный, расчетливый и терпеливый. Забавнее всего было наблюдать, как мужики попадали в сети роскошной блондинки. За пару минут они распускали слюни и таяли от предвкушения легкой победы. Причем не только на деловом фронте, но и…

Однажды Оля стала свидетелем забавной сцены. Мария Михайловна принимала в своем кабинете заместителя мэра по среднему бизнесу. Хозяйка сама наливала ему коньячок, эротично наклонившись перед солидным мужчиной так, что его взгляд заплутал где-то в лабиринтах сногсшибательного выреза на груди делового костюма блондинки. Эта сладкое мгновенье настолько увлекло мужчину что случайно оброненный у его покрасневшего от вожделения уха вопрос о цене, предложенной конкурентом «Флорентино» за аренду интересующего противоположные стороны здания, был тут же озвучен. И главное, все остались довольны друг другом. Только позднее заммэра сообразил, что проболтался. Как первоклашка на допросе у завуча. Вот чертовка! Но хороша, ничего не скажешь.

Еще секретаршу восхищал удивительный дар директрисы одеваться. Тут она была в своей стихии. И дело было не в том, что блондинка имела вкус и средства. Нет. Патронесса очень тщательно изучала все имеющиеся документы о человеке, с которым предстояла встреча. А такой материал специально подбирали ей в аналитическом отделе, который она лично создала и курировала. Надо сказать, что ребята отрабатывали свою зарплату на совесть. Это позволяло Марии Михайловне быть на встрече просто неотразимой. Она одевалась специально для этого человека. Неважно, был ли это мужчина или женщина. Встречают по одежке! За месяц она не только познакомилась со всеми «отцами» города, но и легко поддерживала с ними самые дружеские отношения.

Конечно, у нее были все козыри на руках: красива, умна, богата и… Не замужем. Этот факт просто гипнотизировал многих

мужчин. Все надеялись завести с такой дамой неслужебный роман. Уступая в чем-то и даже помогая красивой женщине, они надеялись на большее. Но оно не наступало.

— Здравствуй, Нино, проходи, — хозяйка обратилась на английском к вошедшему смуглому мужчине. — Олечка, мы будем пить кофе у камина.

Когда секретарь ушла, Маша и Нино сидели за небольшим столиком с резными ножками у отреставрированного камина. Огонь в нем еще не разводили после ремонта, но все для этого было готово. Мягкие кожаные кресла располагали к долгой приятной беседе. Нино сделал осторожный глоток кофе и вопросительно взглянул на Мари. Судя по тому, что хозяйка взяла чашечку в ладони и не притронулась к напитку, разговор предстоял серьезный.

— Мне нужна твоя помощь, дорогой, — доверительным тоном начала блондинка. — Обстоятельства складываются так, что я не могу обратиться к своей охране. Дело очень личное, — ее голубые глаза в упор смотрели на сицилийца. — Мне не хотелось бы говорить об этом с Тони, — она сделала многозначительную паузу, не выпуская чашки из рук. — Ты понимаешь, что вокруг такой женщины, как я, всегда были мужчины. Разные. Один из них полтора года назад стал моим врагом. Он узнал о моем теперешнем положении и просит о встрече. Мне хотелось бы поговорить с ним без посторонних, но думаю, что твоя дружеская рука мне бы не помешала. Вас с Джино мало кто знает, в отличие от моих телохранителей, и это плюс. Я хочу пригласить своего старого приятеля на завтрашний ланч. Думаю, что суши-бар вполне подойдет. Туда может заскочить одинокая женщина и зайти двое туристов. Чуть раньше меня. Блондинка протянула Нино конверт.

— Вот фото того человека и адрес «Якитории» на Тележной. Это рядом с Невским. Скорее всего, он тоже будет не один. Я приеду на такси в четверть первого. Разговор продлится минут десять. Если все пройдет гладко, я уеду на том же такси. Было бы хорошо, если вы аккуратно проследили за ним. В противном случае действуйте по обстановке. Больше ничего сказать не могу. Да, рекомендую и вам взять такси часа за два и покататься по Питеру. Вы еще не знаете город со всеми его переулками и проходными дворами, тут такси незаменимо. Выберите себе водителя сами. Не мне вас учить как. Главное, чтобы такси ждало вас у кафе во время ланча.

Маша наконец-то поставила чашку на столик и сжала своей горячей ладонью мускулистую руку сицилийца.

— Тони я расскажу все сама. Позже.

Нино понимающе кивнул и легкой походкой вышел из кабинета. Ему нравилась эта русская. Босс всегда знал толк в женщинах и если кого выбирал, то это был высший класс. Правда, в отличие от женщин его любимой Сицилии, Мари была слишком независима и все время демонстрировала это. Нино был бы не прочь иметь такую подругу, но она должна быть позади мужчины, по крайней мере, рядом, но уж никак не впереди. Это не по правилам. Впрочем, Тони умеет обходиться и с мужчинами, и женщинами. Не зря он служит в дипломатическом корпусе. И если босс считает, что сейчас следует поступать именно так, значит, это правильно. Эх, жаль, нет Чико. Втроем они стоили десятерых. Даже в этой чужой дикой стране. Как эти русские ездят на разбитых машинах по разбитым улицам… Странные люди… Нино подмигнул хорошенькой Ольге, напустившей на себя строгий вид и принявшейся перебирать бумаги.

— Все, Коля, спасибо, — Мария Михайловна приветливо посмотрела на телохранителя. — На чай не приглашаю, поздно уже. Завтра у нас в девять тридцать встреча в пассаже, в одиннадцать заедем к Павлову. Ребятам внизу скажи, что гостей не жду. Ты завтра с Сережей в паре? Хорошо. Не забудьте помыть машину. Спокойной ночи.

Николай посмотрел, как за хозяйкой захлопнулась массивная дверь квартиры, и стал спускаться по широкой мраморной лестнице. Лифтом пользоваться не хотелось. Он знал, что там еще остались следы ее духов, и это только будет дразнить его воображение. Прошел месяц с небольшим, как их охранная фирма заключила договор с «Флорентино», а он уже привязался к этой блондинке, что противоречит всем правилам. Ему и раньше приходилось сопровождать хорошеньких клиенток, но те женщины были при состоятельных мужчинах. Скорее напоминали дорогие игрушки. Он безропотно ходил с ними по магазинам, таскал коробки и выслушивал сплетни. Были даже попытки со стороны скучающих красоток в рабочее время затащить его в постель или ванную, но он делал вид, что не понимает таких намеков.

С Машей все было иначе. Она покоряла своей красотой, женским обаянием и удивительным тактом. С ней Николай чувствовал себя скорее товарищем, чем охранником. Она умела разговаривать с персоналом на одном языке, очевидно, побывав когда-то в этой шкуре. Подчиненные это всегда ценят. Но главное (и Николай не хотел себе сознаваться в этом), Маша ему нравилась. Очень. Конечно, между ними была граница, но как

часто она сама ее нарушала. Было ли это случайно, а может, намеренно, он еще не понял. Это была игра. Загадочная женская игра. Он понимал это, но ничего не мог с собой поделать. Ему нравилась блондинка по имени Мария. Красивая, сильная и такая ранимая. Когда духовно сближаешься с человеком, легко это чувствуешь. По жесту, по взгляду, по вздоху.

Николай заглянул к охранникам на первом этаже. Двое из их конторы сидели вместо консьержки в небольшой дежурке у парадной двери. В полутьме светились мониторы видеокамер, разбросанных по периметру старого дома, а в углу маленький телевизор демонстрировал музыкальную программу. Когда коммуналки старого графского особняка скупила риэлтерская фирма и перестроила их в хорошие квартиры, дом ожил и внешне преобразился. Новая хозяйка огромной квартиры на третьем этаже привела с собой новых охранников. Впрочем, этому жильцы были только рады. Порядка стало больше.

Перекинувшись парой анекдотов с дежурными, Николай предупредил о том, что машина хозяйки стоит на стоянке у дома и что гостей она не ждет. Завтра с утра напарник Сергей возьмет машину, чтобы съездить на мойку, а в восемь они оба будут на посту.

Дождь кончился, и Николай решил прогуляться по пустынным улицам до трамвая, а не бежать в метро. Мало кто из сотрудников «Флорентино» знал, что хозяйка сняла квартиру на Садовой, через пару улиц от набережной Обводного канала. Она могла за десять минут пешком дойти из офиса домой в любое время суток, не думая о разведенных мостах. Представительским лимузином Мария Михайловна пользовалась для частых поездок на встречи с партнерами и для отвода любопытных глаз.

С первого дня, когда настоящий хозяин «Флорентино», Антонио Валороссо, пришел к ним в охранную фирму «Бастион» заключать договор на предоставление услуг, Николай понял, что Маше грозит серьезная опасность. Те меры предосторожности и цену, которую Валороссо согласился заплатить за них, говорили о многом. Бывший генерал, возглавлявший «Бастион», построил дело так, что в штате были только офицеры с хорошими рекомендациями. Это давало фирме возможность работать с солидными клиентами. Новенькие иномарки, хорошее оружие и отличная связь были у сотрудников всегда под рукой. Валороссо сам отобрал охранников для Марии. Одного он не мог предвидеть: Николаю очень понравилась эта женщина. Это было не по правилам, но это случилось.

После жаркого сухого лета осень расщедрилась на дожди. Они обильно поливали питерские улицы, будто кто-то резко

снизил цены на это чудо природы, чтобы совершить обряд омовения перед первым снегом. Уличные фонари, замерев от восторга, смотрели на свое отражение в лужах и на старушку с дворняжкой, медленно шествовавших по пустынному тротуару. Когда женщина замешкалась на перекрестке, пес осторожно взял поводок зубами и потянул в нужную сторону. Он не стал рваться вперед и затягивать ошейник, а словно подал даме руку.

Это было так трогательно, что Николай улыбнулся. Оглянувшись еще раз на эту элегантную пару, он перешел на другую сторону улицы, перепрыгивая через лужи. На третьем этаже знакомого дома за плотной шторой виднелся огонек лампы. Это было окно спальни. Несколько раз хозяйка приглашала охранника на чашку чая к себе в квартиру, и он в деталях помнил весь интерьер. В спальне стояла большая кровать со спинкой из цельного массива орехового дерева. Рядом торшер. Николаю показалось, что в окне колыхнулась штора, и мелькнуло светлое пятно женского лица. Ноги невольно замедлили шаг. Нет, показалось, она не будет смотреть на улицу. Что там интересного в такой поздний час. Он заставил себя ускорить шаг, но не думать о женщине, чья спальня была на третьем этаже, было выше его сил.

Маша с сожалением проводила взглядом высокую спортивную фигуру в длинном легком пальто. Ей нравилось, что Николай никогда не одевался, как охранник, в черную кожанку с высокими армейскими ботинками или черный костюм с белой рубашкой и узким галстуком, и не жевал спичку, как это делали киногерои. Простое, открытое лицо и длинное серое пальто делали его более похожим на студента или молодого преподавателя. Только короткая стрижка и уверенные четкие движения выдавали принадлежность к иной профессии. Говорил он мало и всегда как-то застенчиво. Разве что не краснел при этом. Милый парень. Как ей недоставало сейчас такого человека. Надежного и скромного. Она бы рассказала ему о своей непутевой жизни. Призналась бы, что хочет посчитаться с Гургеном. И он… Нет, Маша не могла себе этого позволить. Она даже Тони не все рассказала.

Антонио в очередной раз куда-то пропал, оставив двух сицилийцев, Нино и Джино, в помощь. Сказал, что будет занят несколько дней и что по телефону будет недоступен. И действительно, он не ответил ни на один звонок. Впрочем, это к лучшему, она сама разберется с Гургеном, а потом все расскажет Тони. Прежде всего, ей хочется заглянуть в испуганные глазки джигита и спросить, как он посмел продать ее в рабство толстому

арабу. Интересно, какую цену запросил он у капитана яхты. Но Машу не так просто сломать, она не только стала своей в команде дайверов, но еще и сдала экзамены на инструктора глубоководных погружений. Понятно, в этом не обошлось без капитана Самиха, который был заинтересован в успешной аттестации, чтобы иметь сертифицированного специалиста на своем судне. И тем не менее, она не стала подстилкой для приезжих, чтобы отрабатывать свой хлеб на яхте, как это делали некоторые соотечественницы.

— Варя, Варя, — мысленно позвала подругу Маша. — Где ты, воробушек?

Хозяйка пустой квартиры нежно улыбнулась, вспоминая, как познакомилась с худенькой девочкой, носящей громкую фамилию Орлова. Да, судьба бывает удивительно иронична. Впрочем, было бы неинтересно, если бы все Громовы метали молнии, а Лапшины отменно готовили. Жизнь нередко преподносит сюрпризы. Невзрачная Варя оказалась настоящим бойцом. Без колебаний согласилась на погружение в две сотни метров, когда услышала Машину историю о затонувшем кладе. Опасность быстро сроднила их. Очень разные по характеру и внешности, они обе любили риск. Словно романтическая влюбленность, он кружил им головы. Родись они на несколько веков раньше, могли бы повстречаться на пиратском фрегате, что рассекает безбрежный океан под «веселым Роджером» навстречу новым приключениям. Интересно, научилась бы Маша владеть клинком? Пожалуй, что да. Она уже не раз сталкивалась со смертью, но не впадала от этого в истерику.

Ей вспомнились грустные глаза Анвара, умиравшего от двух ранений в грудь. Алая кровь толчками шла из его полуоткрытых бледных губ, и он так и не смог ей что-то сказать напоследок. Случайная встреча с красавцем арабом, когда они с Варей пытались скрыться от погони в Каире, почему-то была такой возбуждающей, что Маша соблазнила Анвара в чужом доме. Тогда у них была сумасшедшая ночь! Да, сказки о восточной страсти не лгут, он был удивительным любовником. У Маши что-то сладко застонало в низу живота от нахлынувших воспоминаний. Анварчик был атлетического сложения, с удивительной кошачьей грацией. Двигался стремительно и мягко, как пантера. Глаза и волосы черные, как ночь, и руки… Сильные и очень нежные. Он погиб, защищая их с Варей. Такая короткая и яркая встреча. Вот ведь судьба! Последним усилием Анвар протянул тогда Маше свой перепачканный кровью сотовый телефон. Она до сих пор носит его в сумочке, будто пытаясь искупить этим свою вину. Даже зарядное устройство к нему нашла. Иногда кладет на

ладонь и подолгу смотрит на маленький блестящий аппарат. Вдруг он ей позвонит. Нелепо, конечно, но Маша дорожит памятью о странной встрече в чужой стране.

И Антонио не звонит.

Она потянулась к пачке сигарет на тумбочке у изголовья и закурила. Кровать была просто роскошной. Даже несколько часов сна снимали усталость. Правда, постель была холодной и слишком большой для одинокой женщины. Наверное, флибустьеры тоже иногда оказывались в чужих роскошных апартаментах. Баловали себя красивой одеждой, теплой ванной и пуховыми перинами… А потом бросали все это и неслись навстречу опасности. Так и Маша ощущала себя чужой в этой замечательной квартире, порой ее так и подмывало сорваться куда-нибудь. Казалось бы, сбылась ее детская мечта. Волею случая она взлетела в заоблачные дали, где обитают состоятельные люди и крутятся большие деньги. Она могла покупать себе наряды не хуже той женщины с картинки журнала из далекого детства. Только особого восторга от этого Маша не испытывала. Конечно, ей было приятно играть роль уважаемого и обеспеченного директора, встречаться с деловыми партнерами, планировать бизнес огромной империи, продающей красивое нижнее белье, приводившее в восторг любую женщину и — мужчину, если он видел это белье на красивой женщине. Маша сама с удовольствием надевала тонкое кружево и не упускала случая демонстрировать его на своей соблазнительной груди даже в деловых костюмах. Если же выпадал случай появиться на фуршете или деловом приеме, она с каким-то азартом дразнила мужчин, надевая такие платья, чтобы «самцы» могли оценить прелесть коллекций, предлагаемых ее компанией для продажи. О, она умела быть обольстительной и желанной. Один из гламурных журналов Питера уже опубликовал интервью с успешной бизнес-леди и несколько потрясающих фотографий. Одну из них Маша режиссировала сама, воскресив из памяти картинку детской мечты. Однако чуда не случилось.

Это были только фотографии из модного журнала, они больше напоминали чью-то чужую жизнь. А одиночество было своим, реальным.

И вот объявился Гурген. Теперь у Маши хватит сил открыто посмотреть в его испуганные глазки и отвесить такую пощечину чтобы он запомнил это навсегда. Что бы этот подлец ни задумал: просить прощения или шантажировать, ответ будет один. Попадись он ей год назад, Маша задушила бы его собственными руками, но сейчас она не пошла бы на убийство. Да и афишировать их бывшую связь не хотелось, поэтому директриса

отпустит охрану, а Нино и Джино подстрахуют ее. Верным друзьям Тони не нужно долго объяснять, они быстро ориентируются в любой ситуации. Впрочем, на душе было неспокойно. Маша назначила встречу в модном суши-баре. Там достаточно дорого для обывателя, и в полдень будет немноголюдно. Затушив сигарету и щелкнув выключателем торшера, она свернулась калачиком под шелковой простынею.

Николай удивился, когда хозяйка отпустила их с напарником до двух часов дня. Они сопровождали ее на две запланированные встречи, а потом Мария Михайловна заехала в косметический салон и сказала, что пробудет там долго. Она и раньше так поступала, но только не по средам. За месяц их совместной работы Николай четко уяснил, что деловая женщина строго придерживается составленного на неделю расписания. Необъяснимая тревога вынудила Николая остаться в припаркованной чуть поодаль от салона машине и понаблюдать. Напарник же с радостью воспользовался непредвиденным перерывом, пообещав вернуться вовремя.

Спустя минут десять к входу косметического салона подкатило такси, в которое слишком поспешно и как-то боком выскользнула Мария Михайловна. Искать для себя другое такси у Николая не было времени, и он последовал за хозяйкой в служебной машине на безопасном расстоянии. Эти кошки-мышки ему не нравились, но сообщать о странном поведении клиента на пульт оперативного дежурного «Бастиона» охранник не решился. Нужно было сначала разобраться самому.

Нино и Джино заказали себе по большой тарелке различных роллов, но от теплого саке отказались. Будь их воля, сицилийцы выбрали бы какой-нибудь итальянский ресторанчик и взяли бы что-нибудь поприличнее, но пока речь шла не о еде. Из своего уголка Нино отлично видел, как в назначенное время появилась Мари. Миниатюрная официантка в ярком кимоно приветливо раскланялась с высокой статной посетительницей и, не переставая кланяться и улыбаться, проводила ее к столику у небольшого фонтанчика. Ловко достав из-за широкого пояса кимоно зажигалку, она зажгла свечку в бумажном фонарике на столе и протянула разрисованное драконами меню. Женщины о чем-то поговорили, и Маша закурила, оставшись одна. Медленно осматривая зал бара, оформленного в японском стиле, блондинка встретилась глазами с Нино. Широкая спина Джино была рядом. В углу ворковала молодая пара. Похоже, они здесь были давно. За столиком у окна две женщины средних лет что-то горячо

обсуждали. Позади Маши сидел пожилой худощавый мужчина и неподвижно смотрел на дверь. Официантка поменяла ему чашку кофе, к которой тот не притронулся. Он явно кого-то ждал.

Прошло еще полчаса, но дверь суши-бара открылась лишь однажды, выпуская под начавшийся опять дождь двух женщин, успевших обсудить свои новости. Болтая о чем-то с Джино, Нино боковым зрением видел, как мужчина позади Мари жестом подозвал официантку. Из короткого разговора между ними Нино уловил лишь единственное знакомое слово — такси. Очевидно, старичок попросил принести счет и вызвать ему такси. Не дождался. Сицилийцу было интересно взглянуть на избранницу пожилого ухажера, заставившую его долго и напрасно ждать. Мужчина был так расстроен, что, проходя мимо Маши, случайно задел ее. Извиняясь, он даже коснулся ее плеча, бормоча невнятные слова извинения и готовности искупить свою вину. Маша отнекивалась, но как-то странно смотрела пожилому мужчине в глаза. Что она там нашла, для Нино осталось непонятным. Подоспевшая в кимоно официантка, сообщила, что заказанное такси ждет. В знак примирения мужчина предложил Маше воспользоваться его машиной, чтобы не мокнуть под дождем, но та сказала, что если ехать, то только вместе. С безразличным видом Нино провожал взглядом случайно познакомившихся посетителей. В любом другом случае он бы последовал за ними на такси, что ожидало их с Джино у суши-бара, но теперь неожиданная сонливость овладела его телом. Сознание и мышцы оставались безразличными к тревожным сигналам, пытавшимся пробиться сквозь странную завесу. Он оставался лишь наблюдателем. Нино растерянно взглянул на друга. Джино с каким-то тупым упорством сжимал в огромном кулаке уже сломанные деревянные палочки, которыми до этого ловко подхватывал из большого блюда роллы. Сицилийцы просидели так до тех пор, пока к ним не подошла официантка. Быстро расплатившись и перекидываясь между собой на итальянском фразами о маленьких японочках, что проделывают просто акробатические номера в постели, они добежали до ожидавшего их такси и уехали, забыв, зачем сюда заходили.

Николай, наблюдавший все это время из служебной машины за дверью суши-бара, с удивлением отметил, что Мария Михайловна ездила одна на встречу с каким-то пожилым мужчиной. Следуя за их такси на безопасном расстоянии, он удивился, поняв, что едет в аэропорт. Вспомнив о напарнике, который будет ждать его под дождем у косметического салона, охранник позвонил ему на сотовый и сообщил о ситуации.

Припарковав машину в Пулково, Николай поспешил в зал вылета и не без труда отыскал взглядом высокую блондинку у стойки регистрации. Пожилой мужчина достал из кармана пиджака два паспорта и пару билетов. Он вел себя по-хозяйски, то и дело обращаясь к спутнице, а та лишь кивала в ответ. Получив посадочные талоны на рейс Брюссельских авиалиний, странная пара направилась к зоне контроля. Заподозрив недоброе, охранник кинулся наперерез. Блондинка шла прямо на него, не узнавая. Обычно приветливая и общительная, Маша молчала, глядя только перед собой. Подозрения переросли в тревогу, и Николай решил разыграть старого знакомого. Раскинув руки для объятия, он сделал шаг навстречу, но почувствовал резкую боль в затылке. Это было похоже на удар сзади. Мышцы сами дернулись, чтобы сделать кувырок, уводящий в сторону от коварной атаки. Движение, отработанное на тренировках до автоматизма, скомкалось в последний момент, и мужчина в длинном пальто неуклюже поскользнулся на гладком полу аэровокзала. Осенью уборщицы с особым рвением надраивают пол, чтобы пассажиры не оставляли грязных следов на белоснежных отполированных плитах. Кто-то кинулся помочь подняться молодому человеку, ворча, что налили воды под ноги, а кто-то пошутил, что тот просто засмотрелся на эффектную блондинку. Сам виноват. Впрочем, смешного было мало. Мужчина в длинном пальто держался за голову, не в силах подняться. А стройная блондинка даже не обернулась. Пожилой кавалер крепко держал ее под руку и что-то нашептывал, склонившись к уху.

Глава IV. Трапани

Золотые кудри колечками спадали до плеч, покачиваясь, словно капюшон, в такт шагам. Стремительная походка и уверенный взгляд заставляли идущих навстречу людей расступаться. Обладатель пышной прически цвета спелой пшеницы не был высокого роста, но смотрел поверх голов. В каждом его движении чувствовалась твердость и возможность повелевать. На волевом загорелом лице с правильными чертами, словно скопированными с эллинских статуй, были чувственные полные губы, на которых иногда блуждала едва заметная улыбка. Лишь пронзительно голубые глаза были неподвижны и холодны, выдавая сильный и жесткий характер.

— Александр, — Варя пыталась догнать его. — Постой!

Ей хотелось протянуть непослушные руки и ухватить мужчину за край развевающегося плаща, но остановить стремительное движение было невозможно.

— Опять не выучила уроки, — услышала девушка его насмешливый голос.

— Что такое третья книга? — выдохнула она, пытаясь держаться рядом.

— А ты уже прочла две первые? — бросил он вполоборота, не останавливаясь.

— Нет, — призналась Варя.

— Тогда стоит ли так спешить?

— Мне кажется, она самая главная.

— Людям всегда кажется главным то, чем они не владеют.

— Поэтому ты покорил полмира?

— Только половину?

— Так написано в наших книгах.

— Люди пишут книги в угоду своим амбициям.

— А есть книги, не написанные людьми?

— А ты как думаешь?

— Те Три Книги… или это только название?

— Тебя всю жизнь водить за руку? Пора взрослеть.

Варя даже приподнялась в кровати, пытаясь в порыве догнать собеседника с золотистыми локонами. Она открыла глаза и с удивлением увидела свои тоненькие руки, протянутые в направлении исчезнувшего сновидения. От разочарования и досады она качнула головой и закрыла ладонями бледное лицо. Просидев так неподвижно несколько минут, девушка глубоко вздохнула и стряхнула с себя остатки сна. Спустив босые ноги на пол и накинув на плечи длинный халат, она бесшумно подошла к

окну. Ночная прохлада льнула к юному телу, словно любовник, обнимающий в страстном порыве предмет своих вожделений.

Почему она не может, как все сверстницы, увлекаться парнями и бегать на дискотеки? Искать любовь и разочаровываться, но не быть одинокой. Даже толстая и плаксивая Жанка из их студенческой группы и то находила утешение в чьих-то объятиях, а она, умница Варвара, опять кинулась кого-то выручать и оказалась в чужом доме незнакомой страны. Сейчас уже была бы на втором курсе университета. Могла бы спокойно жить в отдельной уютной комнате у тетки на Каширке и, как все нормальные девчонки, искать кандидата в мужья. Ну что она носится со своей девственностью! Нашла чем гордиться!

В ночной тишине раздался приглушенный гудок парохода. Он доносился не со стороны освещенного порта, а откуда-то из темноты. Похоже, не только она заплутала в своем одиночестве. Кто-то еще бродит в поисках истины вдали от жилья. Во все времена были те, кто пренебрегал тихим счастьем у теплого очага ради непознанного. Неужели ее предназначение в этом? Скорее всего — да. Варя и сама не знала, когда сделала выбор, но она легко меняла покой и достаток на дорогу в неизведанное.

Позади послышался едва различимый звук. Шорох. Варя обернулась и увидела полоску света под дверью в смежную комнату, где спали Александра с дочерьми. Подкравшись на цыпочках, она прислушалась. Шуршала разворачиваемая бумага. Любопытство подстегнуло девушку осторожно приоткрыть дверь.

Свет ночника выхватывал из полумрака большой комнаты сгорбленную фигуру Саши. Она сидела у туалетного столика, приблизившись к зеркалу, и что-то разглядывала. Потом медленно отстранилась, поворачивая голову в разные стороны. Комнату заполнили многочисленные блики. В ушах у Александры сверкали две сережки с большими бриллиантами. Это было так неожиданно, что Варя сделала неловкое движение — и дверь скрипнула. Днем этот звук остался бы незамеченным, но в ночной тишине он был сродни предательскому грохоту. Саша вздрогнула и, сдернув сережки, застыла от испуга, косясь на дверь.

— Это я, — виновато прошептала Варя. — Сон дурацкий приснился, вот и хожу по комнате… А что это у тебя?

— Ну, ты меня и напугала, — прошептала Саша и сделала знак рукой. — Заходи.

— Девочки спят? — Варя тихо проскользнула в комнату.

— Давно, — женщина покосилась на дверь и надела сережки. — Представляешь…

Комната опять заполнилась загадочной игрой разноцветных

отблесков. Саша с восторгом крутила головой, и это рождало новые и новые блики. Прыгая по стенам и потолку в такт движениям хорошенькой головки женщины с короткой стрижкой, огоньки приводили обеих в восторг.

— Это бриллианты? — шепотом спросила Варя.

— Наверное, — в тон ей отозвалась Александра. — Я не знаю.

— А откуда они у тебя?

— Понятия не имею… — растерянно развела руками женщина. — Полезла в сумочку, а там коробочка в красивой бумаге. Написано «Антверпен». Даже не помню, кто и когда подарил. Я ведь там никогда не была.

С этими словами взгляд серых умных глаз просто уперся в черные Варины глаза. Прошло несколько томительных мгновений, и они стали похожи на двух соперниц, встретившихся на узкой горной тропинке. Ни одна не собиралась уступать, и кто-то должен был полететь в пропасть.

— Я не могу понять, почему нам лучше оставаться в этом чужом доме, — не своим голосом процедила Александра. — Что со мной происходит? Что угрожает моим девочкам? От кого мы прячемся…

Очевидно, давно накопавшееся недоверие разом вырвалось наружу и обрушилось на Варю. Еще немного — и женщина могла бы забиться в истерике, но девушка ловким движением сдернула сережки и зажала их в руке.

— Отдай! — потянулась было за ними Александра, но словно наткнулась на невидимую стенку. — Что ты… себе позволяешь? — сказала она неуверенно и затихла.

— Я положу сережки в коробочку, и мы спрячем ее куда-нибудь подальше, — тихим ласковым голосом проговорила Варя. — Когда захотим — достанем… Только ты без меня коробочку не открывай. Ладно?

— Ладно, — прошептала та в ответ, но с недоверием наблюдала за девушкой. — Почему я тебя слушаюсь все время? Ты кто?

— Друг.

— А дочки тебя не знают.

— Мы дружим недавно. Летом познакомились.

— Странно, — Саша прижала ладонь ко лбу. — Не помню… Какой-то провал в памяти. Сколько ни пытаюсь вспомнить — ничего.

— Ты попала в аварию. На машине. Это последствия.

— А откуда у меня машина? Девочки говорили, что была красивая новая машина, но я не помню.

— Это пройдет. Так иногда бывает после сотрясения мозга.

— И аварию я не помню.

— Так мы вместе тогда в машине были. Тебе просто не повезло. У меня лишь пара синяков, а ты вот головой ударилась.

— А кто машину вел?

— Ты, конечно, — улыбнулась девушка.

— Когда же я научилась?

— Так в том-то и дело, что едва начала ездить, как в дерево въехала.

— Ну, это на меня похоже… Сильно?

— Не беспокойся, никого не зацепила. Дело было за городом. Решила меня подвезти и вовремя не повернула.

— Да, я всегда была прямолинейной.

— Врачи рекомендовали тебе месяц-другой подышать морским воздухом. Да и девочкам тут нравится.

— А чей это дом?

— Антонио.

— Не помню…

— Он должен скоро приехать. Красавец мужчина.

— А я что с ним…

— Нет. У него подруга Маша.

— Похоже, я головой сделала целую просеку… Ничего не помню.

— Не обращай внимания, это пройдет. Лучше посмотри, как девочки итальянский схватывают. Онарда в них души не чает. Они с ней уже болтают.

— Да, она душевная женщина, — Саша потянулась рукой к бархатной коробочке с сережками. — А это…

— А это мы спрячем подальше и не будем вспоминать.

— Дай, я еще раз надену, — женщина сделала жалостливую гримасу. — Когда огоньки по стенам побежали, у меня что-то в голове проясняться стало. Какие-то тени в памяти появились…

— Вот потому и не надо, — сухо отрезала Варя. — Тени по ночам до добра не доводят.

— Да, странные тени какие-то. Лицо незнакомое. Мужское. Красивое. И вроде бы я его знаю. Откуда, не могу припомнить.

— Ты просто устала. Поздно уже. Давай-ка ложись, а я рядом посижу.

Саша, словно маленькая девочка, быстро согласилась и послушно направилась к постели. Укрывшись теплой простыней, она тайком взглянула на бархатную коробочку и закрыла глаза. Варя присела на край кровати и взяла Сашу за руку.

— Вспомни, как однажды летом, — ласковым голосом прошептала девушка, — когда ты была маленькой…

Она не закончила фразу.

— Мы с отцом поехали за цветами к реке, — едва шевельнув губами, тоже шепотом отозвалась Александра. — Мы нашли целое поле ромашек и нарвали огромную охапку. Сплели венок мне, отцу и маме. Еще много ромашек осталось, и мы привезли их домой. Отец одел маме венок на голову и преклонил колено с букетом. Он всегда называл ее «моя принцесса».

Саша замолкла, и было заметно, как под закрытыми веками метнулись зрачки. Приятный сон коснулся ее возбужденного сознания, унося тревоги. Варя тихонько подошла к ночнику и выключила свет. Притворив за собой дверь, она подумала, как было бы хорошо вот так выключать и все несчастья в жизни.

Утро было замечательным. Такую погоду в России называют «бабьим летом». Обычно длится оно недолго, потому всегда навевает особое настроение. Даже молодежь предается светлой грусти по ушедшему. Осень — время поэтов. Им пытаются подражать остальные, вспоминая о чем-нибудь или размышляя о неслучившемся. На Сицилии теплый осенний период гораздо продолжительнее. Это не только сбор урожая и череда праздников, это удивительное единение с природой, а она такая яркая на этом острове. Туристический сезон затихает до Рождества, но укрытые по склонам гор или близ маленьких бухт виллы принимают истинных знатоков. Обычно это очень состоятельные люди, которые дорожат своим покоем и безопасностью. В этот период количество частных охранников на одного отдыхающего резко увеличивается по сравнению с жарким летом. Впрочем, они умеют быть незаметными, сохраняя иллюзию уединения для своих хозяев.

Завтракали в большом доме Валороссо рано. Джузи вообще почитал традиции и требовал этого от семьи. Подобно своим трудолюбивым предкам, домашние просыпались засветло и с восходом солнца уже сидели за столом. В теплое время года его накрывали во внутреннем дворе, интерьер которого новичку показался бы сродни китайскому. Тут не было больших ваз или бумажных фонариков, но то, с какой любовью ухаживали за маленьким фонтаном с двумя китайскими карпами, несколькими декоративными деревьями, чья крона была явно делом рук человеческих, — все как-то перекликалось с Поднебесной. Домочадцы давно привыкли к причудам старика. Воспоминания и рассказы о безумной любви молодых Джузи и Джулии стали романтическими притчами. Возлюбленная главы семейства, а тогда — студента, увлекалась живописью Китая, отсюда и восточные мотивы. Жаль, что влюбленным не суждено было обрести друг друга. Девушка погибла при странных обстоятельствах, сделав Джузи замкнутым человеком на всю

жизнь. Последние годы старик не покидал своего кабинета, ожидая смерть, но она отчего-то забыла о нем. Возможно, он еще не выполнил своего предназначения, хотя давно передал все дела внуку. Антонио считал своего деда и отцом, и другом, их особыми отношениями многие восхищались.

После завтрака Джузи передал через Онарду, чтобы русским организовали поездку в горы. Его распоряжение было тут же исполнено, и две большие машины с затемненными стеклами увезли Александру и двух ее дочерей полюбоваться видами с Эриче, что возвышалась километрах в пятнадцати от Трапани. Поселок на вершине горы, выросший несколько веков назад вокруг небольшой часовенки, принадлежал клану Валороссо, и чужаков там не было. Варя же отказалась от поездки, сославшись на дела. Она хотела поговорить со стариком. За две недели, что они гостили здесь, между ним и девушкой установились очень дружеские отношения, хотя и молчаливые. Они могли часами находиться в кабинете Джузи, не разговаривая, читать или размышлять о чем-то, но порой беседовали, и это очень увлекало русскую.

— Ты хотела меня о чем-то спросить? — первым нарушил молчание Джузи.

— Если не возражаете…

— Что-то с Алекс?

— Да, она тревожит меня, — призналась Варя.

— Тогда расскажи подробнее, я не все знаю, — старик говорил по-английски с сильным акцентом, напевно растягивая слова, но это им не мешало.

— Весной Алекс была втянута в крупную игру солидной торговой компании, которая стремилась на российский рынок. Алекс сделали президентом своей дочерней компании в России, и заставили подписать фиктивный документ о передаче активов из другой компании на сумму около пятидесяти миллионов евро.

— Заставили?

— Да, — Варя грустно вздохнула. — Алекс инициировали на сексуальную привязанность к мужчине, и она выполнила все, что приказали.

— Она стала ушебти? [1]

— Да… но мне удалось подобрать мантру и снять привязанность.

Тяжелое молчание, словно сумерки, окутало все предметы в кабинете. Собеседники не торопились нарушать его, отчего ясное утро в старых стенах выглядело пасмурным.

— А как называется эта компания? — негромко спросил

старик.

— Если Вы говорите о бельгийской, то «Фламандская лилия».

— А Тони мне не сказал…

— Что это значит? — насторожилась Варя.

— Он начал открытую войну с «Сынами Света».

— Кто это?

— Сознайся, что ты давно хотела меня об этом спросить. Пергаментная кожа, обтягивающая скуластое лицо старика, не отобразила ни одной эмоции, но неподвижные глаза сверкнули иронией.

— Вы правы, Джузи, — девушка умоляюще посмотрела на него. — Простите за эту маленькую хитрость.

— Мне нравится беседовать с тобой. Напоминает шахматную партию, в которой я не сразу вижу все замыслы партнера. Можешь мне поверить на слово, что это мало кому удается.

— Почему Антонио хочет войны?

— У тебя логика настоящего бойца, а не хитрого шпиона. Мне это по душе.

Старик замолчал, погрузившись в размышления. Очевидно, вынужденная неподвижность давно научила его по мельчайшим деталям понимать то, что происходило далеко от его кабинета. Неслучайно старенький приемник в углу постоянно бубнил новости.

— Среди египетских свитков, сохранившихся до наших времен, очень редко попадаются сообщения о тайной комнате, — голос старика стал отчего-то скрипучим. — В массе деловых и бытовых писем, а то и обычных доносов они растворяются, становясь незаметными. Подобно золотой маске Тутанхамона, они отвлекают основную массу любопытных на себя. Думаю, что юного фараона не случайно сделали образом Древнего Египта. На первый взгляд, все красиво и понятно. Западный прагматизм, оценивающий все в долларах и фунтах, завершил картину, сделав ее целостной. Многим гораздо интереснее слышать о килограммах золота, чем о странных знаниях, охраняемых жрецами.

— Значит, тайная комната в подземных лабиринтах пирамиды Джосера существует? — неуверенно предположила девушка. — Какие-то намеки о ней встречались в разных книгах.

— Именно комната, — уточнил старик. — А не замаскированные погребальные камеры.

— Я читала, что под самой старой пирамидой Египта нашли сеть подземных ходов. Каждое из шести захоронений добавляло свои поверх предыдущих. Но все они изучены вдоль и поперек.

— Ну, нельзя же быть такой наивной, девочка. Вспомни, как

называлась комната.

— Тайная…

— И почему ты решила, что жрецы не умели хранить свои тайны.

Варя насупилась, укоряя себя за такую ребяческую горячность. Наступила молчаливая пауза. Старик даже не смотрел в сторону девушки, будто ее и не было рядом. Затем неожиданно продолжил прерванный разговор.

— В древности каждое племя или род жили по строгим правилам. Одно из них было табу на посещение земли, куда уходят мертвые. Внушаемые суеверия и реальные наказания охраняли эти места. Цели были разные — от карантина на инфекции до хранения секретов. Человек по сути своей очень любопытен, особенно до чужих тайн.

— Но это поддерживает прогресс…

— Как правило, только в сторону собственной выгоды. Подавляющее большинство решений человека основано на своем интересе. Так было и тысячи лет назад. Хранители тайной комнаты это прекрасно сознавали и спрятали ее под величайшей могилой, окруженной величайшим табу того времени. Пирамида Джосера была первой. Собственно, это была еще не пирамида в привычном для нас виде.

— Мастаба, — осторожно вклинилась в его монолог Варя.

В переводе — скамья.

— Верно. Гробница царей третьей династии скорее была сильно усеченной пирамидой, почти прямоугольником.

— Позже поверх первой сверху надстроили еще три, меньшие по размеру. А затем добавили еще две, но при этом пришлось увеличить площадь нижних.

— Да. Все хотели быть причастны к великой могиле, потому и приказывали надстраивать свои будущие гробницы над существующими. Получались ступеньки, но зато верхняя возвышалась над всеми. Позднее каждый фараон стал строить для себя усыпальницу в виде правильной пирамиды, чтобы наверху не было соседей.

— Пирамида Джосера должна была оберегать тайную комнату?

— Да.

— Но ее все же нашли?

— Потому что знали, что искать.

— Кто же отважился на такой шаг?

— Только чужестранец мог наплевать на святыни и похитить сокровище нации.

— Моисей?

— Да… Ну, или кто-то, кого так теперь называют.

— Что же было в тайной комнате?

— Ответ на одну из величайших загадок Египта, — Варя не решалась прерывать старика, и он продолжил. — Ответ, почему разрозненные племена, жившие в додинастическое время на территории «черной земли», не имевшие ни письменности, ни навыков строительства, ни инженерного опыта, вдруг становятся строго структурированной монархией. Огромным организованным государством с великолепной письменностью, сильной армией, опытными мастеровыми, грамотным народом и учеными, обладающими потрясающими и сегодня знаниями в области астрономии, строительства, математики, инженерии, медицины. О стройной системе огромного пантеона богов и великолепных легенд я уже не говорю.

— Но были хорошие условия для развития…

— Да в том-то и дело, что не было никакого развития. В Египте найдены лишь хорошо сохранившиеся в сухом климате останки додинастийных племен и тут же поселения первой династии, которые уже строили города. Нет ни единого факта эволюции! Резкий скачок во всем… Согласен, в каждой известной цивилизации есть свои загадки, но такого прорыва не знает ни один народ. И его не объяснить особыми условиями или талантом. Европа развивалась веками, и эту эволюцию можно проследить по находкам, укладывающимся в строгую последовательность. В Египте ее не было. Не найдено ни единого следа каких-то шагов изменения. Взрыв. Во всех областях человеческих знаний и навыков.

— Но строили же пирамиды индейцы в Америке, — неуверенно произнесла девушка. — Инки, Ацтеки, Майя…

— Если говорить о строителях в Перу, Боливии и Мексике, то я бы в первую очередь упомянул о менее известных Альмеках. Это их технология поднимала пирамиды на Юкотане, а Инки и Ацтеки только заселили найденные города. Выше массовых человеческих жертвоприношений они не шагнули. Стокилометровые дороги в джунглях, акведуки через холмы и гранитные плиты в триста тонн с точностью стыковки в полмиллиметра были не под силу индейцам майя… Правда, Конквиста сожгла тысячи свитков с текстами и разрушила более трехсот храмов, а уникальные золотые календари майя переплавила в слитки… Отыскать там истину будет очень непросто.

Они помолчали, понимая, что отвлекаются от начатой темы.

— Джузи, Вы хотите сказать, что древние египтяне получили какие-то знания, позволившие им сделать рывок в развитии?

— Огромный рывок. От палки, с помощью которой отбивались от хищников и выкапывали коренья, до пирамид, ориентированных по звездам с учетом космических циклов в десятки тысяч лет.

— Что-то припоминаю о цикле наклона эклиптики… Но период там огромный.

— В том-то и дело, что накопить и осмыслить подобные данные можно за огромное время наблюдений. Я уже не говорю о технике и специалистах… Но это только малая часть тех знаний, что оказались в руках особой касты жрецов. И главное, их еще кто-то научил, как читать…

— Так это были… — девушка не договорила от охватившего ее волнения.

— Две Книги, — после некоторой паузы тихо проговорил старик.

— Две?

— Книга Силы и Книга Света… Третью он не нашел.

— Куда же делась Третья? — Варя даже привстала от любопытства.

— Думаю, что ею завладел Аменхотеп. Причем книга осталась в его семье.

— Почему Вы так уверены?

— Сменив свое тронное имя на Эхнатон, Аменхотеп рискнул изменить целую цивилизацию. С многовековой историей. За пару десятилетий. Для этого нужно обладать не только знаниями или силой. Тут необходимо супероружие. И гарантия…

— Гарантия чего?

— Своей безопасности, конечно. Он был могущественным царем великой империи. Такой власти, как у фараона Аменхотепа Четвертого, ни у кого не было… Однако он был всего лишь человеком, а дворцы всегда полны интриг. Борьба за власть никогда не утихает. Если Аменхотеп отважился на революционный шаг, лишавший огромных привилегий многих влиятельных персон империи, значит, был уверен.

— Как же называлась Третья Книга?

— А ты не догадалась еще?

— Книга Бессмертия. Нет… Книга Вечности.

— Браво, девочка! Я не ошибся в тебе.

— Джузи, когда Вы говорили о Святых Скрижалях Моисея, Вы имели в виду книги из тайной комнаты?

— Конечно.

— Но почему вокруг них так много шума? — удивилась Варя. — Не проще бы их хранить в тайнике, подальше от любопытных глаз. Без храмов, войн и разрушений?

— Ты хочешь спросить, был ли Моисей умным человеком? — в глазах старика мелькнула усмешка. — Поверь мне, если бы ты взяла любую из этих книг, реакция была бы непредсказуема.

— Что же в них написано?

— Ну, о содержимом речь пока не идет. Нужен немалый труд и знания, чтобы прочесть то, что они хранят.

— Дело в форме?

— Не совсем… Каждая книга состоит из отдельных табличек одинаковой формы, напоминающих плотные листы. Их невозможно перелистать, как обычную книгу, но если знать секрет, она открывается сама. Материал почти невесомый и бесконечно прочный. Но главное, на ощупь он…

— Теплый? — неожиданно для себя перебила рассказ старика русская.

— Браво! Ровно тридцать шесть и шесть. Всегда!

— Это служило доказательством их божественного происхождения?

— Без сомнений. Сейчас знают, что околокритическая масса обогащенного плутония выбрасывает не только радиоактивное излучение, но и обычное тепло. Постоянно. Но десять веков до рождества Христова это было чудом.

— Но это же смертельно опасно!

— Ты ошибаешься. Материал, из которого сделаны страницы Великих книг, абсолютно нейтрален.

— Джузи, вы держали их в руках?

— Пусть это останется бредом выжившего из ума старика.

Они замолчали, как шахматисты, обдумывающие сложившуюся ситуацию на доске. Варя сгорала от любопытства, но боялась настаивать, чтобы не обидеть или не насторожить старого сицилийца. Она доверилась своей интуиции и стала ждать.

— Перед последним неприятельским штурмом Первого Храма обе книги тайно вывезли из Иерусалима в пустыню и спрятали в пещеру. Хранителями были самые преданные наследники царя Соломона, но и среди них нашелся предатель. Книга Силы была похищена и появилась в одном из монастырей Китая. Много позже — в Венеции. Там было организовано тайное общество Форстер, которое использовало некоторые знания для коммерческих целей. Республика Венеция процветала несколько веков. Позже Книга Силы исчезла. Поговаривают, что ее спрятали в подземных пещерах Сицилии.

— А Вторая Книга?

— Книга Света хранилась у ессеев, они называют себя Сынами Света. Несколько веков они пытались перевести тексты,

написанные значками, похожими на иероглифы. В пустыне монахи построили монастырь недалеко от Мертвого моря.

— Кумран?

— Это сейчас его так называют, а тогда это был Вади Яфай Забин. После того, как иудеев выгнали с Земли Обетованной, охотники за Книгами вели настоящие войны. Хранители на несколько веков укрыли Книги далеко от Ближнего Востока, но потом вернули в Европу. Тогда была построена целая сеть монастырей, где Книги могли найти безопасное убежище. От Китая до Франции. Оба тайных общества хранителей помогали друг другу на основе негласного договора.

— А монастырь Святой Катерины был в их числе? — Варя запнулась и залилась румянцем из-за своего нетерпения.

— Не совсем. Святая Катерина — чисто христианский монастырь. Он был построен под защитой крестоносцев на руинах монастыря ессеев, разрушенного мусульманами пару веков до этого события.

— И тут не обошлось без тамплиеров!

— Еще в Иерусалиме храмовники случайно обнаружили в подвалах разрушенного замка тайник с личной библиотекой Соломона и организовали Орден рыцарей Храма Господня. Хотя, если быть точным, крестоносцы вели раскопки далеко от места Первого Храма… Они долго охотились за Книгой Света, но нашли только несколько копий переведенных фрагментов текста на пергаменте. Подобные копии были найдены и мусульманами. Общий интерес в поисках Книги Света был настолько велик, что заклятые враги пошли на заключение тайного договора о сотрудничестве. Они, конечно, воевали друг с другом, но иногда стычки обходились без кровопролития. Когда это было выгодно с точки зрения поиска Второй Книги.

— Точно! — вскинулась Варя. — Мне попадались публикации о странных перемириях на поле брани между крестоносцами и арабами.

— Не знаю, о каком документе ты говоришь, но однажды было найдено письмо, в котором указывалось, что в каждом отряде рыцарей тамплиеров должен был находиться посланник Ордена, обличенный особыми полномочиями и владеющий знаком Света. Думаю, что это был один из иероглифов Второй Книги. Дело в том, что однажды отряды крестоносцев и мусульман, независимо друг от друга, вышли на след ессеев, бежавших с Книгой Света. В пылу погони они схватились друг с другом, что позволило улизнуть монахам с Книгой. С тех пор храмовники и арабы решили договориться, чтобы не мешать друг другу. Даже владея разрозненной информацией переводов из

Книги Света, умные люди сумели ее оценить и понять, какое могущество скрывает Вторая Книга из тайной комнаты.

— Переводы были сделаны на арамейский?

— Древнеарамейский язык два тысячелетия господствовал на Ближнем Востоке, его диалекты звучали в Вавилоне, Сирии, Дамаске… после падения Ассирийского царства он перекочевал в Персию. Большая часть Ветхого завета и Талмуда написана на арамейском. Иисус проповедовал на арамейском…Это был язык не только политиков и торговцев, но и священнослужителей.

— Значит, к появлению Иисуса уже было немало переводов обеих книг?

— Я бы сказал — некоторых фрагментов… Равно как и подделок.

— Зачем? — искренне удивилась Варя.

— Во-первых, они немало стоили, а во-вторых, хорошо путали следы. За книгами из тайной комнаты всегда охотились, и ессеи умело использовали фальсификации. Яркий пример — мантры. Достаточно изменить слово или даже интонацию его произношения, и это будет безобидная пустышка. Впрочем, мне кажется, тебе это знакомо.

— Отчасти…

— Что же ты нашла в монастыре Святой Катерины?

— Признаюсь, — девушка не стала лукавить. — Это была мантра.

— Пергамент?

— Нет. Надпись на арамейском была высечена на плите в подземелье.

— И тебе эту надпись вот так запросто показали?

— Монашка согласилась проводить меня к мощам святой мученицы… а по дороге в одной из ниш был ремонт. Свет от фонаря упал на перекрытие, когда работник замазывал отвалившуюся штукатурку.

— И ты не только запомнила фразу, но и правильно ее произнесла…

— Сама не знаю, как это получилось… Я использовала ее всего три раза.

— Я все больше начинаю верить словам Тони, что ты избранная.

— А он так сказал?

— Отчасти, — передразнил русскую старик без тени иронии на безжизненном лице. — Смею предположить, что у ессеев то подземелье играло роль чистилища. Они практиковали это в своих монастырях. Представь. Старший посвященный вызывает к себе на откровенный разговор собрата. Тот обязан прочесть

мантру, прежде чем переступит порог чистилища. Поскольку он это делает сам и добровольно, эффект воздействия максимальный. Ну, а за правильностью соблюдения ритуала следит старший. Затраты минимальны, и защита у собрата полностью снята. В чистилище о грешнике можно узнать все что угодно. Он сам добровольно расскажет. Это сейчас американцы гордятся детектором лжи, а прием был известен несколько тысяч лет назад.

— Вообще-то, — девушка замялась, не решаясь на что-то, но потом уверенно продолжила: — Это была двойная мантра.

— Вот как!

— Мне так показалось… Однажды мне пришлось туго, и я прочла ее не по правилам произношения арамейского, а сместив ударения на слоги с буквой «к». Эффект был иной. Воздействие пошло не на снятие защиты, а увеличение моих физических возможностей.

— Намного?

— На пару порядков… Хотя я могла и ошибиться в оценке, потому что уже прощалась с жизнью.

— Интересно. Для человека нормально, когда он падает без сознания, исчерпав свои силы, но запас еще составляет около сорока процентов его возможностей. Тренированные бойцы могут усилием воли брать эту энергию… Но коэффициент иной. В лучшем случае в два раза.

— Нет-нет Моих силенок не хватило бы и на сотую доли той работы, что я выполнила, произнеся мантру.

— Кто же тебя научил правильно расставлять гласные в арамейском? Ведь в письме используются только согласные, что очень затрудняет чтение.

— Интуиция…

Они замолчали. Теплое осеннее утро уже заглядывало в кабинет старика, наполняя его и двух собеседников приятным спокойствием, настраивающим на размышления или воспоминания. Так иногда бывает, что вдруг необъяснимо хочется поговорить с кем-нибудь близким о чем-то важном, значимом или открыться и почувствовать облегчение на душе.

Первой не выдержала Варя:

— Почему же мусульмане смогли разгромить такой могущественный тайный Орден?

— А почему варвары разрушили Рим? — тут же отозвался Джузи. — Впрочем, нужно сказать точнее: не разрушили, а покорили.

— Были сильнее…

— Конечно. Книга до сих пор не переведена полностью. А

разрушить монастырь или храм— не значит уничтожить Орден.

— Сыны Света перебрались в новое место?

— Причем достаточно далеко… Ты слышала что-нибудь о стране Гуге?

— Нет.

— Вот оно, современное образование, — в глазах старика появилась грусть. — Когда в первый Крестовый поход христиане ринулись покорять Палестину, вся Индия, Пакистан и Кашмир уже были мусульманскими. Не желавшие покориться уходили в горы. Так на западной оконечности Тибета, на высоте шести тысяч метров над уровнем моря, неожиданно для всех стало расцветать маленькое государство под названием Гуге. В пятистах километрах от знаменитого тогда Сапаранга был построен новый монастырь Тхалинг. Очень скоро он стал своего рода Ватиканом на Тибете. Малоизвестный там буддизм вдруг обретает удивительную силу и популярность. В Гуге тянутся все светлые умы Среднего Востока. Строится целая сеть монастырей, а братство насчитывает сотни тысяч образованных подвижников: исследователей, архитекторов, художников, поэтов, философов. И все это процветает. Правда, питается не Святым Духом. Они строят великолепные храмы высоко в горах и хорошо живут. Менее века спустя Гуге становится Венецией Востока, потому что располагается ровно посередине Великого Шелкового Пути. Маленькое государство обеспечивает торговцам на протяжении всего многокилометрового пути приют и безопасность, за что получает хорошие деньги. Их столько, что бурно развивается не только буддизм и культура, но и новое мировоззрение. В горах создается уникальное сообщество просвещенных.

— Шамбола?

— Не нужно путать понятия и реальные вещи. Хотя место было выбрано очень удачно. Добраться в Гуге было почти так же трудно, как и в воображаемую Шамбалу. С трех сторон это крохотное государство окружали Гималаи, Кара-Карумы и Куль-Лунь. А в монастырь Тхалинг посетителей вообще поднимали на веревках в плетеной корзине. Более трехсот метров.

— Что же там случилось?

— Как всегда, человеческая жадность. Сыны Света не вмешивались в светскую жизнь, полностью посвящая себя служению святой идее. А тогдашний король посчитал, что монастырей и монахов в его стране стало слишком много. Конечно, эту мысль ему подсказали те, кто охотился за Второй Книгой из тайной комнаты. Войну помогли организовать соседние племена пастухов на бесчисленных пастбищах плоскогорий. О богатствах буддийских храмов до сих пор ходят

легенды. Война была долгой и жестокой. Не пощадили и самого короля Гуге, по имени Чадаква.

— А Книга Света?

— Монастырь Тхалинг был действительно неприступен, но нападавшие заставили пленников строить из камня высокую штурмовую башню. Триста метров! Осада продолжалась около полугода. При этом в монастыре было достаточно воды и припасов, чтобы держать оборону. Когда же штурм все-таки начался, бандиты поставили перед собой живой щит из пленных монахов. Братья не стали их убивать и внезапно скрылись. Вернее, исчезли. В злобе агрессоры разрушили Тхалинг, не оставив камня на камне, но ничего не нашли. Обнаружили только систему пещер в горе и выдолбленные из цельного ствола дерева капсулы на трех-четырех человек. Наподобие саней для бобслея. Сыны Света учли уроки истории. В последний момент они просто скрылись в потайных пещерах. Пока их искали в монастыре, они на огромной скорости пронеслись вниз в деревянных капсулах. У подножья горы протекала река Сутлечь, где их всегда поджидали верные люди с лодками и лошадьми.

— И над Тибетом померк свет…

— Буддизм, конечно, остался, но такого расцвета он больше не переживал.

— Где же обосновались потом Сыны Света?

— Во Франции. Тогда тамплиеры были очень сильны, а ессеи спрятались у них под носом — в одном из замков на берегу Луары. Им удалось укрыться от погони и послать ищеек по ложному следу. Мастера плести интриги, Сыны Света подсказали обнищавшему Филиппу Красивому где взять деньги. За два века храмовники стали крупнейшими ростовщиками Европы, только во Франции построили более ста пятидесяти храмов и соборов. Они создали зачатки финансовой системы Старого Света, но монархи не любили просить деньги. Они привыкли брать. Учитывая это, ессеи придумали многоходовую комбинацию, в которой сила тамплиеров становилась их бедой.

— Джузи, Вы просто кладезь таинственных историй.

— Да, это был заговор, достойный захватывающего исторического романа. Представь. В самом начале четырнадцатого века Святой Престол с трудом удерживает власть над Папской областью в центральной Италии из-за отсутствия денег. Король Франции остро нуждается в средствах, но имеет только огромные долги перед храмовниками. И тут Папой избирают гасконца Климента Пятого. Не без помощи короля, конечно. За что тот обещает поддержку Филиппу Красивому в одном очень щекотливом деле. Используя широкую сеть

инквизиции, король с дозволения Папы рассылает во все уголки Европы секретный пакет. Надпись на нем гласит: «Вскрыть 13 октября 1307 года».

Старик иронично взглянул на Варю, устало вздохнув.

— Раннее утро пятницы тринадцатого стало роковым для тамплиеров. Именем Святой церкви рыцарей хватают в их собственных замках и на улицах. Зверски пытают в течение длительного времени, вырывая признания в ереси и служении дьяволу. Лишь немногие остаются твердыми до конца. Последний магистр Ордена Жак де Моле на костре вызывает Папу на божий суд, но все напрасно. В итоге только во Франции более пятисот рыцарей и тысячи их соратников были сожжены на кострах. Другие европейские страны не отстают, хотя действуют чуть мягче. Орден тамплиеров перестает существовать, а его несметные богатства переходят в руки Филиппа Красивого и Святого Престола… Тут же Климент Пятый выкупает у графов Прованских город Авиньон и окружающие его земли, там начинается невиданное строительство. Несколько лет спустя Святой Престол переезжает из Рима в Авиньон, в новый папский дворец. Начинается почти вековой период авиньонской роскоши и слияния со светской жизнью. И тут ессеи умело играют свою роль. Оставаясь всегда в тени, они добиваются огромного влияния в стране.

— Ничего не слышала об этом.

— С тех пор Сыны Света чувствуют себя в безопасности, а остатки храмовников перебираются в Шотландию, где хранятся основные артефакты Ордена. Им удается помочь взойти на престол новой династии, которая позже всегда будет благосклонна к потомкам крестоносцев.

— Под артефактами Вы понимаете Чашу Грааля и Копье Судьбы?

— Религия построена на образах, которые должны рождать в умах верующих нужные ассоциации. В этом ее отличие от точных наук. Основные конфессии, выросшие из корня, вывезенного Моисеем из Египта, во многом схожи. Некоторые тексты христианских псалмов и фрагментов одной из пяти книг Торы идентичны до мелочей. Религиозные образы — очень сильный инструмент воздействия на человека. Даже неверующего. И за ними можно спрятать многое. Тамплиеры умели это делать.

— Что же стало с потомками ессеев из Кумрана?

— Учитывая уроки истории, Сыны Света уже никогда открыто не претендовали на официальную власть, избрав путь тайного влияния на правительство и руководителей крупных корпораций. Век информационных технологий у ессеев начался на пару

столетий раньше, чем у всего человечества.

— Они изобрели компьютер в период французской Республики?

— Чушь! К тому времени они успели перевести и понять достаточно из Второй Книги, чтобы разобраться с тем, как работает мозг человека и что такое сознание. Современные потомки Моисея и Соломона одержимы той же идеей мировой религии в рамках единого мирового государства.

— Всем нам грозит порабощение?

— Нет. Пока что Сыны Света не умеют клонировать своих воинов. Сейчас они только скрупулезно ищут детей с определенными способностями, с тем чтобы потом развивать их.

— Вундеркиндов?

— В своем роде, — старик прикрыл веки, давая понять, что устал. — Люди называют вундеркиндами только тех детей, чьи уникальные способности могут быть востребованы обществом: в музыке, математике, живописи… Еже ли ребенок обладает уникальным талантом в том, о чем простые люди и не подозревают, то проще сказать, что он с отклонениями в психике. Таких очень мало, а выживает еще меньше. Если необычному ребенку не повезет и он родится в семье набожного католика или протестанта, то родители вполне могут отдать свое чадо в специальный приют, если вдруг узнают, что их собственный ребенок слышит чьи-то голоса, видит странные существа или читает чужие мысли. Люди предпочитают смотреть по телевизору разные страшилки, но когда что-то подобное оказывается рядом, они хватаются за осиновый кол.

— Но этим же занимается психология, — удивилась Варя.

— Должна бы… — Джузи помолчал, что-то взвешивая, но потом продолжил: — Почти все специализированные детские клиники и приюты мира финансируются благотворительными организациями, подвластными Сынам Света. Подчиняясь воле Святого Ордена, как они себя называют, эти клиники стали неким фильтром, просеивающим через себя с помощью специальных методик тысячи несчастных. Анализируя отчеты психологического тестирования, на ранних стадиях определяется судьба ребенка. Из него могут сделать флэшера — бесстрашного воина, гловера — хитрого и неуловимого разведчика, лайтера — безжалостного инквизитора, следящего за чистотой своих рядов, и так далее.

— Эксперименты с детьми? — ужаснулась девушка.

— Они называют это тестированием, хотя иногда прибегают к сильному воздействию на психику и память ребенка.

— Но это же… — девушка не сразу смогла подобрать

определение, — бесчеловечно.

— Собственно, это и было одним из аргументов в споре, приведшем к разрыву дружественных отношений братства Силы и Святого Ордена, но открытых конфликтов не было, — веки Джузи дрогнули и медленно прикрыли подслеповатые глаза. — Мы тоже отбираем кандидатов в свои спортивные школы среди ребятишек, предлагая им бегать, прыгать, плавать, а потом готовим из них не только будущих чемпионов, но и бойцов. Правда, при этом мы никогда не уничтожаем их личность и душу.

— Книга Силы лежит в основе восточных единоборств?

— Да. Если я правильно тебя понял. Основатели нашего рода были моряками, а не интеллектуалами. Переводами и анализом занимались единицы, возможно, поэтому освоен не весь текст Первой Книги.

— А почему Вы все это мне рассказываете, Джузи?

— Я все больше склоняюсь к справедливости слов Тони, что ты избранная.

— Но я самый обычный человек, — возразила Варя.

— Для многих покажется простым совпадением то, что ты родилась в семье египтологов, поступила в университет на кафедру ведущего исследователя комплекса в Карнаке, читаешь на арамейском, нашла мантру в монастыре Святой Катерины, погрузилась на две сотни метров в Красном море и нашла в затонувшем галеоне шкатулку с предметами ритуального погребения фараонов…

— Но я не рассказывала Вам этого!

— А что ты нашла со своей подругой в храме Хатхор?[2]

— Так это Маша все разболтала Антонио!

— Для меня такая череда событий неслучайна, — продолжил, не обращая на девушку никакого внимания, старик. — Чем больше погружаешься в историю, тем больше веришь в предопределенность. Впрочем, у каждого есть выбор.

— И Вы считаете, что я сделаю именно тот выбор, который Вас устроит?

— Я не думаю, что ты будешь искать встречи с газетчиками или лайтером.

— Отчего же?

— Потому что ты в двадцать лет пожертвовала всем, чтобы находка в храме Хатхор не попала в чужие руки. Потому что ты спасла Алекс от судьбы ушебти, что еще никому не удавалось. Потому что ты привезла ее с дочерьми сюда и каждый день работаешь с ее психикой, возвращая к нормальной жизни… Кстати, что ты прячешь в кармане?

Варя с удивлением отметила, что видит не старика. Джузи

неожиданно резко обернулся и ринулся на нее, словно в прыжке. Она даже попыталась отстраниться и защититься руками от нависшего над ней настоящего тигра. За две недели, проведенные в старом доме на центральной площади Трапани, девушка поняла, что глава клана совершенно необычный человек, но как он мог вот так запросто внушить ей образ разъяренного зверя. Причем впечатление было таким реальным, что Варя успела разглядеть не только слюну на огромных клыках, но и безжалостную ярость в желтых глазах огромной кошки. Девушке пришлось сделать над собой усилие, чтобы справиться с волнением и отвести в сторону возникший в ее сознании образ.

Секундой позже Варя видела перед собой прежнего немощного старика. Он неподвижно сидел, в инвалидной коляске, и что-то рассматривал невидящим взглядом вдалеке. Окончательно оправившись от воображаемого коварного нападения, Варя улыбнулась и вытащила из кармана бархатную коробочку.

— Думаю, что эти бриллиантовые серьги Александре подарил инициатор, дабы воздействовать на ее психику в свое отсутствие. Всякий раз, когда она их наденет.

— Известный прием…

— Сегодня ночью она под воздействием отражений огней на стенах начала что-то вспоминать. Похоже, инициатор подстраховался и активировал этот канал давления на психику без своего участия.

— Это программируется, — согласился сицилиец. — Яркие огни или блестящие побрякушки очень подходят для впечатлительных людей. Достаточно наложить сильную мантру в соответствующем состоянии — и будет работать всю жизнь.

— А я об этом не знала, — удивилась девушка. — Хорошо, что проснулась вовремя.

— Ну, это же случайность… — тихий голос был совершенно лишен эмоций, но Варя уловила скрытую иронию.

— Мне очень трудно поверить в свою исключительность, Джузи.

— Вера нелогична, а вот убеждения основываются на знаниях.

Не оглядываясь, старик сделал едва уловимое движение костлявым пальцем в сторону старинного секретера у стены.

— Положи серьги во второй ящик. Их там никто не тронет. Потом поработаем с ними…

Опустив руки на колени, Джузи замер, давая понять, что разговор окончен. Он мог вот так неподвижно сидеть часами. Варя даже пугалась первое время, не умер ли он. Нельзя же спать,

совершенно не меняя позы. Впрочем, неловкость первых дней знакомства быстро прошла. Тщедушное тело, бесцветный голос, выцветшие и лишенные жизни глаза уже не пугали ее. Удивительный интеллект и огромные знания делали из старика самого желанного собеседника.

Глава V. Нант

Наверное, теплая осенняя пора хороша в любом городе, но если это город первой любви, бабье лето делает его сказочным. Глядя через радужную призму времени на несколько десятилетий назад, многое видишь иначе. Ошибки становятся милыми шалостями, обиды — забавными недоразумениями, а разлука — досадной несправедливостью, не зависящей от тебя лично, ведь душа по-прежнему хранит тепло и нежность, которая с годами, как хороший коньяк, становится только ярче. Человеку свойственно прятать свой внутренний мир от негатива. Там бережно хранится первый взгляд, затронувший душу, неумелый поцелуй, от которого останавливалось не только дыхание, но и — сердце. Там все еще звучит шепот горячих губ у твоего лица и чувствуется аромат кудряшек и манящий запах желанного тела. Воспоминания чем-то похожи на детскую коробочку, где собраны самые нелепые для постороннего вещи, но они так много говорят их хозяину. Потому и дороги.

Так размышлял Демис, прогуливаясь по старинным улочкам утреннего Нанта. До назначенной встречи с клиентом у страхового агента был еще целый день в запасе, что позволяло ему стать обычным туристом и предаться воспоминанием. Это помогало настроиться на лирический лад, который был незаменим при разговорах с дамами. Особенно пожилыми. Нужно было только не торопиться и осмотреть со всех сторон крепость, которую он собирался брать штурмом. Каждый имеет слабое место, его нужно только почувствовать и, слегка надавив, ощутить мягкую, податливую защиту. Остальное дело техники, которой Демис владел в совершенстве. Он умел заглянуть в укромный уголок памяти своего собеседника и говорить именно то и так, что его визави хотел бы сейчас услышать. А пожилые люди обычно очень сентиментальны. Некоторые пытаются это скрывать, что только обостряет игру, но гловер умел играть.

В раннем детстве за малышом Демисом заметили удивительную способность. Он умел ладить со всеми. Казалось бы, великое дело! Его никогда не наказывали и даже не ругали, но он всегда имел то, что хотел. Сверстники сами удивлялись, почему отдавали малышу лучшие игрушки и сладости, а взрослые с умилением прощали все проделки этого милого, милого несмышленыша. Даже после гибели родителей в автомобильной катастрофе Демис не замкнулся. Он жил в маленьком монастырском приюте при кафедральном соборе в Салониках. Никогда не блистал знаниями и оценками, но всегда был любим

учителями и учениками. Однажды (ему было лет пять) он провел весь день с пожилым худощавым мужчиной аскетической внешности. Тот задавал малышу странные вопросы, и они играли в странные игры, после чего Демис стал регулярно заниматься с этим мужчиной. Тот приходил дважды в неделю, и они увлеченно играли до вечерней молитвы. Через пару месяцев Демис уехал в маленький монастырь братства на одном из многочисленных островов Греции. Там он стал гловером. Ему исполнилось восемнадцать, когда после окончания колледжа в Афинах он уехал в Нант. Университетская свобода не вскружила голову обладателю классического эллинского профиля. Раз в неделю Демиса навещал кто-нибудь из братства, и он давал гостю скрупулезный устный отчет обо всем, что видел, слышал и догадался. В братстве не было канцелярии, никто не писал и не читал отчеты. Все делалось устно и на доверии. Вездесущие и зоркие лайтеры следили за надлежащим исполнением заведенных порядков и традиций. От их всевидящего ока ничто не могло укрыться, любой проступок мог быть пресечен и строго наказан… Если, конечно, грозил устоям Ордена.

Некоторые поблажки Демис стал получать после удачно выполненных заданий братства. Поначалу он наивно полагал, что смог утаить поступок, не вписывающийся в строгий устав Ордена, от лайтера, но потом догадался. Его прощали. Используя свободные нравы студенчества, Демис легко сходился с отпрысками влиятельных людей, чьими делами интересовался Орден, и легко выпытывал от младших секреты старших. Порой он даже организовывал для себя каникулы в старинном и хорошо охраняемом фамильном замке своих сокурсников. К двадцати годам Демис в совершенстве владел многими техниками вербального общения, коммуникативной разведки и легких форм воздействия на сознание. В совокупности с хорошими манерами, отличной речью и благородной внешностью это позволяло внушать доверие к себе любому человеку. Из непосвященных, конечно. И все было хорошо до того дня, пока не он столкнулся с Би в коридоре университета.

Она была необычной… Конечно, Биатрис была красива и женственна, умна и чертовски сексуальна. Ей было тогда лет тридцать пять. Такой женщины у Демиса еще никогда не было, но не это так поразило студента третьего курса. Очаровательный преподаватель римского права пленил душу опытного гловера. Легко манипулируя сердцами и чувствами не только своих сверстников, Демис был удивлен, когда сознался себе в одной странной вещи. Он попросту балдел рядом с Би. Как от наркотика или вина. Она дарила юному эллину наслаждение одним своим

присутствием. Он пытался анализировать ситуацию, но все методики летели к черту. Не только ее запах, грудь или бедра лишали Демиса покоя, но и ее голос, манера говорить, одеваться. Походка, поворот головы, шикарные волосы. А взгляд… Эх, да что там. Он был просто покорен! Взят в плен красивой женщиной. Слабая надежда на то, что сексуальное удовлетворение освободит его от духовного рабства, провалилась. Еще и еще раз пробовал гловер порвать крепкие узы своей зависимости, насытившись в жарких объятиях итальянки, и все больше убеждался в обратном. А главное, он читал то же в ее глазах и сознании. Би не притворялась. Она тоже была страстно влюблена в грека, бывшего скорее мифическим полубогом в ее глазах, чем студентом.

Кто знает, как бы сложилась их судьба, если бы не визит лайтера. Очевидно, он уловил опасность, грозившую студенту из предыдущих разговоров с навещавшими Демиса собратьями. Решив приехать лично, он вызвал Демиса на разговор в один из небольших кабачков. Вернее, они даже не разговаривали, а просто посидели молча за столиком, уставившись в свои бокалы с красным вином. Минут пять. Потом лайтер незаметно исчез, а Демис еще посидел, сделав несколько глотков. Утром он проснулся с безразличной душой и ясной головой. Приказал себе больше не думать о Биатрис и взял академический отпуск, сославшись на семейные обстоятельства. Возобновив занятия через несколько лет, он не нашел Би ни в университете, ни в своей душе.

Позже, бывая по делам в Нанте, он навел справки. Она все-таки вернулась и живет в старом городе, недалеко от мэрии. Какое-то время работала в адвокатской конторе, но сейчас только занимается цветами. В Италии была замужем, но развелась и уехала. Детей нет, один пудель. Они не виделись лет тридцать. Интересно, какой она стала… Если бы не поручение лайтера, Демис вряд ли рискнул встретиться, но теперь он мог позволить себе абсолютно все… Чтобы выполнить задание.

Перебирая возможные варианты, гловер остановился на случайной встрече. Как это романтично — столкнуться с женщиной на узкой улочке и неожиданно узнать в ней свою давнюю любовь. Это судьба! Иногда он сам себе начинал нравиться. Сюжет, достойный кисти художника. Главное, не торопить события. Би чуть старше Демиса, а ее студенческая молодость отшумела уже как лет сорок. М-да, лучше об этом не думать.

Гловер все рассчитал верно. Осень многим навевает лирические воспоминания. Теплым тихим утром хочется быть ближе к своей молодости. Когда еще весь день впереди, это

создает иллюзию, что время остановилось.

Элегантная женщина медленно вела на поводке королевского пуделя. Со спины трудно было определить ее возраст. Стройные ноги в чулочках телесного цвета и подтянутая фигура. Хороший костюм для прогулок и аккуратная прическа. Стиль подчеркнуто строгий, но изящный. Собачка очень воспитанная, не дергает за поводок при встрече с сородичами или интересным столбом. На повороте извилистой улочки открылся вид на Луару. До самой набережной тянутся разнообразные крыши небольших домов. Золотистая листва деревьев яркими пятнами, как на полотнах экспрессионистов, украшает небольшие дворики среди серых стен. Женщина невольно остановилась, залюбовавшись уходящей красотой. Так многие события в жизни напоследок вдруг видятся в самых ярких красках. Чтобы надолго запомниться. Позднее наша память еще немного приукрасит их, и мы уже не сможем никогда в жизни увидеть что-то подобное. Так и останется в сердце навсегда. Пудель послушно сел на задние лапы рядом, наблюдая за хозяйкой. Ее взволнованность передались и ему, и пес начал поскуливать, нервно перебирая лапами. Потом затих, видя, что грустный взгляд устремлен не на него.

Оба даже не заметили, как рядом остановился седовласый подтянутый мужчина. Внешность выдавала в нем иностранца, но то, как он проникновенно смотрел на раскинувшийся внизу город, говорило о тесной связи приезжего с Нантом.

— Я тоже очень люблю это место, — его французский говор показался женщине знакомым, но она не торопилась оборачиваться. — Когда бывает возможность, прихожу сюда осенью.

Полюбоваться, — он помолчал задумчиво. — Воспоминания, знаете ли…

Пес, очевидно, почувствовал настроение хозяйки и грустно посмотрел на мужчину. Большие собачьи глаза из-под модной стрижки с челочкой были полны невыразимой печали.

— Для многих Париж считается городом влюбленных, — разоткровенничался мужчина. — А для меня им стал Нант. Правда, очень давно.

Краем глаза мужчина заметил, что женщина оперлась рукой в тонкой перчатке о серый камень парапета. Улочка здесь делала крутой поворот, и домов на этом участке не было, только невысокое ограждение отделяло стоящих на кружевной брусчатке от спуска к Луаре с красивым видом на раскинувшийся внизу район.

— Подумать только, — неожиданно выдохнул мужчина, будто решился на что-то. — Лет тридцать назад я стоял здесь

рядом с удивительной женщиной, которая вот так же любила подолгу смотреть на реку.

— Тридцать два…

Женщина медленно обернулась, будто боясь разочароваться в своей догадке. Их взгляды встретились. Она была еще очень хороша собой. Стройная, подтянутая, только волосы были явно подкрашены. Большие черные глаза наполнились слезами и нежностью. Разглядывая мужчину, она чуть наклонила голову набок. Потом с улыбкой покачала ею. На ухоженном лице мелькнули морщинки, будто ласково говорящие «проказник, где ты был все это время», но вслух она прошептала:

— Не может быть…

Обоих переполнили чувства, и трудно было найти слова, чтобы выразить их. Они словно заглянули в странную комнату, где все еще была их молодость. То ли дверь открыло сквозняком, то ли судьба сыграла свою очередную шутку, но они столкнулись лицом к лицу с тем, кого любили много лет назад. Неожиданно. Удивительно. Невероятно.

— Ты почти не изменился, — она нашлась первой, но не смогла сразу произнести его имя, — Деми…

— Ты тоже… Би.

Оба почувствовали необъяснимое желание кинуться в объятья, а там гори все синим пламенем, но годы научили их сдерживать свои порывы.

— Боже мой, глазам не верю, — шептал мужчина. — Неужели это ты, Биатрис?

— Я тоже не верю… Но как?

Их взгляды говорили больше, чем смогли бы объяснить слова. Да и найдутся ли такие слова, чтобы вместить в себя всю горечь странной разлуки, многолетней тоски и непонятной надежды. Размышлений, обид и воспоминаний. Те, кто неожиданно обретает и теряет любовь, очень часто общаются в мыслях с любимым человеком, не в силах быстро расстаться с ним. Доверяя ему какие-то свои заботы и тайны, они продлевают его жизнь в себе, не отпуская родную душу. И эта душа, находясь за тысячи километров, чувствует это и так же мается, томясь в одиночестве. Чем сильнее чувство, тем сильнее эта привязанность. Она порой приводит к реальным видениям, и тогда человек сам начинает бояться своих желаний.

— Ты мне снился вчера, Деми, — женщина протянула руку и едва коснулась его щеки, будто пытаясь понять, не привиделось ли ей. — Мы с Мальчиком, — она ласково посмотрела на пуделя, — здесь редко гуляем, а вот сегодня пришли, — ее взгляд вновь остановился на худощавом еще красивом лице седовласого

мужчины. — Ты хорошо выглядишь, только глаза грустные… Как ты, Деми?

— Приехал по делам… вернее, сам напросился в командировку. Иногда бываю в Нанте… Вот и прихожу сюда… А ты ведь уехала в Италию. Я узнавал в университете.

— Вернулась в восемьдесят девятом, — она грустно улыбнулась. — Да так и осталась. Мне здесь спокойнее. Рим слишком шумный город для меня. Племянницы зовут переехать к ним во Флоренцию, но я могу только приезжать в гости. Уже не хочется менять свой образ жизни… А как ты? Женился, хорошо идет бизнес… Ты всегда был удачлив.

— Что ты, — он смущенно опустил глаза, — так и не женился, да и дома своего нет. Потому и держат агентом, что в любую командировку с удовольствием езжу. Для многих дети, как якорь на ногах, а я вольная птица.

Он внезапно поперхнулся своей бравадой и так искренне посмотрел женщине в глаза, что она не выдержала.

— Почему же ты пропал тогда… Ни письма, ни строчки… Ни разу не позвонил… Я же чуть с ума не сошла… Как ты мог так бросить меня, Деми?

Было видно, что эти вопросы она повторяла про себя тысячи раз, потому так легко произнесла их сейчас. Наверное, она пыталась и сама объяснить себе все. Ответить. Оправдать. Наверное, и уговорила когда-то, но боль и надежда все же остались. Так устроены женщины, что любовь не умирает в их сердцах. Они преданно хранят ее в уголках своей души, никому не сознаваясь. Наверное, потому, что это является для них большим смыслом жизни, чем все остальное. Они могут растить детей, кормить и жалеть какого-нибудь другого мужчину, но никогда не расстанутся с тем, что тайно хранится в сердце.

— Я не мог, Би, — с трудом выговорил мужчина. — У меня тогда был большой долг, и за ним пришли. Было опасно впутывать тебя. Попросту сбежал…

— Ну, а позвонить или написать? — она пыталась оправдать его в своих глазах.

— У тебя я никогда бы не смог взять деньги. Да и такой суммы ты не смогла бы мне дать. Я решил разом все кончить, чтобы это не коснулось тебя. Образно говоря, умереть. Исчезнуть…

— Но можно было бы что-нибудь придумать…

— Именно поэтому я исчез из твоей жизни. Ты бы начала искать деньги, занимать, просить… Посчитала бы себя виноватой, но, кроме меня, винить тут некого. Вот я и решился отрезать разом. Уехал за тридевять земель. Навсегда. Возможно, нам не

следовало бы ворошить прошлого, но я очень рад тебя видеть, Би… Честное слово, очень рад!

— Я тоже рада, Деми!

Они неуклюже обнялись и долго так стояли молча. Пудель почувствовал, что хозяйка плачет, и заскулил, уткнувшись влажным носом ей в колени. Редкие прохожие деликатно сторонились странной троицы, всхлипывающей и постанывающей у парапета, где узкая улочка круто поворачивала. Вот так и судьбы людей иногда пересекаются странным образом и делают крутой поворот.

Наконец, она мягко отстранилась и быстро достала пудреницу из сумочки на плече. Отвернулась и припудрила лицо. Похлопала ресницами и вопросительно заглянула отражению в глаза. Да что это с ней сегодня! Нос покраснел, а веки… Она решительно наклонила головку и взяла мужчину под руку. Строго взглянула на пуделя, и он радостно завилял обрубком хвоста, понимая, что они опять направляются гулять.

— Где я только ни побывал, — мужчина чуть отодвинул плетеный стул от столика, за которым они сидели. — Вся Европа, Америка, Китай. Недолго был матросом, потом переводчиком и даже контрабандистом.

— Надеюсь, ты не поставлял бедных девушек в гарем какому-нибудь шейху?

— А как же, я был главным поставщиков всех гаремов Востока, — он ловко сделал из галстука повязку на правый глаз.

Да я был самым кровожадным пиратом Карибского моря, — он ловко вывернул пиджак наизнанку, изображая одежду флибустьера. — Ты видела этот фильм?

— Какой? — подыграла ему женщина.

— «Пираты Карибского моря»! — он сделал страшное лицо. — Да все серии — это моя биография.

Посетители небольшого кафе с умилением поглядывали на пожилую пару и улыбались. Кавалер был явно в ударе, разыгрывая перед дамой смешную миниатюру. Неожиданно легко для своего возраста он вскакивал, зажимая в руках столовые приборы, как оружие, изображая в лицах схватку то двух пиратских фрегатов, то сражение с индейцами, то стычку с пьяными матросами в портовом кабачке. Это был театр одного актера, причем отнюдь не лишенный исполнительского мастерства. Женщина звонко смеялась и хлопала в ладоши. Она казалась такой молодой и счастливой, что это придавало рассказчику все новые силы, и он был неистощим на выдумку. Красивое лицо грека было очень пластично и быстро становилось то кровожадным, то испуганным, то одухотворенным в

благородном порыве. Постепенно все столики маленького кафе были заняты, а прохожие стали останавливаться рядом. Когда же импровизированный концерт был закончен, актера наградили заслуженными аплодисментами, а главный зритель в лице развеселившейся женщины расцеловал актера в обе щеки. По-французски. Хозяин кафе отказался приносить счет, заявив, что угощает заведение. Более того, если господа придут завтра, он готов оплатить им хороший ужин.

— Вот так я не умер с голоду, — улыбнулся потомок эллинов. — В Ля Скала не пригласили, но отбоя во всех портовых кабачках мира не было.

— Браво, мой славный пират, — итальянка так счастливо улыбалась, что скинула лет двадцать. — В тебе умер не только великий актер, но и флотоводец.

Мужчина галантно склонился и поцеловал даме руку.

— Если бы я мог положить к твоим ногам весь мир, Би…

— Так много мне не нужно. Успокойся. В нашем возрасте это вредно.

Она взяла его под руку и незаметно прижалась всем телом. Ей было удивительно легко и радостно. Она чувствовала восторженные взгляды на своей спине, но не стеснялась этого. Долгие годы одиночества вдруг испарились, и она вновь была рядом с удивительным мужчиной, по имени Демис. Возможно, завтра придут сомнения, но сегодня… Сегодня особенный день. Воспоминания прежних чувств нахлынули, делая весь мир вокруг удивительно светлым.

— Признайся, когда ты узнал меня, — неожиданно спросила Биатрис.

— У тебя до сих пор остались те же духи…

— Ты помнишь их запах?

— Помню, — Демис не повернул к женщине своего лица, и она поняла, что он волнуется. — Бродил по нашим улицам и вспоминал, как стучали твои каблучки по брусчатке. Мне кажется, все переулки и площади еще хранят его. А тут уловил что-то знакомое. Осень щедра на цвета, но не запахи, вот и пошел по следу. Я загадал, если запах будет «заворачивать» по нашему маршруту, то встречу тебя. Это была какая-то погоня за молодостью. Сердце просто остановилось, когда увидел, что на нашем повороте стояла очень похожая на тебя женщина. Она смотрела на реку… Просто невероятно.

— Да, удивительно.

— Ты знаешь, я иногда думал, что вот случится такая встреча, и я смогу тебе все объяснить, но теперь не могу найти нужных слов. Растерялся, как мальчишка.

— Ты никогда не был застенчив, — она тоже не смотрела на своего спутника.

— А ты заметила, здесь все по-прежнему, — сменил он тему разговора. — У прохожих только одежда иная.

— И мы немножко другие, — грустно добавила она.

— На углу Золя и Тьерри заменили целый пятачок брусчатки.

— Там какие-то ненормальные взорвали бомбу несколько лет назад.

Они помолчали, и в наступившей тишине звук их шагов все также сопровождал их неторопливый шаг. Большие города часто преподносят сюрпризы. Повернув несколько раз с шумного проспекта в глубь квартала, можно оказаться на абсолютно пустой улочке, где, кроме местных жителей, никого не бывает. Разве что утром молочник разбудит задремавшую тишину скрипом своей тележки и позвякиванием бутылок, которые он оставляет у дверей постояльцев. Французы дорожат традициями и своей историей. Они не воюют с памятниками, как это бывает в других странах, и в публичных местах цветы лежат на постаментах некогда заклятых врагов, чьи изваяния теперь застыли рядом. Они по-прежнему увлекают горожан в бой за противоположные идеалы, но время и тактичность жителей давно примирили всех. Это чем-то напоминает большую семью, где за общим столом какого-нибудь фамильного торжества собираются богатые и бедные, молодые и старые, красивые и больные. Монархисты рассказывают анекдоты демократам, а полицейские выпивают с карманниками. Они по-разному смотрят на жизнь, но другой семьи у них нет и не будет, да и другого дома тоже. Пить кофе по утрам со свежим молоком и хрустящим круасаном намного важнее, чем видеть в газете один портрет вместо другого. А вот если кто-то захочет лишить их этого, французы в состоянии выковыривать булыжники из мостовой и кидать в нужную сторону. Наверное, поэтому они бережно относятся к чужим чувствам, и даже старые дома и улочки подолгу хранят воспоминания.

— А помнишь, как мы попали под дождь у памятника маршалу Фошу?

— И гранитные плиты под дождем стали как лед. Я поскользнулась и вывихнула ногу, а ты нес меня через полгорода домой. На руках.

— А помнишь, как ты испугалась священника?

— Когда ты затащил меня в собор Святого Павла?

— На воскресную службу.

— У него был такой голосина… Когда он читал что-то из Библии, мне казалось, смотрел только на меня, а потом подозвал

жестом причаститься и спрашивает: «Грешна?» И так на меня глянул. Внутри все оборвалось.

— Да они всех так спрашивают.

— Не-ет Я поняла, что он про нас все знает… С тех пор никогда в церкви не сажусь в первых рядах.

— Часто ходишь на службы?

— В кафедральном соборе великолепный орган. По вечерам часто играют. Хожу не столько на службы, сколько просто посидеть там. Меня это очень успокаивает.

— Ты, наверное, самая прилежная прихожанка?

— Я нет. У меня соседка поет в хоре. Она соблюдает все посты и праздники, а я только прихожу послушать. Мы с ней любим прогуливаться по старому городу и болтать в кафе. У нее внук поет в хоре мальчиков при соборе. В июне у них был выпускной. Боже, что это был за концерт! Мы все просто плакали… Прости, я все о себе. А ты?

— Как начал ездить в молодости, так и не могу остановиться. Авиакомпании на мне просто озолотились. По праздникам они дарят мне сертификаты на бесплатную неделю на каком-нибудь курорте. А несколько лет назад ассоциация авиаперевозчиков наградила меня медалью «1000 часов полета». Скоро я пошью себе летную форму и буду участвовать в тусовках ветеранов ВВС.

— Деми, ты все такой же шутник!

Она ласково взглянула на своего спутника. Очевидно, мужчины, в которых женщины влюбляются в молодости, навсегда остаются самыми красивыми и остроумными. Эти молодцы никогда не стареют и продолжают тревожить своими пронзительными взглядами из прошлого сердца зрелых дам, которые в их присутствии хотят оставаться романтическими девушками.

— Моим домом стала дорога, по которой я езжу, хожу, летаю и плаваю, но больше всего люблю бывать здесь. Мне нравится французское название этих мест, что в переводе на греческий звучит как «страна Луары». Это действительно особая страна во Франции. С ее замками, крепостями, дворцами и самыми необычными улочками на свете. Во многих городах они так похожи друг на друга, а в Нанте просто какой-то заповедник старых улиц. У каждой свой характер и голос. Помнишь, как мы любили с тобой бродить по ним когда-то?

— Ты прав, они особенные. Я тоже до сих пор люблю гулять в старом городе. Вот, даже кавалера себе нашла, чтобы не выглядеть странной.

Пудель почувствовал, что речь зашла о нем, и принял важный вид. Гордо подняв голову, он вышагивал рядом с хозяйкой, будто

на сцене. Красивый, породистый, с великолепной стрижкой и дорогим ошейником, он, очевидно, не раз побеждал в собачьих конкурсах и заслуженно гордился этим.

— Красавец, — подтвердил спутник. — Ты всегда умела окружать себя каким-то особым шармом. Я больше не встречал таких женщин.

Она не ответила на комплемент, но он достиг цели. Ей было очень приятно сознавать, что, пройдя длинный жизненный путь, ее возлюбленный убедился в том, что она лучшая. Была и есть.

— У тебя дела в Нанте?

— Да, после обеда встреча с клиентом, а потом, если ты сможешь выбрать время, я пригласил бы тебя на ужин.

— Давай прокатимся на катере, — неожиданно быстро ответила Би, но потом попробовала исправить свою оплошность: — Если ты не против, конечно. Я иногда смотрю, как они ходят по Луаре, и вспоминаю один вечер.

— Признаться, я именно это хотел тебе предложить. Я тоже вспоминаю тот вечер.

— Правда?

— Помнишь, как нам весь вечер играл скрипач. Просто не отходил от нас.

— Мы ему понравились.

— Да, мы были красивой парой…

Биатрис умолкла. Она шла, опустив глаза то ли от порывов ветра, то ли от нахлынувших чувств. Ей вообще хотелось остановить время и долго-долго идти по знакомым улочкам, держа под руку этого мужчину. Он неожиданно появился из воспоминаний, и ее молодость ожила, наполняя новым смыслом все вокруг.

— У тебя билет на сегодня? — с надеждой в голосе спросила она.

— Мне почему-то кажется, что у клиента не все бумаги в порядке. Кое-что придется заверить у нотариуса, а завтра взять справку в мэрии…

— Деми, — она покачала головой и улыбнулась. — Ты неисправим. Как тебе доверяют серьезные дела.

— Честно говоря, сам удивляюсь.

Улочка пошла под уклон, и шаги немолодой пары зазвучали бодрее. Мужчина эмоционально что-то рассказывал и шутил, а женщина недоверчиво качала головой, но так звонко смеялась, что редкие встречные улыбались, глядя на них. Французы никогда не ворчат на влюбленных, заполняющих их города. Они даже подбадривают обнимающиеся пары и так искренне радуются за них. Когда же видят зрелых людей, вспомнивших молодость,

они вежливо уступают дорогу и молча улыбаются. Это дорогого стоит — встретить близкого человека в возрасте одиночества. Наверное, поэтому счастливые сердца стремятся во Францию, а Париж называют столицей влюбленных. И это справедливо, поскольку приезжих в столице всегда больше парижан.

— Добрый вечер, — Демис галантно поцеловал Би руку и протянул букет ярких осенних цветов. — Ты выглядишь просто потрясающе!

— Спасибо, — она смутилась, наклонив лицо к букету. — Голубые хризантемы! Мне очень приятно, что ты помнишь мои любимые цветы, — у нее заблестели глаза. — О, Деми, это так трогательно. Извини, я стала сентиментальной. Часто плачу, и… нос краснеет, как у алкоголика.

— Ты самая красивая женщина на свете, Би. И не наговаривай на свой носик, пожалуйста.

— Мне этого так давно никто не говорил, — она всхлипнула и отвернулась. — Я поставлю хризантемы в вазу. Они еще долго будут со мной после твоего отъезда…

Пока женщина занималась цветами, грек осмотрелся. Маленькая аккуратная квартирка на втором этаже. Все подоконники и балкон уставлены горшочками. Было заметно, что многие вещи сопровождают хозяйку долгие годы. Бережно и заботливо они были расставлены и уложены именно так, чтобы создавать уют, свойственный романтическим натурам. Женщины так ловко умеют это делать, а мужчины считают настоящим колдовством, и хранят в сердце, как нечто особенное, и всегда стремятся вернуться именно в этот дом.

— Твой Мальчик меня охраняет, — улыбнулся гость, видя, что хозяйка поправляет что-то, стоя у зеркала в соседней комнате.

— Я договорилась. Даниель возьмет его на вечер. У нее терьерчик, и они с Мальчиком дружат… Представляешь, чувствую себя девчонкой, отпрашивающейся на свидание.

— И подружка тебя «прикроет».

— О, Даниель чудная женщина. Она так переживает за нас…

Поняв, что сказала лишнее, Биатрис не закончила фразу и лишь поджала губки, глядя на свое отражение. Одинокие люди часто живут чужими радостями.

— Давай в следующий раз пригласим ее тоже, — предложил кавалер, сделав вид, что не заметил оплошности дамы. — Если, конечно, будет на кого оставить этих «бандитов».

— Эти «бандиты» всегда с нами, — грустно отозвалась Биатрис. — Я готова… Если ты не передумал.

— Такси ждет, — он повернулся к ней и застыл от

восхищения. — Ты все такая же красавица! И это платье тебе так идет.

— Спасибо. Мне самой кажется, что я сегодня скинула лет двадцать.

— Нет. Ты просто выглядишь на двадцать!

— Деми! Ты все такой же женский угодник.

— Мадемуазель, позвольте сопровождать Вас!

— Позволяю.

Они рассмеялись и были так счастливы в этот момент, будто ничего не случилось за эти тридцать с лишним лет. Будто виделись они только вчера и вот снова куда-то собрались. Потанцевать или побродить по старому городу… Наши лица стареют, вбирая времени грусть, а души всегда остаются молодыми.

Небольшой катерок бесшумно рассекал речную гладь. Он плавно скользил мимо белоснежных яхт и ярко освещенных прогулочных корабликов в одному ему известное укромное место. Это была страна воспоминаний уже немолодых людей, сидящих за столом, сервированным на двоих. Пятачок деревянной палубы на корме катера, по имени «Лу», был оборудован для романтических свиданий. Красивые деревянные стулья с высокими резными спинками, вышитая скатерть на овальном столе, отблеск свечей на дорогой посуде, изящное столовое серебро, цветы, улыбчивый официант в строгом смокинге и начищенных туфлях — все создавало особое настроение, но главным было ощущение уединенности. Где-то далеко осталась городская суета и веселый гомон праздной толпы, заполняющей улицы, бары и ресторанчики. Даже освещенная гирляндами разноцветных огней набережная скрылась за поворотом. А простор вокруг, теряющийся в темноте ночи, рождал впечатление безграничности. И все это принадлежало только им двоим.

— Как чудесно, Деми! Как чудесно!

— Все, как тогда, дорогая…

Она не стала возражать против этого слова, хотя прошло тридцать два года, и не раз Биатрис проклинала и прощала этого мужчину за то горе и радость, что он принес ей. Она даже не хотела прислушиваться к слабому голосу здравого смысла. Она была так счастлива вновь окунуться в это безграничное счастье, каким-то чудом свалившееся на нее, что завтрашний день просто не существовал. Было только сегодня.

— Налей мне шампанского, пожалуйста, — попросила она. — Только не зови официанта. Давай останемся вдвоем.

Мужчина демонстративно отодвинул подальше маленький серебряный колокольчик и наполнил высокие бокалы.

Золотистый напиток заиграл цепочками маленьких пузырьков в отблеске свечей. Небольшими холодными глотками он проникал внутрь, передавая восхитительный вкус винограда, вобравшего в себя тепло солнца и шелест резных листьев.

— Знаешь, — он положил свою ладонь на ее маленькую холодную руку, — чаще всего ты мне вспоминалась ночью.

— Чтобы не было видно морщин? — попыталась отшутиться она.

— Нет. Потому что ты очень похожа на ночь. Такая же таинственная и прекрасная. Всегда таящая загадку и недосказанность. Так щедро дарящая нежность и созданная для любви.

— Спасибо, Деми. Рядом с тобой мне хочется быть именно такой… Странно, ты мне никогда не говорил этих слов прежде.

— Многое со временем видится иначе.

Нежные звуки скрипки раздались рядом. Невидимый мастер виртуозно исполнял такие лирические мелодии, что душа просто ликовала. Теплая ночь, тишина вокруг и что-то загадочное в окружающей темноте только подчеркивали это волшебство. Созданный для любви человек хранит в тайниках своей памяти удивительное наслаждение. Нужно лишь осторожно прикоснуться к его душе, и она зазвучит в унисон. Это и есть магия.

— Ты будешь кофе с молоком или черный? — Биатрис поставила на постель большой поднос на ножках и легла рядом. — Люблю поспать утром, но уже пробило полдень.

— Черный, — Демис лег на подушках повыше. — А это был голос достопочтенного Павла?

— Да, — она протянула ему большую чашку. — Ты не опоздаешь?

— Нет, встреча вечером… и вообще, мне кажется, я попал в другое время.

— В прошлое?

— В замечательное прошлое, — он пригубил ароматный напиток. — М-м, ты всегда умела готовить восхитительный кофе…

Я не храпел?

— Нет. Спал на удивление тихо.

— А нужно было попристывать?

— Разольешь кофе.

— А зачем ты надела ночную сорочку?

— У каждой женщины есть маленькие секреты.

— Как я люблю секреты…

— Деми, престань.

— Сейчас случайно разолью кофе на твою ночнушку.

— Только попробуй, — ее голос стал строгим. — Пойдешь стирать.

— На балкон? Можно я тогда хотя бы носки надену?

— Ну, пожалуйста, успокойся… Мне и так кажется, что мы позволили себе слишком много лишнего.

— А мне кажется, что все это приснилось, — он мечтательно прикрыл глаза.

— Хорошо, будем считать, что так.

Они притихли, но у обоих тут же возникла одна и та же мысль. Смогли бы они вот так вместе лежать рядом тридцать лет подряд? По утрам вскакивать на работу, а по выходным пить кофе в постели. Говорить одни и те же слова, а вечером занимать свое место в кровати… Они ответили по-разному.

— Боже мой, — неожиданно воскликнул он. — Да это же…

— Ты не узнал себя?

— Да, это же мы на площади!

Демис бережно взял с ночного столика фотографию в ажурной рамке и стал с интересом рассматривать. На ней смеющаяся красивая молодая пара стояла обнявшись на фоне кафедрального собора. Судя по одежде, это было снято очень давно.

— А у меня нет ни одной нашей фотографии, — с явным сожалением произнес он. — Би, ты почти не изменилась. Просто не верится!

— У меня есть старый альбом. Хочешь посмотреть?

— Конечно!

Биатрис взяла с полки увесистый, распухший от фотографий альбом и примостилась рядом с мужчиной. Они перебирали пожелтевшие отпечатки и радовались, как дети. Исчезли три десятка лет, они вновь были молодыми, красивыми и влюбленными. Воспоминания так легко переносят нас в прошлое, и мир мгновенно преображается.

— Интересное фото, — Демис разглядывал старый снимок. — Вроде бы ты, но сделано давно.

— Это мама. Мы с ней очень похожи. Она умерла девять лет назад.

— Прости, я не знал.

— Ничего, уже привыкла. Когда раздавали мамины вещи на память всем родственникам, я взяла эти снимки. Теперь вот мы вместе. В этом альбоме.

— Вы действительно похожи. Просто одно лицо. На фотографиях мы остаемся молодыми навсегда.

— Здесь ей двадцать лет. Они снялись с подругой, когда вместе собирались замуж. Учились на одном курсе, жили в одной

комнате, выбрали один день для свадьбы, но Джулия погибла. Остались только эти фотографии. Знаешь, я так часто слышала от мамы эту историю, что мне кажется, это я дружила с Джули.

— Это она?

— Да… Им было по двадцать лет.

— А зачем две одинаковые фотографии? — удивился Демис.

— Не совсем. На одной надпись по-итальянски, а на другой по-японски.

— Странно, — он осторожно извлек снимки из креплений. — Но это не японский. Это китайский.

— Ты читаешь по-китайски? — удивилась Биатрис.

— Несколько лет работал консультантом в представительстве американской конторы в Шанхае. Вот и пришлось самообразовываться.

— И что же тут написано?

— Это очень личное… Стихи. Мужчине.

— Вот как? А мама думала, что это для нее. Одна и та же надпись на двух языках. Джули была оригиналом, и эта шутка была в ее стиле.

— Это не шутка. Скорее, признание в любви.

— Что ты говоришь! Читай скорее… Не беспокойся, они были близкими подругами.

— Считаешь, что это удобно?

— Да это когда было-то. Мама училась еще до войны… Она рассказывала, что у Джулии тогда был парень, тоже художник. Имя не помню. Он был старше Джулии, так что они нас простят… Читай, пожалуйста. Очень интересно!

— Ладно, но за точность не ручаюсь. Для этого нужно будет словарь найти.

— Да читай же!

— «Туман спросил весенним утром, о чем тоскуешь на заре? Уже ли слаще в декабре с дождем и снегом, ветром нудным, что плачет долго у ворот. Ему призналась я, что милый сейчас живет в другом краю, а я храню любовь свою, хоть снегопад, хоть ветер стылый, что плачет долго у ворот. Просила солнце в поднебесье: ты ненаглядного согрей, взамен мой прах в полях развей, и ветер пусть расскажет песней о том, что плакал у ворот. Джузи от Джули в годовщину встречи».

— Боже… Как красиво!

— Приношу свои извинения за перевод. Стихи написаны в стиле древнекитайского эпоса, и для точного перевода придется попыхтеть с рифмой.

— Не нужно рифмы, — всхлипывая и вытирая нос от переполнивших чувств, едва вымолвила Биатрис. — Вот это да!

Никогда бы не подумала, что Джулия на такое способна. По маминым рассказам, она была озорной и часто прикалывались над парнями… Так написать… Как же нужно было любить! Боже мой… Нет, я не могу.

И она неожиданно горько зарыдала. Навзрыд. Задыхаясь и захлебываясь, закрыв лицо руками и вздрагивая. Она не стеснялась слез, и те крупными каплями просачивались сквозь пальцы. Встревоженный Демис отставил все на ночной столик и принес женщине стакан воды, но та отказалась.

— Это не истерика… Боже, как же нужно было любить этого мужчину. Ты просто не понимаешь… Джулия была такой независимой и сильной, а тут такая нежность… В каждом слове… И никто не знал… Она, похоже, чувствовала, что погибнет и заберет с собой свою любовь… Столько лет письмо пролежало у мамы, а теперь у меня… Ведь Джулия так нелепо погибла… А он остался один… Представляешь, он, может быть, до сих пор ничего не знает. Он столько лет ждал это письмо…

Немного погодя она успокоилась. Всхлипывая и вытирая одной рукой нос, она взяла фотографию Джулии и стала рассматривать. Потом проговорила очень серьезно.

— Представляешь, я столько раз смотрела ей в лицо и никогда не заглядывала в душу… Даже не подозревала. Прости меня, Джули. Я взяла чужое письмо… И спрятала от него. Прости… *Я*… *Я*постараюсь все исправить. Я найду его… Деми, поможешь мне отыскать этого Джузи… Если он, конечно, еще жив. Нужно исправить ошибку. Я просто обязана передать это письмо из рук в руки… или положить ему на могилку.

— Действительно, очень трогательно, — тихо отозвался он. — Можно попробовать, конечно, хотя… Знаешь, Интернет таит в себе такие возможности по части справок, что иногда диву даешься.

— Я ничего в этом не понимаю, — с испугом проговорила Биатрис.

— Не беда, я кое-что могу.

— И ты мне правда поможешь?

— Ну, не за пару минут, но попробую.

— Попробуй, милый мой. Я молиться за тебя буду! Сегодня же пойду в собор и поставлю свечи. Это святое дело.

— Конечно, дорогая.

Глава VI. Намюр

В мареве от работающих самолетных двигателей солнечный диск размягчался и покачивался, словно скользил над аэропортом. Это плавное движение более подходило к кадрам какого-нибудь фантастического фильма, где машины времени прибывают и улетают по своим важным делам, деформируя пространство.

Маша, словно сквозь сон, разглядывала незнакомое здание аэропорта. Длинная пешеходная дорожка медленно двигалась вдоль огромного терминала. Надписи на английском и каком-то неизвестном, похожем на немецкий, языке указывали прилетевшим пассажирам нужное направление. Было удобно стоять на широкой резиновой ленте, бесшумно скользившей по сверкающему чистотой залу. Через каждые пятьдесят метров сегмент транспортера заканчивался, и нужно было пройти несколько метров до следующего. Из боковых дверей то и дело выходили вновь прибывшие пассажиры, и движущаяся пешеходная дорожка заполнялась.

Рядом с Машей стоял высокий седовласый мужчина с пронзительным властным взглядом. Он хорошо говорил по-английски, и делал это как-то вкрадчиво. Непонятно почему, но ей нужно было его слушаться. Он взялся помочь Маше в этой важной деловой поездке в Брюссель, и она была ему очень благодарна. Марк был сама любезность. Он вовремя предъявлял документы, помогал отвечать на все вопросы служащих и устраиваться в кресле самолета. Хотя Маша сама не плохо говорила на итальянском и английском, ей было приятно, что Марк ее опекает. Она немного устала за последнее время: столько хлопот с этой новой для нее ролью генерального директора большой торговой фирмы, и эта поездка весьма кстати. Можно будет отдохнуть несколько дней вдали от проблем. Хорошо, Марк напомнил ей позвонить секретарю в питерском офисе, чтобы не беспокоились. Правда, она сказала, что поедет к маме. Эта маленькая хитрость избавит от назойливых звонков. Она иногда бывает так забывчива, и помощники ей просто необходимы.

Прилетели они налегке, без багажа и сразу направились к зоне паспортного контроля. Предупредительный Марк оформил им документы на граждан Евросоюза, чтобы не толкаться в очереди с соотечественниками, и попросил Машу, чтобы она на время забыла о своем настоящем гражданстве. Надо сказать, что это было так удобно. Обладатели красных паспортов толпились у окошечек строгих офицеров, восседающих под надписью «все

другие», а Маша прошла без задержек к вежливому брюнету, который меланхолично поглядывал на развернутые паспорта из окошечка под надписью «только для Евросоюза». Ей было приятно сознавать, что она не относится к расплывчатой категории «все другие».

Марк взял ее под руку, увлекая к зеленому коридору таможенного досмотра, и в шутку пожурил за такой откровенно красивый вид. Это отвлекает сотрудников. Они ведь на службе. Вообще, Марк ей нравился. Он был таким неназойливым, что присутствие его почти не ощущалось, и Маша чувствовала себя так непринужденно. Вот только усталость пройдет, и все будет великолепно.

Встречавший их мужчина приветливо помахал еще издали. Заботливо усадил в ожидавшую на стоянке машину и сел за руль. В салоне пахло хвоей, было уютно и чисто. Мягкая музыка помогала не обращать внимания на то, что мощный автомобиль быстро выбрался из клубка пересекающихся дорог у аэропорта и, набрав скорость, уверенно катился в левом ряду. На первый взгляд, все было, как в Москве, только все без исключения машины сверкали чистотой, а водители были очень корректны. Да, пожалуй, разметка и дорожные указатели выглядели, не в пример российским, яркими и нарядными.

Заходящее солнце разлиновало длинными тенями все шоссе E411 Брюссель-Люксембург. Торговые центры, автомастерские, предприятия и складские постройки — все отбрасывали собственный контур на плотный поток машин. Издалека казалось, что автомобили не двигаются, заняв однажды какое-то место, и только тени, перескакивающие с одной крыши машины на другую, создавали иллюзию обратного движения.

— Если заходите зайти в кафе по дороге, мы можем остановиться минут на десять.

Водитель вопросительно глянул в зеркало заднего вида, но оба пассажира промолчали. Перелет их не утомил, а терять время попусту не хотелось. Они были настроены на деловую поездку.

За указателем, на котором большими буквами было выведено «Намюр 140 км», дорога свернуло влево, и солнце окончательно скрылось за холмом. Над шоссе включилось освещение необычного для русского глаза желтого оттенка. Где-то в подсознании у Маши возникал вопрос, куда и зачем она едет, но он не мог пробиться через какие-то барьеры, установленные ее спутником. Заметив это беспокойство, Марк уверенно произнес:

— Все спокойно. Едем по важному делу. Настроение хорошее. Мысли ясные, чистые. Мой голос слышишь отчетливо. Ощущение легкости во всем теле.

И ей действительно стало хорошо. Общество Марка было приятным и внушало спокойствие. Весь мир как бы немного сместился в сторону, освободив место для этого симпатичного мужчины. Он прочно обосновался в сознании блондинки, вытеснив куда-то далеко-далеко все остальное. Марк представлялся ей большим и сильным. Было приятно слышать его голос и подчиняться ему. Вернее, делать то, что он говорит. И делать с удовольствием, потому что их желания совпадали. От этой мысли Маше даже захотелось прислониться щекой к его плечу и закрыть лаза. Так приятно ни о чем не думать. А его голос все звучал в ней.

— Поспи. Путь не близкий, а тебе нужно отдохнуть. Прислушайся, сейчас зазвучит твоя любимая музыка. Она навеет хорошие сны. А я буду рядом. Всегда рядом. Когда скажу «вот и приехали», ты проснешься.

Большие голубые глаза медленно прикрылись длинными ресницами. Маша глубоко вздохнула и затихла. Откуда-то зазвучала музыка ее детства. Песни, которые она повторяла тысячи раз, когда напевала себе сама.

— Притормози где-нибудь в безлюдном месте, — обратился к водителю Марк. — Нужно проверить, нет ли на ней «жучков».

Выбрав съезд с трассы для пикника, машина плавно припарковалась у аккуратно вырытой в земле ямки для костра и двух скамеечек у деревянного стола. На виду красовался яркий контейнер с черными пластиковыми пакетами для мусора. Водитель погасил габаритные огни, и машина растворилась в темноте. Вдвоем они тщательно обыскали русскую. Ничего подозрительного, кроме двух сотовых телефонов, не нашлось. Да и те были отключены еще перед взлетом в Питере. На всякий случай аппараты были спрятаны в отсек для инструментов в багажнике, который был специально оборудован для экранирования любых высокочастотных сигналов.

— Надеюсь, лайтер простит мне сие прегрешение, — двусмысленно ухмыльнулся водитель, нарочито медленно обыскивая эффектную блондинку. — Я готов к более тщательному личному досмотру, лишь бы потом получить индульгенцию.

— Не переусердствуй, брат мой, — охладил его порыв Марк. — Твоя задача — баранку крутить, с остальным я справлюсь.

— Храни, Господи, Святой Орден!.. — полушутя, полусерьезно произнес водитель, но все же отошел в сторону.

Он побаивался собрата, известного в их обществе как флэшер Марк, посвященный на пятую ступень мастерства. Хотя они часто

выполняли оперативные задания вместе, Марк всегда был бесспорным лидером, а его работа была действительно крутить баранку. И это он умел в совершенстве. Лет двадцать назад он сдал свой единственный экзамен, допускающий к работе вне монастыря. По четыре восьмерки на четыре стороны света с закрытыми глазами. Задним ходом. По минуте на каждой из восьми различных марок автомашин. Три брата из Святейшего Совета наблюдали за этим и в десять минут решили его судьбу. Ни одна кегля не упала на внутреннем монастырском дворе, примостившемся в горах, недалеко от миниатюрной Андорры. При этом у водителя отчего-то внезапно разыгралась жуткая головная боль и накатила тошнота, но он выдержал. Когда, пошатываясь, вышел из восьмой машины и снял повязку с глаз, недомогание так же резко прошло, как и появилось.

— Поздравляю, бимер Райт, — сухо поприветствовал его один из троицы экзаменаторов. — Мы довольны.

— Но меня зовут…

На возражения никто не обратил внимания. Так в братстве появился классный «водила», по имени Райт, способный покорять любой представительский лимузин или мощный спортивный автомобиль, стоило ему лишь положить ладонь на рулевое колесо. Как-то он смог уйти от форсированного полицейского «Форда» по горному серпантину в Испании, управляя обычной машиной в наручниках. Правда, ему сделали внушение за то, что он вообще допустил такую ситуацию, но этим все и ограничилось.

Час спустя Райт свернул с шоссе E411 на грунтовку. Неказистая проселочная дорога петляла между холмами, скрывая пункт назначения от любопытных глаз. На самом деле «подушка» под гранитной крошкой была не хуже, чем у шоссе и могла бы выдержать средний танк. Без единого огонька и указателя невзрачная дорога оканчивалась у мощных ворот необитаемого на первый взгляд замка. Когда машина с выключенными фарами и габаритами подкатила к воротам, те бесшумно поднялись, пропуская ее во внутренний дворик. Даже внимательное радионаблюдение в этот момент вряд ли привлекло бы внимание специалиста к потрескиваниям в длинноволновом спектре, воспринимаемым обычно, как технические помехи.

Трое вышли из машины, оставив все двери открытыми, и остановились подле нее, словно ожидая чего-то. Через несколько минут дверь на первом этаже отворилась, освещая дорожку из квадратных каменных плит, ведущую внутрь. Марк помог женщине пройти до двери. За ними следовал водитель.

— Вас ожидают в малом зале, — скупо приветствовал гостей на английском старческий голос слуги.

— Спасибо, Раф, — тихо отозвался Марк.

Он помог эффектной блондинке подняться по широкой мраморной лестнице на второй этаж и провел в небольшой зал, оформленный в средневековом стиле, без излишеств. Двое пожилых мужчин вели неторопливую беседу за чаем. Их столик между двух глубоких кресел был сервирован очень скромно, но, очевидно, это было неглавным.

— Храни, Господи, Святой Орден! — тихо поприветствовал собеседников Марк.

— Храни, Господи, Святой Орден! — прозвучали в ответ два уверенных голоса. — Предложите даме кресло поближе к нам, и пусть она отдохнет с дороги…

Флешер усадил русскую перед собеседниками и удалился, пробормотав приветствие, но его уже никто не слушал. В небольшом зале, освещенной парой свечей, воцарилось напряженное молчание. Блондинка провалилась в глубокий сон, не ощущая ничего. Двое за столиком перед ней казались напряженными.

— Признаться, я не вижу ничего особенного, уважаемый лайтер, — первым нарушил тишину солидный пожилой мужчина, чьи округлые телеса не могла скрыть даже бесформенная белая накидка. — Разве что следы слабого воздействия, оставленные Марком.

— Это поспешный вывод, дорогой Герт, — тихо проговорил его сосед, которого никто никогда не называл по имени, только лайтер. — Сказываются последствия вашего общественного бытия. Отсутствие необходимых тренировок и злоупотребления закрывают информационные каналы, — он помолчал, погруженный в какую-то свою, незримую работу, потом продолжил: — Святейший Совет Ордена сознательно пошел на этот шаг, разрешив Вам публичную жизнь, нарушающую некоторые параграфы бытия Сынов Света, ибо каждому делу себя нужно отдавать полностью. А успехи возглавляемой Вами компании нам хорошо известны, — лайтер опять притих на некоторое время, но потом возобновил разговор: — Собственно говоря, я не случайно попросил Вас посмотреть русскую, чтобы удостовериться в уровне противника. Не обижайтесь, дорогой Герт, но думаю, что не ошибусь, определив Ваш теперешний уровень, как третий… Не возражайте. Нет ничего постоянного в нашем мире. Только труд. Я сплю не более четырех часов в сутки, что позволяет мне выделять время для работы над собой. Не только поддерживать форму, но и развиваться. У Вас другие задачи.

Лайтер взял со стола чайную чашечку изящной работы и

пригубил напиток.

— Если внушить организму, что он находится в пустыне и это последний глоток, удовольствие и эффект от этого глотка будут несравнимо больше, чем от ведра жидкости. Сознание дано разумному человеку, дабы отличаться от верблюда. Энергию, которую нужно было бы потратить на добычу, транспортировку, хранение, употребление, переработку и борьбу с излишками, правильнее использовать для развития своего интеллекта… Извините за нравоучение, но мне больно смотреть на Ваш организм.

Лайтер еще некоторое время рассматривал тонкий узор чашки на просвет огонька свечи и вернул ее на поднос.

— То, что вы заметили только работу Марка, а я кое-что еще, говорит о примерном уровне нашего оппонента. Думаю, никак не выше четвертого… Ничего личного, Герт… У русской есть две тени на временном отрезке более полугода назад. Но туннель неглубокий. Прослеживается прикрытое алое пятно. Скорее всего, смерть не очень близкого человека. Потенциально сильного. А вот яркое зеленое пятно мне пока непонятно. Блондиночку явно сканировали. Есть намеки на работу каменщиков, и это нужно понять. Придется собрать информацию и поработать.

Лайтер мысленно обратился к кому-то, и в дверь робко вошел Марк.

— Брат мой, проанализируйте все контакты русской. Надеюсь, что-то у нее с собой было.

— Два сотовых телефона и записная книжка, уважаемый лайтер.

— Чудесно. Пусть аналитики покапают. Через два часа жду результаты.

Он жестом отпустил флэшера и обратился к толстяку:

— Спасибо за помощь, Герт. Отправляетесь по своим делам. Бизнес — дело серьезное.

— Храни, Господи, Святой Орден!! — с облегчением выдохнул президент крупной торговой компании, принадлежащей Сынам Света.

— Храни, Господи, Святой Орден! — вторил ему лайтер, погружаясь в размышления.

Северная Крепость Ордена находилась километрах в пятнадцати от города Намюр, в старом замке, некогда принадлежащем рыцарю Лаво. В средние века он считался неприступным, так как с трех сторон был защищен притоком реки Маас, а с другой — мощными воротами и высокой стеной. Но со временем река обмелела и ушла в сторону. Остался только красивый пруд, огибающий две угловые башни. Тихое место

вокруг считалось непригодным для земледелия и было заброшено. Местные жители обходили стороной это частное владение, а туристы никогда не появлялись. Редкие гости, которые даже между собой не упоминали о замке Лаво, а говорили о поездке в Намюр, никогда не привлекали внимания окружающих. Замок будто бы и не существовал, находясь почти в центре Европы, рядом со скоростными магистралями.

За два часа лайтер так и не покинул малый зал Северной Крепости. Он то нависал над спящей в кресле блондинкой, делая странные движения руками, то возвращался в кресло. Потом, словно очнувшись от дремоты, тихо произнес:

— Входите, Марк. Присаживайтесь рядом. Нужно подумать… Что удалось найти?

— Первый телефон зарегистрирован в сентябре в России на ее имя, а вот второй два года назад в Каире, на имя Анвара Самамедди. По нашим данным, это человек Фатхи из Александрийской Ложи Каменщиков. Журнал звонков еще до конца не обработан, но думаю, что мы вычислим номер младшего Валороссо.

— Спасибо, Марк. Это нам пригодится… Что скажете о русской?

— Мария Строгова, двадцать шесть лет. Четыре года назад приехала покорять Москву. Замужем не была. Последняя связь с мелким бандитом, бросившим ее в Египте. Собственно, на этом удалось сыграть, чтобы выманить ее на встречу без охраны. Правда, рядом болтались два странных типа. Времени поработать с ними у меня не было, но я попросил их на всякий случай забыть о встрече.

— Все прошло гладко?

— Нет. Уже в аэропорту к ней кинулся навстречу мужчина с хорошей спортивной подготовкой. Психотехникой не владел совсем. Думаю, что это был обычный охранник. Но выяснять то, как он ее выследил, времени не было.

— Сильное воздействие?

— Нет. Я его аккуратненько уронил, обеспечив головную боль до вечера… Пол только помыли. Было скользко.

— Хорошо. А ниточку за ней не потянут?

— Нет. Она зарегистрировалась на рейс до Брюсселя, как Елена Штрауберг. Чуть позже вылетал самолет в сторону ее родного города. У русских на внутренние рейсы за деньги можно проскочить на отлетающий самолет без оформления, так что направление поисков указано правильно.

— Спасибо, Марк, Вы всегда работаете аккуратно.

— Это мой долг перед Орденом, уважаемый лайтер.

— Конечно… А сейчас нам нужно поработать. Посмотрите-ка на эту блондиночку.

Свечи ровно горели в тишине, слегка потрескивая. Двое пожилых мужчин, закрыв глаза, застыли в напряженных позах, чуть подавшись вперед. Чем-то они напоминали охотничьих собак, что, выставив свои носы, пытаются определить направление погони.

— Пятно с зеленым оттенком в ее сознании прикрыто странным образом, — отважился первым нарушить молчание Марк.

— И что Вы нашли странного?

— Такое впечатление, что раннее сканирование делал кто-то из каменщиков. Их знаки. А вот потом кто-то прикрыл, но как-то неаккуратно, что ли.

— Вы правы. Сначала тут побывал кто-то со средним уровнем, но потом поверх прошелся еще кто-то. И этот кто-то хотел, чтобы предыдущий след был виден. Причем второй был тоже не силен.

— Вы правы, уважаемый лайтер. Я так и не понял, что он хотел сделать.

— А что скажете о втором пятне?

— Алое пятно прикрыто просто мастерски! Я бы сказал, нежно. Высший класс! Думаю, блондиночка все помнит, но сильных эмоций не испытывает. Будто прошло лет двадцать вместо нескольких месяцев.

— Тут я с Вами, Марк, полностью согласен. Сделано нежно… И очень сильным мастером. Проблема завуалирована так, что и следов почти не видно. А главное, непонятно, как он это сделал. Почерк просто уникальный. Не припомню ничего подобного.

— Да, с алым пятном поработали изящно. Не сравнить с зеленым. И я не понимаю, почему он его так оставил.

— Скорее всего, его интересовало только алое пятно, — улыбнулся лайтер. — Ас зеленым работал кто-то послабее. Топорно… и позже.

— Если сопоставить Анвара из Александрийской Ложи, оставленные знаки каменщиков и то, что блондиночка была зимой в Египте, вывод очень логичен.

— Я бы сказал, слишком откровенен. Нас просто подталкивают в сторону масонов. И это первая линия рассуждений.

— Если сравнить абсолютно наглую агрессию на флэшера Гийома, оставленные в его сознании черные тоннели такой гигантской глубины, что даже седьмой уровень настоятеля Йозефа оказался бессилен, и явную выгоду клана Валороссо,

вывод тоже логичен. На них работает очень сильный мастер. Именно поэтому они пошли на открытую конфронтацию.

— И это вторая линия, Марк… Кстати, ушебти Гийома так и не нашли?

— К сожалению, нет, уважаемый лайтер. Аналитический отдел по моей просьбе пристально следит за всеми публикациями в России по соответствующей тематике.

— Если за пару месяцев у них в списках погибших от странного психического нервоза не появилась имя той русской…

— Александра Круглова.

— Спасибо, Марк, — лайтер сдержанно кивнул. — Стало быть, мантра ушебти снята.

— Но такого еще не было!

— Вот Вам и третья линия, — лайтер поднял указательный палец. — А все они пересекаются в этой блондиночке.

— Мария Строгова.

— Превосходная память, Марк.

Они помолчали, не торопясь, обдумывая детали.

— И все-таки я не понимаю, уважаемый лайтер, их логики. Если на клан Валороссо работает мастер такого непостижимого уровня… Способного снять мантру ушебти и превратить в животное флэшера пятого уровня, зачем оставлять метки каменщиков? Он мог нас вообще туда не пускать.

— Вспомните нежный след, мой дорогой Марк!

— Хотите сказать, что этот мастер дорожит блондиночкой?

— Именно! Остальное ему не важно.

— Но тогда Валороссо не должен был нам ее так легко отдать.

— А Тони нам и не отдавал ее…

— Не понимаю!

— Он оставил нам ее в виде письма. А мы его получили, дорогой Марк.

— И что же Вы прочли в этом письме, мэтр?

Лайтер улыбнулся этому неформальному обращению, не принятому в Ордене, но ему было приятно, что за ним признается статус учителя.

— Во-первых, то, что на арене появился очень сильный боец. Во-вторых, он играет на стороне Валороссо. А ведь Книга Силы, которой владеет их клан, содержит знания только по физике человека. Это уровень с первой по третью чакру. Никак не Аджначакра! Только Книга Света позволяет работать на уровне третьего глаза. И то, что нам продемонстрировали с флэшером Ги, дает понять об уровне их мастера. Даже если предположить, что из нашей библиотеки была утечка информации, нас все равно

опережают. Это в-третьих. А вот оставленная каирская ниточка мне пока непонятна.

— Но блондиночка-то у нас.

— И это меня настораживает, дорогой Марк… Первоначальный план выйти через нее на мастера, так легко сломавшего флэшера пятой ступени, может обернуться для нас серьезными потерями. Причем в тот момент, когда мы почти готовы к широкомасштабным действиям. Не вовремя. Возможно, Валороссо блефует. С него станется! Нам следует хорошенько все проанализировать. Ошибаться никак нельзя… Но, так или иначе, приманку мы пока оставим у себя. Если мои рассуждения о нежном следе воздействия на блондинку верны, неизвестный мастер скоро тут объявится.

— Вызвать подкрепление?

— Дорогой мой Марк, Вы сильно испугаетесь, увидев двух здоровяков с бейсбольными битами? — тот иронично улыбнулся в ответ. — А четверых? Пятерых… Количество тут не играет роли. Слишком разные уровни.

— Готов пообщаться с каменщиками и храмовниками, метр.

— Смысл в этом, конечно, есть. Предъявить нам нечего, а вот разведать ситуацию стоит. Аккуратно. Учитывая наши давние отношения с масонами и тамплиерами, на любовь надеяться наивно. Впрочем, не мне Вам об этом говорить.

— Обратимся за помощью к магистру?

— Нет, Марк, он в глубоком погружении, работает над переводом последних страниц Книги Света. И это только ему под силу. Мешать никак нельзя… Попробуем решить задачку сами. Прежде всего, нужно понять позицию младшего Валороссо. Поезжайте в Питер, но будьте предельно осмотрительны. Основные вопросы: кто этот мастер, откуда он в России, что его связывает с Валороссо.

— Могу я рассчитывать на бимера Райта?

— К сожалению, он мне понадобится в Италии… И еще, Марк, у Вас не более недели. Надеюсь, в следующий четверг у нас будет что обсудить. Поторопите аналитический отдел в Арле. Мне нужна вся информация, которую они смогут выжать из контактов блондиночки. Попробую сопоставить с тем, что видно в ее сознании. Меня не покидает чувство, что мы столкнулись с новичком. Если бы он осознавал полностью свои возможности, мы бы уже услышали о нем в других точках соприкосновения… Возможно, это только проба пера.

— В сто миллионов евро?

— На карту поставлено гораздо больше, дорогой Марк.

Лайтер замолчал, будто прислушиваясь или вспоминая что-

то. Это манера общения великого инквизитора Ордена была хорошо известна собратьям. И они замирали, отмечая странные ощущения. Будто легкий ветерок касался лица или пробегал по волосам. Не было неприятных ощущений вторжения или его остаточных признаков. Но лайтер всегда был в курсе всех событий и даже намерений собратьев по Ордену. Возможно, поэтому каждый стремился держаться с ним максимально дружелюбно и откровенно. И если лайтер замирал, все окружающие останавливались вместе с ним, словно участвуя в игре «замри-отомри».

— Ну что же, не будем терять времени, — задумчиво произнес лайтер.

— Храни, Господи, Святой Орден!! — Марк вежливо поклонился.

— Храни, Господи, Святой Орден! — тихий голос эхом пронесся по коридорам старинного замка и, казалось, был слышен далеко за пределами Северной Крепости.

Глава VII. Санкт-Петербург

Коттедж, скрытый соснами и декоративным кустарником, выглядел очень одиноко под моросящим дождем. Влажный ветер с залива рвал кусками серую хмарь, нависшую над песчаной косой, далеко выдававшейся в свинцовые волны. Порывы ветра заставляли вздрагивать флюгер, изображающий дракона с огромной разинутой пастью. Правда, дракон был плоским и грозным только со стороны, потому ветер и вертел им как хотел. Прохожих на узких улочках дачного поселка давно не было, а ветру уже надоело барабанить каплями в окна пустых домов, вот он и принялся за флюгер. Иной дракон давно бы захлебнулся, пытаясь напугать дождь и ветер открытой пастью, но этот еще держался, хотя и поскрипывал жалобно.

— Слушай, у них когда-нибудь бывает солнце или оно обходит стороной эту нелепую страну?

— Не кипятись, Нино, мы сами упустили Мари, и винить тут некого.

— Я не могу думать, когда дождь все время стучит в окно, а наверху скрипит несмазанная железяка. Такое впечатление, что в этой стране никому ни до чего нет дела.

— Успокойся, парень. У нас тоже бывают дожди.

— Но не нужно каждый час мыть машину… А тут достаточно проехать пару кварталов, и машина напоминает трактор, проехавший по полю с черноземом… О спагетти я вообще не говорю. Чтобы приготовить настоящую пасту, надо тащиться в единственный магазин. На другом острове! Все, что продают в остальных ларьках, только расцветкой пакетов похоже на спагетти, о том, что внутри, лучше не говорить.

— Зато какие девушки, дружище! — попытался успокоить приятеля Джино.

— И ты так спокойно об этом говоришь? Пресвятая Дева! Что мы скажем Тони! Как мы ему в глаза посмотрим? Да я до конца дней своих не смогу смыть этот позор! Даже под русским дождем.

Тут ты прав… Я сам не могу ничего понять. Ведь были трезвые, как младенцы!

— Вот поэтому и проморгали блондинку.

— Я тебя умоляю, только без этого…

— Ладно. Пошел открывать. Тони приехал.

Сгибаясь не столько под дождем, сколько под взглядом сидящего за рулем красавца, Нино пропустил машину во внутренний дворик и закрыл ворота. Антонио в бешенстве так хлопнул дверью, что темно-синий спортивный «Альфа-Ромео»

взволнованно качнулся на жестких рессорах. Сицилийцы лишь обменялись взглядами, и зашли в дом. Они вместе выросли и часто понимали друг друга без слов. Но сегодня им нужно было не только объясниться, но и крепко подумать.

— Тони, давай я спокойно скажу обо всем, что накопали… Нино, погоди… Сядь!

Крепыш обиженно засопел, но согласился, что так будет лучше.

— В понедельник Мари вызвала Нино к себе в кабинет и попросила без шума ее подстраховать на следующий день. Она хотела встретиться с каким-то старым знакомым. Вот его фото…

Пока Антонио разглядывал отпечаток, Джино продолжил.

— Она не хотела, чтобы охрана была в курсе… Это что-то личное. Мы должны были ждать ее в суши-баре на Тележной после двенадцати. И тут начинаются чудеса.

— Да были мы там! — взорвался Нино, едва не вскочив со стула. — Были! Нутром чую, что были. Пресвятая Дева!

Он что-то хотел добавить еще, но замолчал. Оставшиеся двое не отреагировали на его вспышку, хотя сдерживаться сицилийцам было нелегко.

— В памяти у нас осталось, что мы брали такси… Покататься по городу… И вернулись домой. Все!

Джино махнул рукой с досады и потянулся за сигаретами. К нему присоединились остальные. Выпустив пару колечек, Антонио спросил:

— Когда начали искать?

— Во вторник утром все было, как обычно. Мари ездила по делам, потом отпустила охрану и пошла в косметический салон, вечером звонила в офис, — немного остыв, тихо ответил Нино. — Сказала, что поедет домой. Срочно… В среду утром секретарша позвонила в этот…

— Лопатинск, — подсказал Джино.

— Да. Но там никто ничего не слышал… В обед объявился охранник Мари, и все рассказал.

— Это я уже знаю, — Антонио нарочито медленно затушил сигарету. — Давайте-ка я на вас посмотрю.

— Да мы… — попытался возразить Нино, но сник под холодным взглядом Антонио, который, выставив открытую ладонь перед его лицом, медленно проговорил:

— Все хорошо, брат. Доверься мне. Разве у вас есть кто-то ближе, чем я. Садись рядом с Джино… Вот и хорошо… Было столько волнений за эти три дня. Нужно расслабиться и отдохнуть. Помнишь, как мы в детстве загорали на диком пляже за Эриче. Там никого, кроме нас, не было. И здесь никого нет.

Закрой глаза и поспи…

Антонио по-хозяйски усадил обоих поудобнее на диванчике и ввел в транс. Иногда иголки сомнений напоминали, вправе ли он так обращаться с друзьями детства. Их становится все меньше. Чико с ними больше нет, а Бенито хотя и остался жив, но теперь может только присматривать за домом в Трапани. Подрастает Романо, и есть надежда, что Марио и Бруно скоро вернутся в строй. Вот и все друзья, других больше не будет. Остальные только бойцы и члены клана Валороссо. Их не так мало в Италии и других странах, но тех, с кем он вырос и считал своими братьями, больше нет.

— Все будет хорошо, — успокоил себя Антонио и углубился в анализ.

Еще подростком Джузи познакомил его с основами психотехники, и он опробовал ее на своих друзьях. У него получалось легко. Сначала это были забавы на уровне фокуса, но позже Тони осознал, какое оружие существует, помимо стилета и «Береты» 38 калибра. Подглядывая за мыслями своих сверстников, а потом — и взрослых, он разочаровался в людях до такой степени, что отказывался развиваться в этом направлении. Возможно, будь у него достойные соперники или учителя, он достиг бы большего, но самостоятельно копаться в предсказуемых желаниях и тривиальных радостях, которые окружающие наивно скрывали от него только под прической, было скучно.

Джузи все свое время посвящал делам клана Валороссо, а родители Тони погибли. Подросток часто был предоставлен сам себе, и развивался самостоятельно. Спортивные школы и центры боевиков занимали основу подготовки в братстве Силы. В горах Сицилии у них была библиотека, где несколько лингвистов работали с полученными от предков текстами, но это не было главным делом тайного общества. Постоянные силовые акции и другие реальные формы внушения на подконтрольной территории были основной работой. Однако Тони понимал, что время силовиков уходит. Над мастерами рукопашного боя и снайперами стали одерживать верх интеллектуалы других тайных организаций. Пока их было немного, но то, что они демонстрировали, поражало.

Глубоких знаний и целостной методики по отбору кандидатов и развитию психотехники в братстве Силы не было. Тони лишь удалось убедить Джузи в необходимости таких исследований, и он получил доступ к собранным текстам, переведенным и полученным из других источников. Небольшая группа специалистов пыталась хотя бы систематизировать знания, о реальном применении речь не шла. Только благодаря своему

природному дару, младший Валороссо смог кое-что освоить из накопленных знаний.

Эти мысли почти не отвлекали Тони от работы по сканированию сознания спящих Нино и Джино. Он проделывал это неоднократно и знал многие «закоулки» каждого. Все, как обычно, но вот один странный след его насторожил. Это было похоже на смазанное впечатление от мелкой досады. Тони, возможно, и не обратил бы на эту тень внимания, если бы она не повторилась у обоих. А это было следом от вмешательства. Работал кто-то явно сильнее него. Такое локальное воздействие мог провести только мастер высокой ступени. У обоих ребят ювелирно точно атакован мотивационный центр и закрыт глубоким черным тоннелем небольшой временной отрезок. Сверху все закрыто тоненькой тенью разочарования с коричневым оттенком. На первый взгляд, что-то не понравилось человеку, и он передумал. Сплошь и рядом такое происходит.

В нормальном состоянии мы и не замечаем, что постоянно сравниваем несколько вариантов возможного развития событий на ближайшее время и отказываемся от менее выгодных ради более привлекательных. Это моторика крутится на подсознательном уровне и потом помечается в памяти, как ненужная. Таких отработанных вариантов за жизнь у человека накапливается очень много. Только уникумы с так называемой «мусорной памятью» могут без труда это вспомнить или те, кто находится в руках умелого гипнотизера. Для остальных эти события недоступны. Так устроен механизм оптимизации работы с памятью у нормального человека. В противном случае ему пришлось бы перебирать слишком много ненужных событий.

Антонио внимательно сравнивал тени с коричневым оттенком. Они были абсолютно одинаковы. В нормальной ситуации у двух человек с разным темпераментом и разной психикой не могло возникнуть полностью идентичной отрицательной реакции на одно событие. Даже если бы у них были одинаковые ярко выраженные цели, все равно оттенки коричневого, которыми помечаются отброшенные варианты, выглядели бы чуть иначе. Вывод прост: их заставили сделать такой выбор. Это раз. А еще то, что у обоих заблокированы одинаковые отрезки временной памяти, да еще так глубоко, что он не в состоянии пройти через такой тоннель. Это два. Стало быть, Нино и Джино были в том злосчастном суши-баре и видели того мастера, но вот заставить их вспомнить это Антонио не может. Неизвестный намного сильнее. Об этом говорит тот факт, что он одновременно и одинаково справился с обоими ребятами. Запас по мощности и точности был столь велик, что атака была

выполнена ювелирно. Они даже ничего не почувствовали.

Тони вспомнил, с каким восторгом он наблюдал в детстве за работой старого мастера Тай Чи. Китаец был абсолютно раскован и укладывал своих противников играючи. Ни вес, ни реакция, ни боевой арсенал соперников не играли никакой роли в поединке для мастера. Совершенно безошибочно он выбирал момент контратаки и всегда опережал. Позже, еще и еще раз просматривая видеозапись этой великолепной демонстрации превосходства мастера Тай Чи над остальными школами боевых искусств, Тони сделал для себя открытие. Китаец не наносил физического удара своим соперникам— он только обозначал его. Глубокое воздействие на нервные центры противника оказывало что-то иное. Невидимая энергия выплескивалась из ладони мастера и действовала наповал. А за счет того, что старик не притормаживал, концентрируясь для удара, он был все время быстрее своих молодых соперников. Это настолько заворожило Тони, что он упросил Джузи послать его на обучение к этому мастеру.

Через год он достиг определенных результатов, но секретов работы с энергией ему так и не открыли. По неписаному закону закрытой школы тайные знания всегда передавались только членам семьи. То, что американцы часто показывают в своих боевиках, как мастер из Китая или Японии упорно тренирует чужака, открывая все секреты из любви к Америке, оказалось полнейшим вздором. Даже взяв в жены дочь мастера, этого не добиться, только рожденному и воспитанному в семье с малолетства вкладываются тайные знания. Да и то только тем ее представителям, кто в детстве прошел суровые тесты. Для остальных есть обычная техника, ее открыто преподают в школах по всему свету.

Позже он кое-что нашел в переведенных текстах Первой Книги об энергетическом воздействии на человека. И ему стало понятно, почему противники не просто падали от невидимых ударов мастера, а даже отскакивали. Ведь когда тело с размаха налетает на стенку, оно не отскакивает, как мячик, а у старика было именно так. Особенно эффектны были приемы, когда вдвое превосходящий по массе атакующий не падал безвольно, потеряв сознание от мощного удара в голову, а отлетал на пару метров. Для этого нужно было бы сначала остановить несущегося в атаке бойца в центнер-полтора весом, а потом придать соответствующее ускорение в обратном направлении. Такой мощности удара тщедушный старик развивать никак не мог. Значит, он умел передавать в нужный нервный центр такой импульс, который формировал соответствующую мышечную реакцию у

нападающего. Теоретически это было понятно, но, как формировать такой энергетический удар, оставалось тайной. Возможно, основатели этой школы получили какие-то знания из переведенных текстов Книги, возможно, сами дошли до этого. Так или иначе, они владели уникальными знаниями и десятилетиями оттачивали свою технику. Тони понял, что у него нет на это ни знаний, ни времени. Однако слова старого китайца он запомнил на всю жизнь: «Кто владеет своей Тай Чи, владеет своей судьбой. Кто владеет чужой Тай Чи, владеет миром».

К своему удивлению, Антонио однажды прочел фразу в переведенных текстах, которая низвергла мастерство китайца в его глазах. Ее смысл был предельно прост. Воздействие на уровне Тай Чи считалось низшим, поскольку требовало минимального расстояния до объекта и относилось только к некоему виду рукопашного боя. Книга Силы представляла иерархию различных систем воздействия на человека в виде пирамиды. Система Тай Чи располагалась в основании этой пирамиды и требовала огромных затрат времени и сил, для того чтобы стать мастером. Да и то была подвластна немногим. Тогда он понял, как много ему неизвестно, насколько могущественны скрытые в Книге знания и как сильны мастера, работающие на более высоких уровнях пирамиды систем воздействия.

Прошли годы, пока Тони увидел их следы. Не самого мастера, не его поединок, а только результат. Унаследовав вместо своего отца высокое место в иерархии клана Валороссо, он очень рано был допущен к оперативной информации. Не участвуя в стычках, а только анализируя их, Тони с удивлением обнаружил явную утечку секретных данных их клана. Уговорив Джузи на пару хитроумных ловушек, он легко это доказал. Оказалось, что авторитетные люди из братства Силы стали предателями, но более странным было то, что даже под пытками они не сознавались. Тогда Тони придумал ловушку с использованием скрытых видеокамер и получил подтверждение своим догадкам. Неизвестный мастер легко вводил в транс свою жертву, получал нужную информацию, а потом заставлял жертву как-то забыть об этом. Затем удалось заснять сцену, как двое их бойцов перестреляли друг в присутствии незнакомца. Только беспристрастная техника фиксировала подобное, участвовавшие при этом люди ничего не помнили. Приходил ли или уходил кто-то в тот день, никто не помнил. Тони находил следы неизвестного мастера, потому что знал, что искать. Видеомагнитофон беспристрастно фиксировал, как неизвестный преодолевал два кольца охраны и легко заходил в кабинет к одному из руководителей. Там он беседовал с хозяином кабинета пару

минут, и затем так же легко выходил из дома на глазах у охраны. Никто не преследовал гостя и даже не помнил о его визите, но на следующий день тот, кого посетил незнакомец, неожиданно для всех стрелялся из собственного пистолета, когда ему принесли почту.

Тони тогда был еще юнцом и не имел влияния в клане, но дед поддержал его. В строжайшей тайне молодому Валороссо разрешили действовать самостоятельно и выделили для этого настоящих бойцов и средства. Ему удалось получить некоторые копии переведенных текстов Второй Книги. Тони уже знал, что ищет. Когда он держал в руках уникальные документы, ему становилось не по себе не столько от того, что ему удалось прочесть, а от того, что и другим кланам и спецслужбам такая информация тоже могла попасть в руки. Начиналась новая эра тайных войн. Снайперы и современные мастера ниндзюцу уступали место интеллектуалам. Конечно, уникальных детей, обладающих необходимыми способностями, нужно было искать среди миллионов, а потом готовить по определенной методике, прежде чем получить мастера. Но кто-то об этом давно знал и сильно опережал всех остальных.

Антонио мягко вывел своих друзей из гипнотического сна, дав установку на хорошее настроение и то, что никакого сна не было. Разговор возобновился, будто его и не прерывали.

— А этот русский охранник… — вскинулся Нино.

— Николай, — подсказал Джино.

— Точно… Так он наблюдал из своей машины у того суши-бара минут двадцать и видел, как Мари села в такси с каким-то человеком. Они поехали в аэропорт. Там Николай хотел остановить Мари, но поскользнулся и ударился головой.

— Нино, ты часто падаешь на ровном месте? — прищурившись, спросил Тони. — Причем так, чтобы сильно удариться головой?

— Нет, но там было скользко…

— Я хочу поговорить с этим русским. Сдается мне, что он не хуже тебя держится на ногах… Я сейчас позвоню к ним в офис и договорюсь, чтобы его отпустили с вами. Привезете сюда.

— Нет проблем.

— Или вам нужна охрана…

Трое моментально вскочили и принялись в шутку молотить друг друга руками и ногами. Удары были хлесткими, но в нужный момент четко тормозили, не нанося вреда. Изредка они шлепали подъемом стопы или всей плоскостью сжатого кулака в незащищенные места, аккуратно обозначая брешь в защите, но не проникая глубоко. Так продолжалось несколько минут, пока Нино

не задел настольную лампу. Все замерли, как по команде, и Тони успел поймать ее на лету.

— Теряешь форму, дружок, — он поставил лампу на место. — Ладно, поезжайте без охраны.

Дождь с завидным упорством стучался в окна. Будто отмыв их, он стремился прорваться в комнату и навести порядок там. Антонио усмехнулся этой мысли, сравнивая дождь с собой. Ему тоже следовало бы разобраться со своими делами и постараться все разложить по полочкам. Он прошел на кухню поздороваться с Ческо и попросил его приготовить ужин на четверых, а ему — кофе. В доме было тихо, только поскрипывал на крыше флюгер. Вот так и мы стараемся держаться по ветру, даже если скрипим от натуги. Впрочем, ему-то скрипеть еще рано. Тридцать два — самое время для мужчины. Скоро он достигнет возраста Христа, а что успел сделать? Своих слонов, как Ганнибал, он еще не перевел через Альпы. Ему еще только предстоит их найти. Вернее, он их сам и не сможет отыскать, он в состоянии только придумать, как это сделают другие. Для него.

Ческо принес кофе и сигары.

Этот молчаливый, даже замкнутый мужчина часто сопровождал Антонио в поездках. Был надежным в деле, верным товарищем, неназойливым в общении, а готовил просто превосходно. Видя, как часто в братстве Силы погибают близкие, Ческо не стал заводить семью. Он был старше Тони и выплеснул свою невостребованную любовь в виде молчаливой привязанности на Антонио после того, как малыш потерял родителей. Молчаливый мужчина многое знал и умел, но никогда не бравировал этим, а главное, Тони был уверен, что, если потребуется, Ческо отдаст за него свою жизнь, не задумываясь. Легко, как готовил этот кофе.

А кофе был приготовлен по любимому рецепту Антонио. С пряностями. Потомив турку несколько минут в горячем песке. Это был аромат дома. Старого дома на центральной площади в Трапани. Их предки привезли этот рецепт из Северной Африки, и он стал фамильной традицией. В своих частых поездках Тони любил предаваться короткому отдыху именно с чашкой кофе. Уютно устроившись в глубоком кресле, он поставил чашечку на широкий подлокотник и закурил. Нужно было все, не торопясь, взвесить. Ставки в начатой игре были велики.

Сегодня утром он получил мультимедийное сообщение на свой сотовый телефон. Это была фотография Мари. Блондинка сидела в непринужденной позе, но взгляд был неосознанным. Она явно была под контролем. Получить данные на владельца сотового телефона, с которого было отправлено сообщение, не

составило бы труда. Но Антонио даже не стал наводить справок. Было ясно, что этот номер ему открыли для переговоров, а информация о человеке будет явной «липой» и заведет в тупик.

Можно определить местоположение телефонного аппарата абонента при разговоре с точностью до метра и послать туда группу захвата, но она обнаружит только спрятанный телефон и подключенное к нему радиопередающее устройство. По зашифрованному радиоканалу передача может проводиться откуда угодно. Стоимость оборудования составляет несколько сотен евро, и этим можно пожертвовать. Тони сам иногда прибегал к таким фокусам… Ну что же, у них есть заложник, и они готовы к переговорам. Невидимый маятник качнулся. То уходя в сторону, то приближаясь к решению, он начал свои колебания. Теперь нужен точный расчет, чтобы пересекать плоскость его движения в безопасные моменты времени.

Николай с готовностью согласился поехать в коттедж на песчаной косе, когда понял, что речь идет о спасении Маши. Он не мог объяснить ни себе, ни руководству, как в самый ответственный момент так нелепо упал и провалялся с жуткой головной болью до утра. Впрочем, это не заинтересовало заказчика: он заплатил хорошие деньги и теперь спрашивал о результате. Сицилиец равнодушно выслушал рассказ о событиях злосчастного вторника и попросил сосредоточиться на человеке, сопровождавшем Марию в аэропорт, но из этого ничего не получилось. Тогда Антонио плавно перевел разговор на личность самого охранника, где он вырос, учился, проходил службу, чем увлекается… Незаметно безобидные вопросы превратились в мягкие приказы, но охранник на них не реагировал. Через пару минут стало ясно, что Николай обладает достаточно высоким барьером сопротивляемости для обычного гипноза.

Отослав Нино и Джино на кухню в помощь Ческо, Антонио решился на откровенный разговор с Николаем. Благо сицилиец владел русским языком в совершенстве.

— Надеюсь, не нужно объяснять, что Ваше падение на ровном полу в зале вылета Пулково не было случайным, — без лишних слов начал Тони.

— Признаться, я об этом все время думаю и не нахожу объяснений, — Николай замялся. — Не против, если перейдем на «ты»? Так будет проще.

— Конечно.

— Подозрение на то, что было какое-то воздействие, у меня осталось. Но писать в рапорте об этом я не стал. Подумают, что пытаюсь свалить ответственность за свою ошибку на несуществующего противника.

— Вот тут, пожалуйста, поподробнее.

— Никаких конкретных зацепок нет… Только интуиция.

— И что же подсказывает интуиция?

— Очень не нравится мне этот человек.

— Который был с Мари?

— Да. Какой-то он скользкий… Я бы даже сказал «живой». Изворачивается.

— Что ты имеешь в виду?

— Без ложной скромности скажу, что у меня отличная зрительная память, а тут ничего не могу припомнить.

— Интересно, — Антонио лукаво взглянул на Николая. — Какой здесь номер дома?

— Восемьдесят три.

— Что можешь сказать о машине, которая стояла во дворе, когда вы приехали?

— Темно-синяя. «Альфа-Ромео». Модель не знаю. Две двери. Спортивная. — Николай прикрыл глаза и продолжил: — Шины «Мишлен». Новые. Задний бампер справа поцарапан. На лобовом стекле перед пассажиром щербинка от камушка.

— Достаточно. Верю. Память действительно превосходная.

— А вот этого человека никак не могу ухватить. Я ведь его дважды видел. Крутится в памяти, а вспомнить не могу.

— В психотехнике это называется блокировка.

— Читал, — Николай с интересом посмотрел на сицилийца.

— У нас инструктор рукопашного боя в военном училище был. Кореец. Виртуозно работал в паре с закрытыми глазами. Иногда он показывал фокусы с гипнозом. Я оказался единственным в роте, кто ему не поддавался. Он дал мне кое-что почитать. Занимался, если время было.

— А меня почувствовал? — с интересом спросил Антонио.

— Когда я тебя расспрашивать стал?

— Почувствовал, но смог перестроиться на свою задачку. Так проще уйти от чужих мыслей… Если кто-то пытается навязаться.

— И часто навязываются?

— В метро бывает, — охранник говорил не расслабляясь, словно ожидая атаки. — Придавят со всех сторон. Душно. Колеса монотонно стучат на низкой частоте. Покачивает в такт. Народ быстро «отрубается», и тут обязательно кто-нибудь прицепится.

— Интересно. Почти не езжу в метро… И кто же цепляется?

— По-разному — Николай улыбнулся. — Вот был забавный случай с воришкой… Чувствую, кто-то ласково так меня обхаживает. Захотелось глазки закрыть, о море помечтать, девчонку на пляже нескромную представить. Даже шум прибоя услышал… Ну, я сделал мечтательное лицо, а сам в «засаду сел».

Кореец показал упражнение «тигр следит из зарослей тростника». Это когда всю кожу стараешься превратить в глаза. Не у всех получается, да и зоны чувствительности разные… В метро жарко, все дубленки и курточки расстегивают. Я тогда едва заметил, как чужая рука во внутренний карман моего пиджака скользнула. Прихватил запястье, а тут визг: «Как Вам не стыдно к женщине приставать». Смотрю, а это старушка. Несчастная такая, одета кое-как. Ни за что не подумаешь. Щипач высшего класса!

— Забавно. И как она выглядела?

— Абсолютно бесцветное лицо. Да и возраст какой-то неопределенный, но глаза…

— Какие?

— Пронзительные! Как она глянула на меня… В упор… Присесть захотелось. А у меня второй дан по тайквондо.

— Ох, эти русские женщины, — покачал головой Антонио.

А тот человек в аэропорту?

— Не могу вспомнить. Причем не только лицо! Он весь какое-то черное пятно в памяти.

— А камеры видеонаблюдения за вторник?

— Ездил я в Пулково с письмом от фирмы. Пересмотрели архив за все время, когда они могли бы попасть в запись. На входе и в общем зале очень мелко. Лица не разобрать. А у стойки регистрации запись случайно оказалось стерта.

— Хорошо работают…

— Думаете, похищение с целью выкупа? Но как они ее контролировали? Мария Михайловна — женщина с характером. Впрочем, не мне Вам… тебе об этом говорить.

— Ты прав, Николя. Мари не так просто запугать. Думаю, ты уже догадался, что и она, и ты находились под воздействием мастера.

— Гипноз?

— Нет. Для гипноза нужен вербальный или визуальный контакт. Спокойная обстановка. Монотонное движение. А главное предрасположенность объекта к воздействию, его явное согласие или дремучее невежество, помноженное на любопытство. Без обоюдного желания гипноз не работает.

— Что же это было?

— Если я скажу «морфоз», название тебе ничего не даст. Просто поверь, что в психотехнике есть несколько уровней воздействия на разные функции как мозга, так и других органов и нервной системы. То, что закрыто даже для самого человека, может управляться извне. Вопрос только в глубоком знании объекта и умении тонко на него воздействовать. Вот тебе простой пример. Ты знаешь, как работает нервная система?

— Импульсы передаются от периферии по нервным волокнам в мозг и обратно.

— А как они передаются?

— Как-то…

— Волокна имеют длину от миллиметров до десятка сантиметров. Соединяются между собой биологическим разъемом. Как электрические кабели. Одно волокно входит в другое. Причем важен не только размер, форма, соприкосновение, но и давление между волокнами в точке контакта. Отклонение в обе стороны губит нервный импульс. Другое важное условие для передачи сигнала — жидкость в разъеме. Это своего рода проводник. Действие всех обезболивающих препаратов заключено в изменении химического состава жидкости в биологическом разъеме. Он перестает на время быть проводником. Причем в обе стороны. Более избирательное воздействие оказывает наркотик. Он может не только изменять проводимость, но и влиять на форму пропускаемого сигнала, работая как фильтр. Поэтому у наркомана обычный информационный фон от окружающих событий, передается через такой фильтр искаженным и неверно интерпретируется мозгом, превращаясь в реальных монстров. Они их на самом деле видят и слышат. Могут потрогать.

— Это ты к чему?

— К тому, что если знать, как работает система, можно научиться на нее влиять.

— Интересно, и как же на нее влияют?

— Мастера кун-фу физически воздействуют на нервные центры, где находятся биологические разъемы различных нервных волокон. Даже легкое касание подушечкой пальцев или одной фалангой на время выводит из строя разъем, парализуя конечность или внутренний орган. Если нервный центр прикрыт мышцами, удар должен быть сильнее. Настоящему мастеру кунфу достаточно одного взгляда на противника, чтобы вычислить биологические циклы его внутренних органов и определить их максимальную уязвимость. Ювелирного удара в нужный разъем хватит, чтобы запустить механизм «отсроченной смерти». Травмировав нервный узел так, чтобы он стал пропускать меньше импульсов в определенный промежуток времени, а затем и полностью заблокировался, вызвав паралич какого-то органа или даже сердца… Технике более четырех тысяч лет, но школы, практикующие ее, засекречены и сейчас.

— Я слышал об этом…

— А мастера Тай Чи? Они не используют даже физический удар. Для атаки применяется бесконтактное воздействие на нервный узел. Вместо грубой силы мастер формирует

специальный энергетический импульс, имеющий такую форму и амплитуду, чтобы мышечный аппарат жертвы выполнил то, что хочет атакующий. Но не жертва… Это власть, правда в непосредственной близости. Следующие уровни обладают более эффективным воздействием на человека.

— Кто ты, Тони? — удивленно протянул Николай. — Я не первый год работаю в разных стилях боевых искусств, но так четко и коротко мне никто не формулировал…

— Это неважно. Я хочу лишь одного: чтобы ты поверил мне. Я знаю, кто так легко положил тебя на пол в аэропорту. На расстоянии десяти метров. И стер твою память, чтобы ты никогда не вспомнил его лицо.

— Не понимаю, зачем.

— Есть маленькая надежда на то, что он не заметил тебя у суши-бара и его воздействие на ту часть твоей памяти, которая хранит его образ, когда он садился в такси, прикрыта только для тебя.

— То есть?

— Проанализируй, как работал стоящий против тебя мастер. Ты помнишь все, что случилось в аэропорту?

— Конечно.

— У тебя и тени сомнения нет. Вот только лицо незнакомца… В памяти все отчетливо и ясно, и только маленький провал. — Да…

— Это и есть мастерство, Николя! Десятки человек были рядом, они ничего не увидели, а ты ничего не почувствовал. А атака была. И сто процентов удачная. Думаю, что никакие ваши психологи с их наркотиками не заставят тебя вспомнить того человека. С их помощью ты сможешь в деталях описать одежду всех присутствующих тогда в зале вплоть до шнурков на ботинках, а вот о нем ничего не скажешь.

— Похоже на правду.

— У нас есть маленький шанс, — Антонио присел на корточки перед Николаем и запустил функцию диктофона в сотовом телефоне. — Давай вспомним, что было около суши-бара. Сосредоточься и максимально подробно прокомментируй. Все, что помнишь…

Когда охранник закончил рассказ и открыл глаза, вид у сицилийца был удрученный.

— Жаль. В нормальном состоянии ты ничего о нем не помнишь… Теперь доверься мне. Вернее, помоги мне ввести тебя в транс. Я сниму защиту и посмотрю память за вторник. Даю слово чести, что никаких установок на подчинение делать не буду.

— Хорошо, — после некоторых колебаний согласился Николай.

Около получаса сицилиец работал с русским, но потом сдался.

— Ну что? — не скрывая любопытства, спросил охранник, едва вышел из транса.

— Он намного сильнее. Я смог только увидеть некоторые следы. Не более… Ювелирные, точечные удары. Неслучайно ты не помнишь не только его образ или номер такси, но и марку машины. Такси и все.

— Да.

— Думаю, что и официант его не вспомнит. Был кто-то. Кофе пил. Счет оплатил. Уверен, незнакомец даже чашку не трогал. Хотя посуду с тех пор много раз перемыли. А если и была в баре видеокамера, на записи его нет.

— Я уже проверял, — горько усмехнулся Николай. — У них одна видеокамера. Над кассой висит. Хозяина интересуют только деньги. А в меню есть строчка: «Наблюдение за посетителями в зале не ведется, мы следим только за уютом».

Глава VIII. Флоренция

— О, Деми, как это замечательно, — лицо Биатрис просияло, и она всплеснула руками. — Ты сможешь на недельку взять отпуск, и мы… — Промелькнувшая мысль заставила ее замереть, и она медленно произнесла: — Ты не обманываешь?

— Ну что ты, дорогая! — грек поспешил к ней, глядя прямо в глаза. — Я уже заказал два билета на самолет. Около восьми прилетаем во Флоренцию. Думаю, с гостиницей проблем не будет. Туристический сезон закончился…

— Никаких гостиниц! — вскинулась Би. — У меня же брат и две племянницы во Флоренции. На несколько дней мы всегда можем остановиться. Я сейчас позвоню… или ты думаешь, что это неудобно?

— А как ты меня представишь?

— Демис… Демис Полеопуло, мой старый друг.

— Этого достаточно?

— Вполне. Мы могли бы приехать так и тридцать лет назад, — Би растерянно начала что-то поправлять на столе перед ней.

— В любое время.

— Ты хочешь сказать, что они нас ждут с тех самых пор… Это просто непростительно. Летим немедленно!

— Если честно, они тогда были еще малышками, но это нетактично с твоей стороны напоминать мне о возрасте, — она наивно посмотрела на своего кавалера чуть исподлобья, как это делают маленькие дети, будучи уверены в результате. — Ты не шутишь?

— Вот только не знаю, как быть с твоим Мальчиком, — Демис сделал вид, что не расслышал ее вопроса. — Во всех авиакомпаниях строгие правила насчет животных. Требуют всякие справки о прививках…

— Я поговорю с Даниэль, — Би прижала ладони к груди.

— Надеюсь, она не откажет приютить Мальчика на недельку… А, кстати, сколько нам потребуется времени, чтобы съездить к…

— Джузеппе, — подсказал грек. — Я нашел в Интернете список студентов Флорентийского университета. В тридцать девятом — сороковом году на факультете изобразительного искусства было только два студента с таким именем. Художник и скульптор. — Джузи был художником. Я точно помню мамины рассказы.

— Я разговаривал по телефону с архивариусом, — голос

Демиса стал сладковато вежливым. — Она сказала, что данные можно отыскать, но для запроса нужна справка от муниципалитета. Иначе они не могут.

— Это не проблема. Я уроженка Флоренции, да и брат занимает видное место в торговой палате. У нас в Италии, конечно, бюрократов больше, чем в любой другой стране, но за пару дней мы такие справки получим. Позвоним родственникам, поговорим со знакомыми… Это же святое дело!

Уже стемнело, когда небольшой «А-318» подлетал к аэропорту в Сесто, что в двадцати километрах от Флоренции. Родина могущественной некогда династии Медичи была залита разноцветными огнями, заставляя тех, кто сидел в крайних рядах салона, припасть к иллюминаторам. Самолет мягко приземлился и подкатил к терминалу. Встречающих было немного, и Биатрис сразу услышала свое имя. Щуря подслеповатые глаза, она так и не увидела плотного мужчину в солидном костюме, но помахала рукой в ответ. Зато звонкие голоса двух молодых женщин быстро помогли ей отыскать племянниц. После радостных объятий и поцелуев Биатрис представила родственникам своего спутника.

— Знакомьтесь. Мой старый друг Демис Полеопуло. Он хорошо говорит по-английски, так что давайте в его присутствии говорить на языке Шекспира… А это мой младший брат Фабио и племянницы Селен и Симона.

Пока все обменялись приветствиями и поцелуями, Би растроганно наблюдала за греком. Как же он был элегантен и торжественен! Боже, как он подходил к ней и ее семье. Будто и не было этих тридцати двух лет разлуки. Будто она все еще была молода и красива! Самое время думать о замужестве.

Из аэропорта ехали домой на солидном лимузине Фабио. Он посадил Демиса рядом с собой на переднее сидение и расспрашивал о делах, а Биатрис отбивалась от нескромных вопросов племянниц позади. Симона была на год старше сестры и вышла замуж за очень состоятельного бизнесмена. Сегодня он в Турине, так что ужин пройдет в узком семейном кругу. Места в доме для гостей достаточно. Вот только как их разместить — в одной спальне? Биатрис махнула рукой — лучше две рядом, в нашем возрасте это не так важно.

Ночная Флоренция была потрясающе красива. Огни словно стекались с холмов, на которых был расположен город, к реке Арно, делящей его на две неравные части. Несколько мостов соединяли берега, но более всех был украшен огнями двухэтажный «золотой мост» — мост Веккио. Два его пролета изобиловали ювелирными лавками и антикварными магазинчиками, а центральный, прямо над серединой Арно,

всегда был заполнен туристами. Они подолгу любовались медленным течением реки и яркими огнями набережной. Издалека был виден купол Дуомского собора, башня с часами на площади Синьории, строгая колокольня Джотто и эффектно подсвеченные снизу вензеля, окружающие шестиконечную звезду на белоснежном портике базилики Санта-Кроче.

— Боже мой, как давно я не была здесь, — восторженно прошептала Биатрис. — Это так трогательно — увидеть город своей юности. Несмотря на огромную разницу в возрасте, он мне все равно кажется ровесником. Мы росли вместе, — она обратилась к Демису: — А ты был во Флоренции раньше? Никогда-никогда? В таком случае мы обязательно выберем время и погуляем по городу. Но сначала пойдем оформлять эту несчастную справку. Завтра же утром.

— Не беспокойся, Би, — авторитетно вмешался Фабио. — После твоего звонка я кое с кем переговорил. Тебя ждут в отделе регистрации в одиннадцать двадцать.

— Спасибо, Фа, ты, как всегда, любезен.

— Сам я буду с утра занят, может быть, девочки возьмутся вас сопровождать.

— Нет-нет, мы никого не будем обременять. Дорогу я еще не забыла.

— Я подброшу вас на машине в центр, — предложила Симона. — Будут проблемы— звоните мне на сотовый.

— Спасибо, милая, — Биатрис дружески положила ей руку на колено. — Когда-то ты была малышкой, а теперь вот своих трое, но все такая же непоседа.

— Представляете, Демис, — Симона обратилась к гостю, — вдвоем с Селеной уговариваем Би переехать к нам. Мы с сестрой выросли у нее на руках и знаем, что лучшей воспитательницы для своих детишек нам не найти. Согласны на любые условия… Может, Вы на нее повлияете?

— Я уже согласен! — тут же нашелся грек. — У таких очаровательных сестер не может быть плохих малышей… Заодно кто-нибудь присмотрит и за мной.

Все рассмеялись, оценив юмор и находчивость кавалера тетки.

— Ну, не такие уж они и малыши, — вмешалась Биатрис.

Адриана пошла в третий класс.

— Би, мы же не говорим о памперсах и протертых кашках, — подхватила Селена. — Для этого есть нянечки, детям нужно общение, а мы все время заняты. Я до сих пор вспоминаю наши с тобой беседы. Ты сама увидишь, какой умницей стала Мириам…

— Да, малышка Ми у нас просто мыслитель, — подтвердил

Фабио. — Она задает такие вопросы, что если бы ей было не пять, а пятьдесят, я бы выдвинул ее в наш торговый совет.

— Демис, а у вас есть внуки? — неожиданно спросила Симона.

— Увы, у меня даже нет детей, — развел руками потомок эллинов. — И ни одна женщина не согласилась взять меня в мужья…

— Почему? — на разные голоса, но с одинаковым любопытством прозвучал хор.

— Я очень люблю сладкое и объедаю не только малышей.

Гость явно всем понравился. Не капризный и с очень мягким юмором. Так легко держался с абсолютно незнакомыми людьми, что казался их давним приятелем. Фабио решил про себя, что нужно будет как-нибудь сходить с Демисом вдвоем в ресторан и познакомиться поближе, а сестры лукаво переглянулись, намекая, что такого родственника им обоим хотелось бы заполучить. И только Биатрис не мечтала ни с кем делиться. Он принадлежал только ей. Пусть она не знает, как долго это продлится, но сейчас Деми вновь обрел ореол греческого полубога. Как и тридцать два года назад, он был самым остроумным, деликатным и милым.

— Ты не сильно скучал, Деми? — Биатрис подсела к греку за столик небольшого кафе на площади. — Или заглядывался на молоденьких девушек?

— Это не я, — он в шутку изобразил испуг на строгом худощавом лице. — Они сами приставали!

— К тебе еще пристают хорошенькие девушки?

— Да просто приходится отбиваться!

— Неужели?

— Спрашивают, не тот ли я Арнольфо, который построил этот дворец.

— Ну, это было в тринадцатом веке.

— Выходит, я соврал, — смутился потомок эллинов.

— А ты сказал, что…

— Ну, да. Я даже автографы им дал… Скромно так… Арнольфо и все.

— Деми, ты неисправимый лгунишка, — звонко рассмеялась Биатрис. — Впрочем и дворец, и площадь Сеньории построил именно архитектор Арнольфо… Но откуда тебе это известно?

— Так написано, — он кивнул на путеводитель, лежащий рядом с чашкой кофе. — Слушай, а почему дворец Сеньории? Это в честь какой-то красивой сеньоры?

— Придется тебя разочаровать, дорогой, — Би покачала головой, все еще улыбаясь. — Сеньорией называлось правительство республики, состоящее из уважаемых сеньоров.

— Это никуда не годится! Нужно исправить.

— Смею тебя уверить, что многие пытались все исправить, и не раз… Флоренция была основана еще этрусками до Рождества Христова. Тут правили римляне, готы, византийцы, ломбардийцы, пытались даже французы… В 1115 году Флоренция стала свободным городом, а в тринадцатом веке — республикой. Тогда и появился знаменитый Арнольфо. Он построил площадь Дуомо, собор Санта Марии, дворец Сеньории. Затем пришла династия Медичи. Кстати, ты знаешь, что они начинали простыми аптекарями, отсюда и фамилия такая, но потом стали крупными банкирами, а их отпрыски правили многими странами Европы… Впрочем, из меня плохой гид, я закончила юридический. Это мама была знатоком живописи и истории эпохи Возрождения… Представляешь, ее еще помнят в комиссии по делам культуры. Это было так приятно.

— А справка?

— Сделали за двадцать минут. И в университет позвонили, попросили помочь. Так что нас уже ждут в архиве.

— Какая ты умница, — он вскочил со стула и подошел к Би.

— Позвольте предложить Вам руку… Для прогулки.

— Только для прогулки? — лукаво блеснули ее темные глаза. — Что может быть лучше чудесной легкой прогулки по жизни…

— Тогда прогуляемся хотя бы по центру города?

Они почти ничем не отличались в толпе туристов, заполнивших огромную площадь. И хотя основной сезон закончился, приезжих было еще очень много.

— Ты знаешь, я даже не представляла, что встреча с городом будет такой приятной, — Биатрис повернула к своему кавалеру счастливое лицо. — Я приезжала во Флоренцию лет пять назад, но такого ощущения не было. А сегодня многое приводит в восторг. Ты на меня определенно положительно влияешь, дорогой.

— Если ты будешь так бесстыдно молодеть, то мне придется представляться твоим дедушкой, — грек сделал страдальческое лицо и прошепелявил: — Из глухой деревни, где до сих пор нет радио, поэтому никто не знает, который год на дворе.

— Перестань, — Би звонко рассмеялась, запрокинув голову.

— Нет, кое-что я еще помню. Мне было столько же, на сколько ты выглядишь сейчас… Это было в восемнадцатом году… Когда приезжал Фердинанд.

— И что… — она едва выговаривала сквозь смех слова.

— Что сказал Фердинанд?

— Он спросил, почему я не в армии, — уже не надеясь на

ответ собеседницы, спутник продолжил сам: — Говорю, что могу бегать только за молоденькими козочками, а не от противника. А Фердинанд покрутил ус и так задумчиво произносит… А я вот за козочками уже не могу…

Прохожие оборачивались, группки туристов забывали об экскурсоводе, глядя на очаровательную пару, что просто расцвела среди зданий, более напоминавших музей, чем обычный город. В любом возрасте счастливый человек выглядит красивым и молодым. Особенно переступив некий условный рубеж, за которым многим кажется, что ничего светлого быть уже не может. И тогда для окружающих становится неожиданно понятно, что за морщинистой и немощной оболочкой скрывается душа десятилетнего ребенка. Она не стареет, она только прячется от внешнего мира, такого же враждебного и чужого, как много лет назад. Подобно боязливому зверьку, душа иногда выглядывает из своего укрытия наружу и ждет случая, чтобы похохотать от ерунды и даже попрыгать на одной ножке. Правда, для многих пережитое горе, словно тяжелая плита, навсегда закрывает подобную возможность, и боязливый зверек уже никогда не увидит яркого света.

— Я сейчас, наверное, очень похожа на Даниэль, — неожиданно серьезно произнесла Биатрис.

— Почему? — удивился Демис.

— Восемь лет умирал ее муж. О, это было ужасно! Он много пил, и однажды его парализовало. Полностью. Жан изводил ее своими придирками и ненавистью на весь белый свет. Стоило Даниэль отлучиться в магазин, как он начинал упрекать ее Бог знает в чем. Бедняжка. Она так страдала… Когда Жана похоронили, Даниэль просто ожила! Представляешь, она купила мольберт и начала рисовать. Кстати, очень неплохо. У нее замечательные пейзажи Луары. А несколько ее стихотворений напечатали в сборнике. Но главное, у нее засветились глаза. Оказалось, она моложе меня. Мы начали вместе ходить по выставкам и концертам… Как-то Даниэль мне призналась, что только теперь по-настоящему счастлива. Она тогда так радовалась самым обыкновенным вещам, что этого восторга хватало и мне.

Биатрис неожиданно резко остановилась и взглянула на грека.

— Деми, я очень смешно выгляжу?

— Ну что ты! — он взял ее за обе руки и приблизил к себе.

— Я знаю… Но ничего не могу с собой поделать. Мне хочется кружиться… Как Даниэль тогда… Они, наверное, думают, что я сумасшедшая.

— Вне всяких сомнений, — он загадочно улыбнулся. — Что это за ворота?

— Какие? — Би обернулась. — Ворота Сан Джованни? Их называют «золотыми», или «райскими». В пятнадцатом веке Лоренцо Гиберти выполнил их для баптистериия.

— Райские?

— На десяти золотых квадратах изображены библейские истории. Он потратил двадцать семь лет жизни на эту работу. Спустя полвека Микеланджело назвал их «Вратами рая». Так и осталось.

— Тогда нам туда, — грек увлек Биатрис за собой.

— Что ты задумал?

— Ты не хочешь со мной в рай?

— Хочу!

Весь пол собора был богато инкрустирован различными сортами мрамора. Через открытые восточные ворота внутрь проникал яркий свет. Посетители то рассматривали замысловатый узор на полу, то поднимали глаза вверх. Свод купола Сан Джованни украшала великолепная мозаика в византийском стиле. Сцены, выполненные на библейские сюжеты, потрясали своим мастерством. Начиная с притвора по стенам расходились горизонтальные линии картин, повествующие об Иоанне Крестителе и Христе из Книги Бытия. Над триумфальной аркой располагалась сцена Страшного Суда.

— Постой, — прошептал потомок эллинов, придержав Биатрис на рукав. — Смотри.

Она остановилась и подняла голову следом на Демисом.

— Спаситель разделяет души, — тихо прокомментировала итальянка. — Грешные и праведные.

— В какую сторону пойдем?

— Это ОН сам решит, — серьезно отозвалась Би.

— Я наверняка попаду к грешникам, — с легкой иронией прошептал грек.

— Почему?

— Я грешу во время поста… Люблю скоромного поесть.

— Так ты не только сластена…

— Не только, — он легко сжал руку спутницы. — Будешь носить мне передачи?

— Куда? — улыбнулась Биатрис.

— В ад или куда там грешники попадают.

— В геенну огненную!

— Жуть!

— А вдруг меня туда не пустят?

— Слушай, это мысль, — оживился грек. — На Суде скажу об

этом в свое оправдание, и потом твои визиты меня сделают лучше. Может, у них там есть что-нибудь для не совсем безнадежных.

— У них там все строго, а вот у нас есть «матронео». Пойдем.

— Это край Света?

— Ближе, — все так же шепотом ответила спутница и потянула за руку удивленного гостя. — Не помню, когда был построен баптистерий Сан Джованни, но — очень давно. В честь Иоанна Крестителя, который является покровителем Флоренции. В те времена к посещению женщинами священных мест относились очень непросто. Для них была построена галерея — «матронео». Она опоясывает все здание на половинной высоте.

— Что значит «матронео»?

— От латинского «матрона» — женщина.

— И эта галерея была единственным местом…

— Да. Женщинам разрешалось быть только тут.

— Вот так всегда, — иронично заметил грек. — Как только что-нибудь интересное, то только для кого-то.

— Не беспокойся. Это было очень давно. Теперь и тебе можно.

— Спасибо. Сегодня великий день.

Они степенно прошлись по галерее, но Биатрис внезапно остановилась.

— Слушай, мы же опоздаем в университет!

— Бежим… Нет-нет Только не через те ворота.

— Почему?

— Не хочу уходить из рая. Пусть наши души останутся здесь… Выйдем через Северные ворота.

— Ладно, — Биатрис улыбнулась, но не стала возражать. — Почему ты идешь на носочках?

— Чтобы никто не услышал.

— Чего?

— Ну как же, — грек сделал очень серьезное лицо. — Когда Сан Джованни закроется, двери обменяются данными между собой. Кто заходил, кто выходил. Если никто не заметит, что мы вышли через Северные ворота, то все решат, что мы вошли через «райские» ворота и остались. Там, в раю!

— Деми, — улыбнулась итальянка. — Ты неисправим.

— Так ведь всем хочется в рай.

— Обманом в рай не попадают.

— Эх, — грустно вздохнул он. — Ты права. Тогда, хотя бы побудем до вечера!

Здание университета располагалось за площадью Сантиссима Аннунциата, посвященной Благовещению Девы Марии.

Построенное много позже трех зданий, окаймляющих площадь, университетское строение впитало в себя многие их особенности. Очевидно, архитекторы часто проходили мимо одной из красивейших площадей Флоренции и решили повторить ее стиль во внешних очертаниях университета. Здесь была и миниатюрная открытая арочная галерея, как у церкви Благовещения, и изящные колонны у центральной лестницы, как на фасаде приюта Брунеллески, и миниатюрные майоликовые медальоны на портике, как у дома братства на площади. Разные эпохи и стили органично переплелись во внешнем облике университетского здания, как напоминание студентам. Не навреди, что бы ты ни делал и какими бы благими намерениями ни руководствовался.

Идущим следом за великими всегда тяжело. Хотя у них есть ориентиры, но планка бывает так высока, что под силу только избранным. Остальные начинают объяснять свою несостоятельность новыми настроениями и стилями в искусстве, производя на свет уродцев. Настоящий художник всегда очень бережно рассматривает достижения великих предков потому, что равняется на них. А это очень непросто: вплести в красивый венок свою веточку, которая не хуже. Великое окружение воспитало не одно поколение студентов университета, впитавших лучшее из созданного человеком в искусстве на протяжении последних столетий.

— Ты здесь училась? — с восторгом разглядывая здание, спросил грек.

— До сих пор горжусь этим, — Биатрис невольно остановилась. — Ничего не поменялось за столько лет… Но нам, собственно, нужно не в этот корпус, а в библиотеку. Архив располагается там.

— Совсем иное здание, — отозвался Демис, глядя за рукой бывшей студентки. — Современное.

— Да, его построили в начале прошлого века на месте старых казарм.

— Куда дели драгун?

— Никто не помнит, чьи это были казармы, но о гвардейцах вспоминали не раз в шестьдесят шестом.

— Почему?

— Было сильное наводнение, мы несколько дней спасали книги. Тысячи и тысячи томов в грязи… Флоренция находится в долине, иногда вода бывает безжалостна.

— А что было с архивом?

— Признаться, я никогда не задумывалась над этим, — встревожилась итальянка. — Ты считаешь, что-то могло случиться с документами?

— Под архивы часто отводят подвалы…

— Боже. Идем скорее. Неужели все напрасно.

Архивариусом оказалась толстая и очень разговорчивая корсиканка Розалия. Пока троица пробиралась по лабиринтам огромного университетского архива к нужной полке, Роза рассказала им, перескакивая с английского на итальянский и обратно, о сложностях своей нелегкой работы, жуликах-политиканах, экономящих на культуре, мерзавце Роберто, бросившем ее старшую дочь, росте цен на продукты, архитекторе библиотеки, решившем разместить архив на верхнем этаже (и это при ее чертовом артрите, вытягивавшем последние силы!). Святая Дева, кто оценит!

— Вот здесь у нас весь сороковой год, — Роза положила пухлые руки на полку с плотно спрессованными папками. — Давненько сюда никто не заглядывал… И зачем вам понадобился этот Джузеппе?

Биатрис вскинулась было рассказать трогательную историю о найденной фотографии, но Демис жестом остановил ее. Через мгновение бывший профессор римского права согласился с догадкой своего старинного друга. Узнай архивариус все подробности о надписи на фото, они бы застряли здесь надолго, выслушивая пространные речи Розалии о превратностях судьбы, ее жизненном опыте и, конечно же, подлецах мужчинах, которые повинны во всех грехах человеческих.

— Вот фотографии выпуска того года… Взгляните.

— Мама! — вскрикнула Биатрис, рассматривая пожелтевший отпечаток. — Какая молодая…

— И очень красивая, — подсказал Демис, заглядывая через плечо.

— А вот это Джулия, ее подруга. Одно лицо с той, что на нашем фото.

— Ты права, это она, — опять вмешался грек. — Тогда на какой-нибудь общей фотографии Джулия должны быть рядом с Джузеппе. Можно посмотреть предыдущий год?

— Конечно… Вот, смотрите.

Перебирая документы, все забыли о годах, стоящих между ними. Прошло почти семьдесят лет, а красивые молодые лица на фотоснимках казались современниками. Разве что прически да одежда выглядели забавно, а вот глаза… Задумчивые, грустные, озорные, они были такими живыми, что просто не верилось в то, что кто-то из них давно ушел в иной мир.

— А вот и ваш Джузеппе Валороссо, — Роза протянула пожелтевший листок. — Вполне сохранился, я сниму копию.

— Какой серьезный парень, — удивленно протянула

Биатрис. — Не похож на художника.

— Ты права. Скорее математик…

— А вот он на фотографии курса предыдущего года, — воскликнула обрадованная находкой Роза. — Смотрите.

— Ты был прав, Деми, Джулия рядом с ним.

— Остается навести справки по адресу в личном деле, — грек был по-деловому сосредоточен. — Любезнейшая наша Роза, вы сделаете нам копии этих документов?

— Если вы настаиваете…

— Мы нижайше просим, уважаемый наш архивариус, — потомок эллинов чуть наклонил голову и посмотрел снизу на пышную дочь Корсики. — Вы поможете исправить одну историческую несправедливость.

Этого было достаточно, чтобы скопировать весь архив целиком, но Биатрис отчего-то не понравилась интонация в голосе старинного друга, и она обратилась к Розе по-итальянски, как женщина к женщине. Хотя сие излишество уже ничего не решало, но бывший профессор римского права остался в полной уверенности, что решающее слово было сказано именно ею.

— Может, выпьем по чашке кофе? — Демис кивнул в сторону нескольких столиков под тентом.

— С удовольствием. Давай посидим, а то столько впечатлений разом…

— Да, встречи с прошлым бывают очень трогательны. Грек помог спутнице сесть и подозвал официанта.

— Дорогая, тебе со сливками?

— Лучше «Данте», — Биатрис благодарно посмотрела на потомка эллинов. — Только во Флоренции готовят такой кофе. Попробуй.

— Решено… Какой-нибудь десерт?

— Деми, не соблазняй меня, а то я не устою…

— Прямо здесь, — грек скромно потупил глазки. — Это так романтично.

— Я имела в виду только фигуру.

— Именно благодаря этому можно поддерживать хорошую фигуру, — он галантно склонился к руке итальянки. — Би, ты сегодня так очаровательна, что я просто теряю голову.

Она нежно провела ладонью по его седой шевелюре, и слезы навернулись на ее темных глазах. Бывший профессор римского права знала, что была бы счастлива, останься этот мужчина рядом, до конца дней ее. Однако сердце подсказывало, что все не просто так. И его появление, и его ухаживание, и эти слова… но, Святая Дева, как это приятно. Она не будет ни о чем задумываться, она просто окунется в это наслаждение. С головой.

С разбега. Кто знает, может быть, в последний раз судьба преподносит такой подарок. За тридцать лет Би встречала немало мужчин. Была даже замужем, но никто так не тревожил ее сердце, никто одним прикосновением не мог заставить забыть обо всем на свете. Вот и сейчас его склоненная голова принесла удивительное наслаждение. Хотелось касаться его волос, вдыхать их запах, ощущать тепло его губ на своей руке и, главное, верить, что это он. Тот самый Деми. Греческий полубог, когда-то так стремительно ворвавшийся в ее жизнь, и что уже никому не под силу стать хотя бы рядом. Биатрис заставляла себя ни о чем его не спрашивать и не устраивать сцен. Она воспринимала его, как неожиданный погожий день посредине хмурой осени. Случайно сквозь облака выглянуло солнце и согрело своим теплом душу. О чем его спрашивать или за что укорять? С возрастом понимаешь, что нужно лишь остановиться и, раскинув руки, впитать все, наслаждаясь каждым мгновением.

— А вот и наш «Данте», — стараясь скрыть свое волнение, беззаботно прощебетала Биатрис. — Промедление смерти подобно.

И действительно, официант принес на большом подносе под блестящим колпаком, что используют для основных блюд, две небольшие изящные чашечки. Быстро поставив их перед посетителями, он чиркнул зажигалкой. Неяркие язычки пламени вспыхнули над черным кофе и растаяли. Биатрис тут же взяла свою чашечку и, прикрыв глаза, сделала меленький глоток.

— Обожаю «Данте», — тихо произнесла она.

— Божественно, — следом за ней прошептал грек.

Какое-то время они сидели молча, отдавшись наслаждению. Биатрис догадывалась, что сейчас они испытывают одинаковые эмоции, и стремились продлить это очарование. С возрастом единение душ гораздо важнее физическая близость в юности. Ощущение того, что родной человек думает и чувствует так же, приносит особую радость. Счастливы те, кто на склоне лет сумел построить вокруг себя осенний парк, где можно подолгу бродить бесконечными тропинками среди угасающей пышной красоты, и слышать, как листва, словно годы, шуршит под ногами, но это не вызывает страха одиночества, а лишь тихую грусть о неизбежном.

— Прости, — потревожил ее мысли грек. — Данте был родом из Флоренции?

— Да. Как и Боккаччо, да Винчи, Микеланджело, Галилей, Россини. Они и остались здесь. Все, кроме Боккаччо, похоронены в Санта Кроче.

— Это такая белоснежная церковь с шестиконечной звездой наверху?

— Да. Пожалуй, это самая ажурная готическая базилика во Флоренции. Деталей, к сожалению, не помню, но точно знаю, что ее фундамент заложил наш общий знакомый, чьи автографы ты раздавал молоденьким девушкам на площади Синьории.

— Арнольфо? — оживился Демис. — Я сразу ощутил нечто родственное меж нами… Как ты думаешь, он простил бы меня за такую вольность?

— Ну, не знаю… — итальянка была настроена добродушно.

— Не знаю, было ли принято в тринадцатом веке раздавать автографы, а вот за нескромность по отношению к юным прелестницам можно было бы и держать ответ.

— Ты знаешь, мне иногда кажется, что это было мое время, — грустно вздохнул грек. — Прекрасные дамы, дворцовые интриги, кружева на расшитых золотом бархатных камзолах и шпага как верховный судия.

— А также возможность быть отравленным за неосторожный взгляд и костры инквизиции…

— Нет, мы так не договаривались.

— В конце пятнадцатого века во Флоренции появился некоронованный хозяин республики. Джироламо Савонарола. Это был монах-доминиканец, настоятель небольшого монастыря Сан Марко. Своим предназначением на земле Савонарола считал обличение и искоренение пороков высшего общества и духовенства. Кстати, в тот период римско-католическую церковь возглавлял Александр из Борджа. Действительно крайне порочный субъект. Джироламо так преуспел в своих проповедях, что большинство жителей Флоренции стали считать его неоспоримым лидером. Однако, кроме бичевания, монах ничего не хотел делать, да он и понятия не имел, как наладить жизнь в республике, поднять ремесленников и торговлю. Савонарола принуждал всех молиться и отказываться от простых радостей жизни. Терпели долго, но потом обратились к тому же Александру из Борджа, чтобы тот убрал бесноватого монаха. Синьория возбудила против Джироламо дело, а папа отлучил его от церкви. Рассудительная Флоренция пожертвовала мнимым благочестием. Монаха сначала повесили, а потом сожгли.

— Что-то мне расхотелось в ваш пятнадцатый век.

— Я рассказала эту историю, чтобы ты не идеализировал Флоренцию. В ее истории немало крови.

— А прекрасных полотен, скульптур, дворцов?

— Намного больше… — Биатрис примолкла. — Может, вернемся к этому позже. Давай поговорим о Джузеппе. Ведь мы нашли его.

— Ты нашла его, дорогая.

— И что же нам делать дальше?

— Если он еще жив, то мы попросим его о встрече… Я уже отослал фото с копий архивных документов в свое агентство и жду ответа.

— Когда ты успел? — удивилась итальянка.

— Еще в архиве я сделал снимки мобильным телефоном, а потом нажал кнопочку.

— И что? — недоумевала бывший профессор римского права.

— Если позволишь, я позвоню коллегам. Знаешь, чтобы успешно страховать кого-то, нужно многое о нем знать… У нас есть замечательная база данных по всей Европе.

Получив благословение, Демис сделал несколько звонков по сотовому телефону.

— Ну что? — Биатрис просто сгорала от любопытства.

— А ты разве не поняла? — Демис искренне улыбался.

— Ну, не тяни… Я же не понимаю по-гречески.

— Странно, это же так легко, — поймав недовольный взгляд собеседницы, грек сдался. — Я шучу, прости. Все очень просто. Мне дали номер телефона, где, возможно, сейчас живет тот самый Валороссо. Времени прошло много, но давай попытаем счастья. Только придется говорить тебе. Я не знаю итальянский совсем, а телефон с кодом Сицилии.

— Как я… — Биатрис растерянно развела руками. — А что я скажу?

— Правду… Как ты нашла фото… Как поняла смысл надписи… Как была в архиве…

— И ты думаешь, что в это кто-то поверит?

— Ну, мы же не просим у них наследство и не набиваемся в родственники.

— Н-нет

— Мы хотели бы исправить ошибку… Вдруг этот Джузи и вправду ждет.

— Мне отчего-то стало так не по себе. Боюсь чего-то.

— Ну, давай отложим, — грек сделал неопределенный жест рукой.

— Нет, — черные глаза итальянки блеснули. — Мама бы не отступила. Я должна.

— Тогда держи, — грек протянул свой сотовый телефон. — Я скрестил на удачу все пальцы.

Было заметно, что Биатрис волновалась. Ожидание ответа и первые фразы дались ей нелегко. Несколько раз она замолкала, потом начинала повторять уже знакомые слова. Наконец, итальянка стала говорить громче, вся напружинившись в маленьком плетеном креслице уличного кафе. От волнения она

то и дело перекладывала телефонный аппаратик из одной руки в другую и припадала ухом, чтобы лучше слышать. В какой-то момент в ее больших темных глазах заблестели слезы, и грек понял, что она говорит именно с тем стариком. Биатрис то нервно улыбалась, то пыталась вскочить и размахивать руками, чтобы ее лучше поняли или поверили. Потом быстро заговорила с кем-то, приняв сосредоточенное выражение лица, из чего стало понятно, что она договаривается о встрече. Наконец она облегченно вздохнула и обмякла в кресле, выключив телефон, но все еще не возвращая его.

— Святая Дева! — ее глаза затуманились от слез и переживаний. — Сама не могу поверить. Господь сберег его для этой встречи! Ты не представляешь, что я сейчас пережила… Все эти годы он ждал и верил. Боже мой! Я не могу. Ему скоро девяносто лет. Он как услышал, что у меня есть письмо от его Джулии… Его служанка мне потом сказала, что старик был прикован к инвалидному креслу более десяти лет. А тут вскочил и хотел бежать… За письмом! Представляешь, какая любовь! Дева Мария, я этого не перенесу. У самой давление подскочило. Закажи мне коньяку, пожалуйста… Это же надо! Две фотографии лежали у меня в альбоме столько лет, а я и не подозревала. Мама мне рассказывала о Джулии и ее парне, но это было так давно. А теперь все вдруг ожило. Оказывается, они оба изучали культуру Китая, потому-то письмо написано на китайском. Это именно для него. Сомнений нет! Деми, какой ты молодец, что разглядел… Решено, мы едим на Сицилию, и как можно скорее. Главное, долететь до Палермо, а там нас встретят. Оттуда до Трапани километров семьдесят. Они предложили сесть на яхту какого-то знакомого в Ливорно, но мне, право, неловко. Лучше…

Биатрис вдруг остановилась и внимательно посмотрела на своего старинного друга.

— Прости, я тараторю без умолка, а тебя не спросила. Ты сможешь поехать со мной? О билетах не беспокойся, у меня есть кое-какие сбережения… Вот только как быть с твоей работой?

— Надеюсь… — неопределенно ответил грек и принялся звонить куда-то.

С замиранием сердца итальянка сидела на краешке плетеного кресла и наблюдала за своим спутникам. Она уже успела достать из сумочки маленький вышитый платочек и то и дело подносила его то к глазам, то к носу. Со стороны это выглядело так трогательно, что вряд ли бы нашлось сердце, которое смогло бы устоять против такого молящего взгляда, да и всей позы немолодой женщины. Она словно молилась или молила кого-то о чем-то очень важном и значимом в целой жизни.

— Уф, — Демис облегченно вздохнул. — Упросил босса продлить отпуск до конца недели. У нас есть несколько дней.

— Спасибо тебе, Господи! — спутница молитвенно сложила ладони. — Ты просто умница! Дай я тебя расцелую.

— Я запомню эти слова, — грек и сам искренне улыбался. — Заказываю билеты до Палермо?

— На ближайший рейс, дорогой!

Глава IX. Анже

— Храни, Господи, Святой Орден! — лайтер сдержанно наклонил голову в знак приветствия. — Как Вы себя чувствуете, Светлейший?

— Неплохо, мой друг, — магистр Ордена Сынов Света сделал приглашающий жест рукой. — Думаю через пару дней отправиться на прогулку, а пока прошу простить меня за усталый вид и лежачую позу. Выход из глубокого погружения всегда требует немало времени на восстановление сил.

На первый взгляд, магистр был худощавым стариком с немощным телом. Остатки седых волос на затылке, желтовато-серая морщинистая кожа рук и лица говорили о преклонном возрасте. Бесцветные губы едва шевелились при разговоре, чуть обнажая ровные искусственные зубы. Бесформенные белые одежды, в которые он был облачен, казались простой горкой ткани. Когда же старик умолк, только в ясных голубых глазах притаилась жизнь.

— Стоит ли сравнивать наши физические возможности, Светлейший, когда на простое погружение способны единицы из братства, а работать на такой глубине, как это делаете Вы, и возвращаться не под силу и посвященным моего уровня.

— Вы скромничаете, дорогой лайтер, — глаза старика озорно блеснули. — У Вас хороший потенциал, а главное, возраст. Только работать и работать.

— Спасибо, у меня есть достойный пример для подражания.

— Я думаю, каждый идет своим путем. Свету не нужны протоптанные дорожки.

— Вы правы, Светлейший… По вашему виду трудно определить результат погружения, поэтому позволю себе спросить напрямую. Удалось понять, что такое Копье Озириса?

— Нужно проработать детали и кое-что проверить, — магистр явно тянул время, наслаждаясь моментом. — Но уже сейчас могу сказать, что речь идет о модуляции тоннеля в третий глаз.

— Третий глаз? — голос лайтера едва не сорвался, но он вовремя справился с волнением.

— Да. Никто из современных ученых, занимающихся проблемами мозга, не может объяснить сверхчувствительность некоего участка нашего серого вещества, который еще древние называли третьим глазом. Этот факт неоспорим так же, как и неподвластен человеку. Лишь единицам удавалось самостоятельно развивать его чувствительность. И как только кто-то мог осознанно воспринимать минимальные доли процентов

той информации, которую третий глаз в состоянии улавливать, он становился ясновидцем, прорицателем, гениальным художником, изобретателем, медиком, музыкантом, ученым, поэтом… Собственно говоря, все выдающиеся люди пользовались этой уникальной особенностью своего мозга. В зависимости от того, как сознание подобного счастливчика могло интерпретировать полученные знания, и появлялся тот или иной гений. Объяснить это никто не мог, и было принято общее название — Божий дар. Но от этого его принцип не менялся.

— Значит, все упоминания в текстах Книги Света о Копье Озириса сводятся к воздействию на третий глаз?

— Именно! — магистр едва улыбнулся уголками бесцветных губ. — Мы так долго готовились к разгадке, но не предполагали, что она так близко. Постепенно осваивая тексты Книги, мы овладели методиками воздействия на сознание, двигаясь как бы снизу вверх. От простого к сложному… Различные виды гипноза и легкие формы волевых матриц требовали вербального общения с объектом. Коррекция участков памяти, хранящих зрительные образы, подразумевала визуальный контакт с объектом. Модуляция логических узлов мозга на подчинение адепту подразумевала снятие индивидуальной защиты, что было возможно при мощном сексуальном контакте с объектом…

— А Копье Озириса в контакте не нуждается? — продолжил мысль магистра лайтер.

— С Вами приятно работать, мой друг… В статьях по нейролингвистическому программированию я сталкивался с теоретическими работами на эту тему. Сегодня для научного мира они выглядят фантастическими, но разумное зерно в них присутствует. Нам нужно будет приглядеться к авторам этих статей.

— Будет исполнено, Светлейший.

— В устах современных психологов, — не отвлекаясь, продолжил магистр, — такое воздействие называется «невербальной интервенцией в сознание». Авторы Книги Света дали этому явлению красивое название Копье Озириса. Думаю, что это связано с его принципом воздействия. Не снизу вверх, а горизонтально, точно в третий глаз. В терминологии нашего братства это прозвучит как модуляция тоннеля… Впрочем, суть от этого не меняется.

— И дистанция атаки… — почти прошептал лайтер. — Помниться, в текстах говориться о безграничности.

— Думаю, нужно сделать поправку на то, что было безграничным для древних египтян или тех, кто передал им эти знания. Мы узнаем радиус воздействия только по

экспериментальным данным, но надеюсь, это сотни миль. Возможно, вся Европа.

— Но третий глаз у нормального человека неактивен…

— Я бы сформулировал иначе, мой друг. Существует некий барьер нечувствительности того участка мозга, который мы называем третьим глазом. Поэтому большинство людей работает только с информацией, полученной от пяти органов чувств, плюс сновидения и обычная логика. Для этого достаточно пяти-семи процентов существующего потенциала. Остальное находится в резерве. Попросту спит.

Однако у нормального человека третий глаз, как и любая часть мозга, биологически активен. Он лишь прикрыт барьером…

Неким естественным предохранителем для неразумных… Способность воспринимать спрятана, как спички от детей… И лишь тот, кто обладает соответствующим уровнем развития интеллекта, в состоянии этот барьер менять. Образно говоря, настраивать чувствительность универсального приемника на определенную волну. Вернее — информацию. И брать из бездонного колодца столько, сколько он способен воспринять. Что уже зависит от интересов личности. Например, только виртуозно играть на скрипке, как Паганини, или стать универсалом, как Леонардо.

— А модуляция тоннеля…

— Дает возможность владеющему этой методикой преодолевать любые барьеры нечувствительности и вкладывать нужную информацию непосредственно в третий глаз. Далее она попадает в аналитические и логические центры человека независимо от его воли и намерений. Грубо говоря, есть возможность загрузить желаемую программу в мозг, минуя все органы чувств и контроля.

— Поэтому третий глаз так хорошо защищен в природе!

— Да, он прикрыт щитом, который подвластен только интеллекту самой личности. Как кровеносная система человека. Осознанно или насильно человеку можно ввести внутрь препарат через пищевод, легкие или кожный покров. Только потом он попадает в кровь и разносится по организму. Но придумали иглу, и стала возможна внутривенная инъекция. Думаю, эта аналогия уместна.

— Вполне, — лайтер, соглашаясь, сдержанно кивнул. — Когда Вы предполагаете начать работу с методикой, Светлейший?

— Было бы разумным потратить несколько дней на восстановление, но я, словно мальчишка, рвусь в бой, — глаза магистра сверкнули. — Жажда открытия влечет, как наркотик! Мне понадобится Ваша помощь, любезный друг. Прошлый раз мы

успешно потрудились в паре, и я надеюсь продолжить тандем. Сейчас детали важны как никогда. Ложных путей и ловушек очень много. Но не мне Вам объяснять, что мы получим в результате.

Собеседники замолчали, словно шахматисты, погрузившиеся в решение непростой задачи. Каждый осознавал важность тайны, которая могла попасть к ним в руки. Это было настоящее могущество! Не ступенька, а целый пролет по лестнице познания.

Вверх, туда, где излучает яркий свет Копье Озириса — заветная мечта всех братьев Ордена Сынов Света.

Сбывалось пророчество, написанное в священных книгах ессеев. Самым достойным откроется тайна, и Копье Озириса блеснет над полем боя. Верная рука, владеющая таким оружием, одержит великую победу над силами тьмы. Свет справедливости воссияет над грешной землей. Близок этот час. Осталось правильно сформулировать все фразы переведенной главы из Книги Света и совместно с методологами разработать алгоритм воздействия. Это непростая задача, но они уже не раз успешно выполняли ее. Результатом будет технология модулирования тоннеля в третий глаз и передачи по этому каналу любой информации на большом расстоянии.

Обладающий такой техникой сможет легко контролировать население огромного мегаполиса, не выходя из дома, а, возможно, и целой страны. Многовековой труд по расшифровке записей Книги Света подходит к концу. Изложенные в ее главах знания о законах формирования человеческого сознания и особенностях деятельности дают ключ к безграничному воздействию. Остается только отработать новую методику. На данный момент это становится главным.

Оба понимали, что одному человеку не под силу труд по расшифровке и правильной интерпретации данных, спрятанных в Книге. Уже не раз лингвисты и криптографы братства сталкивались с тем, что авторы текстов подразумевали коллективный труд по расшифровке. Это делалось с единственной целью — не дать в руки одиночки знания, которые могли обернуться сверхоружием. Даже такой гигант, как магистр, путем глубокого погружения, когда он вводил себя в транс, отказываясь от пищи и воды, мобилизуя все свои интеллектуальные способности на перевод текста, мог лишь приблизиться к цели, выделив наиболее вероятные варианты. Богатый предыдущий опыт показал, что именно коллективная работа может гарантировать правильный перевод зашифрованных в текстах знаний. Бывали случаи, когда талантливые и сильные одиночки гибли, работая самостоятельно. Одни не выходили из погружения, другие лишались рассудка, испытывая методику,

третьи умирали без видимых причин. Это срабатывали ловушки, расставленные в текстах. Подобные истории передавались из уст в уста среди членов братства на протяжении многовековой истории его существования.

Трудно сказать, являлись ли авторы текстов Книги Света создателями самого человека или же только досконально разобрались в этом, но они так грамотно написали Книгу, что знания не могли попасть в одни руки. Вернее, в одну голову. Только коллективный труд интеллектуалов был способен правильно решить головоломку и создать методику на основе полученных знаний. Позже применять методику мог бы любой обладающий определенными способностями и трудолюбием. Хотя такой носитель был уникальным человеком, но он принадлежал к братству и был ему подконтролен. Случались сбои и в работе самого тайного общества. Некто, возомнив себя всемогущим, решался порвать с Сынами Света и самостоятельно использовать полученную методику в корыстных целях. В этом случае на предателя объявлялась охота. Во все монастыри и Крепости ордена, разбросанные по многим странам мира, рассылались одинаковые рисунки. На одной стороне был изображен заряженный арбалет, на обратной — портрет. Каждый из братьев понимал, что в одиночку может погибнуть в борьбе с предателем, и тут его личные интересы совпадали с интересами братства. Потому охота всегда завершалась успешно.

— Похоже, что пророчество сбывается, — первым нарушил молчание магистр.

— Вы говорите о победе Сынов Света с помощью Копья Осириса?

— Не только… Мне подумалось, что второе пришествие Спасителя на грешную землю тоже об этом.

— Но в Новом Завете есть два противоречивых пророчества. Одно гласит о реальном воплощении Спасителя, как и в первый раз, другое — о его воплощении только в сердцах верующих…

— Вы правы, мой друг, — магистр чуть замялся, но потом продолжил уверенно. — Владея Копьем Осириса, мы в состоянии внушить любое из пророчеств всему человечеству. Главное, что, явившись второй раз, Христос покарает грешников и воздаст праведникам.

Лайтер промолчал, настороженно вслушиваясь в слова главы Ордена.

— Мы сможем обсудить это позже, а пока нам понадобится время для работы. Возможно, это займет несколько дней… Вы готовы передать все текущие дела преемнику и не отвлекаться столько, сколько потребуется?

— Прежде нам нужно обсудить один вопрос, — лайтер замялся, не решаясь говорить прямо.

— Не темните, дорогой. Я всегда уважал Вас за откровенность. У нас должны быть крепкие тылы.

— Мне, право, неловко, но обстоятельства вынуждают… — Думаю, мне даже будет полезно ненадолго переключиться на другую задачу, — старик продолжать полулежать в большом мягком кресле, его белые одежды не шелохнулись. — Вы уложитесь в десять минут?

— Вполне.

И лайтер кратко изложил события последнего месяца, связанные с потерями в компании «Фламандская лилия».

— Вы правы, мой друг, — магистр едва шевелил губами. — Это похоже на объявление войны. Думаете, равновесие нарушено умышленно и это знак того, что им что-то известно о работах по интервенции в сознание.

— Других причин на открытое противостояние я не вижу. Молодой Валороссо ведет себя просто вызывающе.

— А что старший? Признаться, я давно не общался с Джузи.

— Один из наших гловеров скоро приблизится на расстояние воздействия.

— Вот как? — старик оживился. — Вам удалось внедриться в ближайшее окружение.

— Надеюсь, что так, — лайтер старался не бравировать своей последней операцией, поскольку результата еще не было.

— И кто же это?

— Демис… Если помните прошлогоднее дело… — он не успел договорить.

— Гловер из нашего филиала в Салониках, — магистр блеснул глазами. — Нестареющий потомок древнего эллинского рода. Красавец мужчина…

— Вы правы. Каждый раз, возвращаясь с задания, Демис уходит на месяц в келью, дабы замолить грехи. Он часто балансирует на грани, но работает чисто.

— Понимаю, — едва кивнул старик в белых одеждах. — А эта русская…

— Мария, — подсказал лайтер.

— Она здесь?

— Нет, пока в Северной Крепости. Привезти в Анже?

— Если ситуация неясна, то не стоит суетиться… А вот атакованного флэшера лучше привезите в Намюр. Думаю, они как-то связаны между собой. Кстати, на блондиночке и опробуем интервенцию. Если все пройдет гладко, вернем в Россию… У нас есть в запасе неделька-другая?

— Да. Марк в Питере. Ведет игру с местными властями на похищение.

— Хорошо, — магистр прикрыл глаза и тихо добавил: — Если это все, то заканчивайте текущие дела к выходным. Созвонимся. Я постараюсь сформулировать задачу для первого шага. Проверьте готовность аналитиков… Да, и передайте по крепостям сигнал повышенного внимания, мы с Вами будем заняты некоторое время. Брат Иозеф из Праги остается старшим…. Храни, Господь, Святой Орден!

Лайтер ответил тем же приветствием, стараясь не акцентировать свои мысли на тщедушном старце. Тот еще был очень силен и мог прочесть в его сознании многое. А недоверие перед серьезной работой им было ни к чему. Десять лет назад, приближая к себе тогда еще малоизвестного претендента на пост могущественного лайтера, магистр рисковал не только судьбой Ордена, но и своей безопасностью. Потому был все время начеку. В братстве веками создавалась система противовесов власти, дабы не вводить кого-то в искушение, но предательства случались. Сейчас им обоим нельзя было ошибаться.

История Ордена знала разные времена. Были и взлеты, и падения, но никогда еще Сыны Света не были так близки к заветной цели. Они стояли перед обнаруженной, но еще закрытой дверью. За ней находится долгожданное Копье Озириса. Оружие, которое можно будет использовать и как мощный ядерный взрыв, распространяющий электромагнитный импульс на огромную территорию, или персонифицировать воздействие, ювелирно выбирая конкретную жертву в толпе с помощью лазерного прицела. Им оставалось сделать последний шаг к могуществу. Главное — не ошибиться и не погибнуть сейчас. Неслучайно магистр предложил именно лайтеру пройти в связке с ним основной путь.

Дальше за дело примутся аналитики и методологи. Они уже решили несколько задач именно в паре и доверяли друг другу. Но то были семечки.

Сейчас они напоминали двух скалолазов, намерившихся пройти по отвесной скале. Скорее всего, ничего непредвиденного на всем пути не случится, но кто сделает последний шаг… Кто первым окажется на вершине и подтянет затем страхующего напарника снизу? Баланс силы таков, что ему не удержаться одному на вершине. Но, каков соблазн! Стать единственным обладателем сокровенных знаний…

Лайтер не торопясь шел в раздумьях по длинному, едва освещенному коридору средневекового замка. Орден Сынов Света почти два века владеет этим некогда ключевым опорным пунктом

на пути между Нантом и Парижем. Замок Шато д'Анже, возведенный на высоком холме, вдоль которого шла дорога, построенная еще рабами Рима, господствовал и над окрестностями, и над Луарой, чья гладь огибала холм и как на ладони была видна из амбразур всех его сторожевых башен.

Сейчас большая часть замка реставрирована и предназначена для посещения туристов. Огромный ров вокруг крепостной стены, некогда заполняемый через подземные тоннели водами Луары, сейчас был разделен на две части. В одной бегали благородные олени и косули, в другой были разбиты великолепные клумбы. Особенно красиво они выглядели с высоты крепостных стен. Вензеля из ярких цветов и декоративного кустарника изображали древние гербы знатных родов, некогда владевших этими землями. Остались в прошлом боевые подвиги правителей Пэ де ля Луар. Сейчас это знаменитые виноградники, где производят и хранят в винных погребах известные своим изысканным мягким вкусом Мускаде, Анжу-Самюр и Туране. Добавив к ним сыры, которые делают на местных фермах — Рокфор, Канталу, Мурола, Сан-Нектари и, конечно же, голубой Д'Уверн, трудно думать о чем-нибудь ином, кроме стола, украшенного ими.

Миллионы туристов слетаются на эти ароматы со всего света. К их услугам замки и красивейшие дворцы времен Людовика Четырнадцатого, где можно наслаждаться видами английских парков и многоярусных фонтанов, охотиться в угодьях герцога Анжуйского и отобедать в графском поместье, провести романтическую ночь в опочивальне фаворитки короля и организовать корпоративную вечеринку в зале, где уникальный паркет застрахован на миллион евро, а то и венчаться в личной часовне Мазарини. Словом, это удивительная страна на берегах Луары, что откроет для состоятельных мужчин и романтических женщин многие свои тайны, и усладит их чувства, и напоит возвышенными мечтами, и заставит думать только о прекрасном и о том, как вернуться сюда хотя бы еще разок.

И ни у кого не возникнет подозрений насчет запертой двери в замке с табличкой «Служебное помещение», за которой несут свою обычную службу незаметные люди. Одни заняты в туристическом бизнесе, другие — чем-то иным.

Лайтер любил бывать в замке Шато д'Анже, называемом в братстве «библиотекой». Она, конечно, была, но не выполняла такую значимую роль, чтобы дать название центральному аналитическому центру Ордена. Возможно, причина названия пряталась в прошлом, когда Сыны Света только обосновывались во Франции. Тогда им пришлось стремительно покинуть западный Тибет и подыскивать новую базу. Впрочем, в то время и

было принято решение разделиться на небольшие группы и осесть в разных странах. Подвергать риску великую идею из-за концентрации в одном месте было неразумно. И хотя в те века связь оставалась самым слабым и уязвимым звеном в тайной организации, иного пути не было. После того как опустел папский дворец в Авиньоне, на который была сделана ставка в Ордене, братство переместило центральную крепость в Испанию, оставив во Франции только два тайных убежища — замки в Геранд и Анже.

Владельцами Шато д'Анже из поколения в поколение были доверенные лица братства, так называемые хранители библиотеки. Сделанные когда-то тайные комнаты и проходы к ним, протянувшиеся на сотни метров под землей, до сих пор исправно служили Сынам Света. Малочисленный и проверенный годами персонал публично работал служителями и техническими сотрудниками замка, а на самом деле исполнял роль хранителей. После войны финансовое положение Ордена существенно улучшилось, что позволило вкладывать средства на развитие туризма. Сейчас это решение ни у кого не вызывало сомнений. Дело шло успешно, принося немалую прибыль, да и прикрытие было великолепным.

Пройдя тоннелем под несколькими оживленными улицами, лайтер оказался в маленькой квартирке старого дома в переулке, где торговали сувенирами. Протиснувшись через портьеры в небольшую лавку с безделушками для туристов, которую держал верный человек, лайтер прихватил забавную статуэтку и растворился в толпе зевак. У него был формальный повод пройтись с ревизией по заведениям, принадлежащим Ордену. В лицо могущественного лайтера знали только посвященные, и это позволяло инспектировать инкогнито.

Он решил дать себе небольшой отдых перед напряженной работой. А что может быть лучше, чем почувствовать себя свободным туристом в красивой стране, где есть время на удовольствия. Ноги сами ведут по лабиринтам улиц и магазинов, парков и бистро, а голова заполняется массой ненужной информации и эмоций, которые наутро растают, как туман, освобождая сознание для серьезной работы. Приятные мелочи от увиденного на старинных улицах Анже, словно песок в руках поваренка, очищали сознание, как закопченную посуду. Мозг, как и любой орган человека, лишь тогда работал с полной отдачей, если чередовал нагрузку.

Вдоволь находившись по узким улочкам старой части города, лайтер с удовольствием расположился под тентом маленького кафе на видавшей виды пристани. Здесь было удивительно тихо и

свежо. Осеннее солнце неназойливо заигрывало с рябью на водной глади Луары. Несколько моторных лодок поджидали туристов у причала. Края тента раскачивали легкие порывы речного ветерка, отчего солнечный зайчик то и дело заглядывал лайтеру в чашку с кофе. На противоположном берегу Луары возвышалось солидный контур Шато д'Анже. Отсюда сквозь чистый воздух можно было разглядеть, как развиваются огромные полотнища знамен на башнях замка и небольшой смотровой площадке, устроенной на плоской крыше. Помимо гербов, полотнища были расшиты тайными знаками Ордена, стилизованными под французскую геральдику. Конечно, специалист смог бы указать на ошибки, но не стал бы этого делать, посчитав, что менеджеру туристической фирмы или художнику маленькой студии, где были заказаны знамена, необязательно знать такие нюансы. А вот для братьев это был знак, что в замке можно найти кров и защиту. Десятки лет полотнища развеваются на ветру и омываются дождями. Со временем они выцветают и заменяются такими же, и никто не задает вопросов, потому что эти знаки там были всегда. А что может быть лучше традиций?

Лайтер вспомнил свой последний разговор по сотовому телефону с Демисом. Гловер просил инструкций по отношению к старшему Валороссо. Орден давно искал случая приблизиться на расстояние воздействия к главе клана, но сейчас нужно было выждать. На руках появился небольшой козырь, и употребить его нужно было с максимальной выгодой. Игра приобретала серьезный оборот. Речь не шла об устранении стареющего Джузи. Наоборот, в случае его смерти Орден только бы проиграл. Но иметь на расстоянии атаки своего человека в старом особняке на центральной площади Трапани было сильной позицией в игре. И неслучайно лайтер поведал об этом успехе магистру. Хотя задание гловеру лайтер давал лично, никого не посвящая в детали, он понимал, что несколько человек в Ордене все равно узнают об этом. И первым будет магистр. А вот кому известно о том, что магистр успешно вернулся из глубокого погружения и не сегодня-завтра они в паре закончат формулировку последней главы Книги Света, было непонятно. Через неделю подключатся умники из аналитического и методологического отделов, и тогда…

Неужели это все? Лайтера не столько волновала власть над миром, сколько сам смысл его жизни. Если Копье Озириса действительно существует и они смогут его применить, то сие означает конец миссии. Великая идея, о которой говорится в святых книгах, будет достигнута… Внушая определенные мысли

населению, можно будет не только менять политиков и министров, а вообще избавиться от них. Святая церковь вновь будет править всем! Пройдет немного времени, и лоскутная карта Европы останется только в исторических справочниках. Затем все страны превратятся в одну большую семью, управляемую из центра. Сыны Света объединят все нации и приведут грешных к единственно правильной вере. Над миром воцарится Свет или, как гласит Новый завет, наступит царствие Господне. Силы тьмы будут легко уничтожены Копьем Озириса… Что дальше?

Возможно, кто-то захочет стать единоличным правителем.

Вернее, настоящим Богом на Земле. Перспектива очень заманчивая… Лайтер задумался: а сам он хотел бы стать живым Богом? Пожалуй, нет. С одной стороны, придется постоянно заниматься этим сбродом, то есть куда-то его направлять и контролировать, с другой стороны — следить за собратьями, чтобы кто-то из них не столкнул «бога» с Олимпа и не сделал послушным животным. Допустим, он справится и сумеет себя защитить… Дальше-то что? Все полководцы с мировым именем теряли свои армии и победы, как только добивались цели. Только великая идея в состоянии объединить друзей и врагов. Неслучайно революции пожирают своих детей. Этот процесс невозможно остановить. Одолев внешних врагов, созданная для борьбы машина будет искать и обязательно находить внутренних врагов. Но если раньше люди размахивали дубинами и протыкали друг друга железом, то теперь они будут переделывать соплеменникам мозги. Кто останется на Земле? Что-то вроде биороботов, которым через промоделированный канал будут загружать необходимую информацию в память. Конечно, можно будет легко готовить гениальных механиков и художников, приводить их к алтарю Света с самого детства. На Земле воцариться счастливое сообщество, живущее по заповедям Господним. Потомки ессеев смогут наконец-то построить заново разрушенный варварами Храм Света и поместить туда Книгу…

Рука лайтера невольно потянулась к воображаемому реликту. Он не так часто прикасался к этому чуду. Да, именно чуду, потому что не только тексты, хранящие сокровенные знания, но и сама книга были творением иного разума. Стопка листов из неизвестного материала удерживалась каким-то полем и открывалась не сразу. Книга будто прислушивалась к тому счастливцу, что держал ее в руках, и лишь потом решала, открыться или нет. Но, пожалуй, самое сильное впечатление было от того, что Книга всегда была теплой. Такой же температуры, как у человека. Все, с кем лайтер мог поговорить о Книге, сходились к мнению, будто она живая. Разум не соглашался и даже

протестовал, но эмоции захлестывали. Едва дотронувшись до Книги, хотелось верить! Охватывал восторг от сопричастности с великим. Даже он, лайтер, всегда полагавшийся только на свой интеллект и интуицию, моментально ощущал в себе порывы неистового фанатика. Какой-то религиозный экстаз охватывал любого, кто прикасался к святой Книге. Она сама по себе воздействовала на психику… О, не случайно сегодня у магистра так горели глаза. Так всегда бывает после встречи с Ней.

Интересно, как воспринимали египтяне эти Книги? Предание гласит, что Их было три в тайной комнате. Конечно, Их охраняли, и доступ был возможен только очень ограниченному кругу лиц. Что ощущали эти счастливчики? Встреча с Одной приводит в такой восторг, что любой обретает истинную веру и любовь к Создателю. Это такое сильное ощущение, что кажется осязаемым в груди. Именно поэтому некоторые не возвращаются. Он сам испытывал подобный экстаз — хочется остаться в этом блаженстве навсегда. Скорее всего, такое сильное воздействие на психику человека тоже своего рода защита. Знания не должны попасть в руки слабого или убогого. Только очень сильный интеллект способен противостоять соблазну наслаждения и продолжить исследовательскую работу. А это и есть гарантия того, что, овладев могущественным оружием, познавший великие тайны не обратит их против идеи, а реализует ее.

Возможно, прежним хранителям Книг и удалось что-то понять и создать методики, но Египет не стал вечным государством. Он постоянно воевал с соседями и, бывало, терпел поражения. Был завоеван персами, затем — греками, потом — римлянами, а позже и вовсе растворился в арабском мире. Стало быть, у них не было Копья Озириса… Они пользовались только тривиальными методиками воздействия на сознание для поддержания веры подданных в божественное происхождение фараона? А сами посещали тайную комнату для духовных наслаждений… Кто знает… Как же удалось похитить Книги из тайной комнаты? И где спрятана Третья Книга… Лайтер не раз задумывался, но не находил объяснения. Однако это произошло, и двенадцать колен израилевых овладели сокровенными знаниями. Те крохи, что им удалось перевести, осознать и применить, сделали этот народ на голову выше остальных наций. Возможно, именно в традициях, обычаях и укладе жизни иудеев те знания и передавались из поколения в поколение. Кто знает… Теперь Сыны Света станут во главе человечества… Не утопия ли это? В состоянии ли один тайный Орден, пусть и могущественный, противопоставить себя нескольким миллиардам простых людей, десяткам государств с их армиями? Законы

больших чисел часто сильнее обычных правил и меняют их. Ну что же, они скоро это узнают. Ради такого дела не жалко и собственной жизни…

Лайтеру сразу стало спокойнее на душе. Он даже почувствовал вкус остывшего кофе. Сомнения покинули его, а предстоящая работа в паре с магистром увлекла. Сразу же вспомнились ошибки прошлого тандема, когда они едва не погибли, попав в кольцо. Ловушка была хитрой. Они ступили на ложный путь цветовой маркировки памяти при отработке методики коррекции зрительных образов. Написанный в иносказательной форме текст Книги Света только намекал на возможные оттенки для маркировки области памяти. Если бы лайтер не помнил наизусть мифологию древнего Египта, Междуречья и Греции, он не оставил бы себе цепочку «своего» оттенка, когда стал корректировать оттенки зрительных образов. Магистр к тому времени уже попал в кольцо своих же следов и шел по кругу. Кто знает, как бы удалось выкрутиться, если бы лайтер не сообразил, что это ловушка. Но сил у него выбраться назад по «своим» следам уже не было. Магистр понял, что только у лайтера осталась «нить Ариадны», и передал ему остаток своих сил. Лайтер выбрался из лабиринтов памяти в реальный мир, а затем вернулся и откорректировал память у магистра. Едва придя в чувство, они переписали, казалось бы, уже идеальный алгоритм методики воздействия на зрительные образы при визуальном контакте.

Это было год назад, и сейчас уже с десяток флэшеров Ордена успешно выполняют задания, используя отработанный алгоритм. Разведчики ищут кандидатов, монастыри их воспитывают, а наставники обучают методикам будущих воинов Света. Механизм работает четко. Бывают потери, случаются предательства, но это ничтожный процент. Сегодня Орден набрал такую силу, что готов направить Копье Озириса куда угодно…

Тихий старинный городок Анже степенно готовился провести остаток дня, занимаясь любимым делом. Сытые и добропорядочные горожане наслаждались покоем у домашнего очага, кто-то сидел в ресторанчике, кто-то спешил в семью после свидания на стороне, а кто-то гулял по неровным улочкам, держась за руки. Человек всегда стремился к удовольствию, отказываясь от меньшего ради большего удовольствия. Даже те, кто, услышав призывный глас колокола с высоких башен собора, спешили к вечерней службе, лукавили, убеждая себя, что отказываются от мирских удовольствий. Просто они смогли найти в общении со Спасителем или Святой Девой несравненный покой и умиротворение, чего их душе уже не приносит общение с

противоположным полом или терпким красным вином. Всему свое время. У каждого свой путь.

Глава X. Трапани

Старинные часы над резными дубовыми воротами трехэтажного особняка Валороссо, чей фасад возвышался над центральной городской площадью как раз напротив церкви «Дель Колледжо», пробили четверть одиннадцатого ночи, когда под ними остановилась поблескивающая в свете ночных фонарей машина. Рослый, плотного телосложения водитель быстро подскочил к пассажирской двери, помогая пожилой паре выйти из авто.

— Спасибо, Бенито, — Биатрис оперлась о поданную ей сильную руку. — Вы прекрасно водите машину. Эти горные дороги полны опасности, я часто даже закрывала глаза от страха… Правда, дорогой?

— Я и прежде слышал, что сицилийцы отчаянные ребята, — Демис говорил по-английски короткими фразами, специально выбирая простые, общеизвестные слова, поскольку заметил, что водитель не все понимает из сказанного греком. — Но Бени меня просто поразил. Вы не участвуете в гонках?

— Что Вы, Демис, — смутился атлет. — Я всего лишь присматриваю за домом.

Все трое замолчали, оценивающе глядя на солидное старинное здание.

— Потрясающие часы, — с восторгом прошептала итальянка. — И как удачно размещены. Очень элегантно смотрятся. Я даже не припомню, когда появилась мода так украшать фасад…. Но такое впечатление, что они здесь давно.

— Вы правы, Биатрис, — водитель достал из багажника пару дорожных сумок. — Они идут более сотни лет. Их привез отец Джузи. Из Швейцарии.

— Семейная реликвия, — всплеснула та руками. — Это так трогательно! Обожаю семейные традиции. У нас есть старенький домик во Флоренции, где жили дедушка и бабушка, но не сравнить. Этот выглядит просто как старый замок…

Массивная дверь отворилась, и в освещенном изнутри ярким светом проеме появилась дородная фигура служанки.

— Здравствуйте, меня зовут Онарда. Прошу, проходите в дом… Как долетели?

Постепенно гостиная начала заполняться радостными голосами. Обитатели большого дома на площади спешили посмотреть на незнакомцев. Весть о письме из далекого прошлого взволновала не только старика. Все оживленно обсуждали неожиданную новость, украдкой поглядывая на лестницу,

ведущую в кабинет главы клана Валороссо. Известие о том, что старик вскочил из инвалидного кресла, услышав о письме, до того заинтриговала всех членов семьи и служащих, что об этом только и шептались.

— Он ждет, пойдемте скорее, — едва сдерживая собственное любопытство, пригласила гостей Онарда. — Это так неожиданно для всех нас…

— Если бы не Деми, — Би взяла грека под руку. — Письмо пролежало бы в моем альбоме еще столько же! Там ведь написано по-китайски… Кто же разберет?

— Удивительно! — слышалось со всех сторон. — Просто невероятно…

Пожилая пара в сопровождении молчаливого Бенито вошла в кабинет старика. Тот сидел в своем инвалидном кресле, облаченный в клетчатую рубашку с открытым воротом. Тонкая морщинистая шея на фоне крупной разноцветной клетки ткани казалась просто хрупкой. Старик явно волновался, отчего его кадык ерзал под сухой бледно-желтой кожей. Стоящий рядом на краю стола стакан с водой был почти пуст.

— Позвольте представиться, — грек элегантно наклонил седую голову. — Демис Полеопуло, агент страхового общества, и моя давняя подруга Биатрис. Она…

— Очень приятно, господа. Мое имя вам известно. Присаживайтесь… Бени, помоги гостям. Спасибо, что уважили старика и приехали так скоро. В моем возрасте нужно спешить. Иначе можно не успеть что-нибудь сделать. Могу я взглянуть на письмо?

Атлет аккуратно взял из рук гостьи старое фото и нарочито медленно двинулся к хозяину, на ходу разглядывая со всех сторон пожелтевший кусок плотного картона. Убедившись, что явных признаков угрозы нет, водитель протянул фото старику.

— Милая, — глава клана обратился по-английски к невысокой невзрачной девушке, стоящей подле инвалидного кресла. — Подай-ка мне китайский словарь. Там, на полке… Толстый, в темно-красном переплете.

Бенито пододвинул инвалидное кресло к столу и остался стоять чуть спереди, между стариком и гостями. Он был настроен доброжелательно, но профессиональный охранник в нем не засыпал ни на секунду. Впрочем, приезжие не вызывали никаких опасений, они лишь с явным любопытством наблюдали, как девушка принесла увесистую книгу и положила на край стола. Старик надел очки и углубился в чтение, время от времени заглядывая в словарь. Его тонкие пальцы с высохшей, испещренной морщинами и синими жилами кожей, стали

заметно дрожать. Он прикрыл лицо рукой, опершись на подлокотник своего кресла. Сухие сутулые плечи вздрагивали. Старик беззвучно плакал. Следом не выдержала Биатрис. Она заревела в голос, как-то по-детски всхлипывая и не стыдясь катившихся по щекам слез. Появившийся откуда-то белый вышитый платочек тут же намок, не в силах помочь ей, но хозяйка не обращала на это никакого внимания. Сквозь пелену, застлавшую и без того подслеповатые глаза, она не отрываясь смотрела на старика. Казалось, меж ними не было сейчас никаких преград. Его боль, радость и вообще все переживания, нахлынувшие разом, передались и ей. Прерывисто вдыхая, она подвывала на выдохе, прижимая обе руки к заплаканному лицу. Но, как ни странно, сердце ее в этот момент сладко стонало от счастья. От неимоверной радости за другого человека, что так долго ждал и наконец встретился с любимой. Пусть только с ее письмом, но там были именно те слова, которые он хотел услышать всю свою нелегкую долгую жизнь. И Биатрис не сомневалась, что это так.

Девушка, стоящая подле кресла, подалась вперед, нежно обнимая старика за плечи. Она было протянула ему стакан с водой, но, увидев, что это ни к чему, не настаивала. Удивительное единение едва знакомых людей в комнате продолжалось несколько минут. Они были представителями разных стран и поколений, но в какой-то миг стали собратьями. Так бывает в жизни. Те, кто вместе пережил какое-то потрясение, навсегда остаются родными. Даже атлет Бенито не знал, куда ему девать свои намокшие отчего-то глаза. И лишь гловер, сделав вид, что растроган не менее остальных, скользил пристальным взглядом по тщедушной фигуре старика, стараясь проникнуть в его тайны, скрытые в данный момент не самой сильной защитой.

— Прошу простить мне мою слабость, — первым нарушил молчание Джузи. — Давайте встретимся за ужином… Через полчаса.

Все понимающе закивали, торопясь покинуть кабинет. Ощущая неловкость, девушка тоже хотела уйти следом за гостями, но старик удержал ее.

— Варя, погоди, — его голос был высоким от волнения. — Пододвинь-ка ко мне то кресло и сядь рядом… Я хочу рассказать тебе о Джулии… Мы вместе учились в университете. Это было очень давно. Еще до войны… Она увлекалась китайской живописью… Я любил Джули… Очень… Однажды я попытался написать ей на китайском признание, но из-за ошибок получилось очень смешно. Непростой язык… Это письмо на обратной стороне своей фотографии она написала мне в ответ.

Тоже своего рода признание.

Девушка сидела неподвижно, чуть подавшись вперед, и смотрела молча на старика. Снизу вверх. Было заметно, что она сопереживает, но не знает, как помочь.

— Очевидно, это письмо написано за день до аварии, — старик продолжал рассказ, глядя куда-то далеко-далеко. Наверное, в прошлое. — Тогда Джулии призналась, что беременна, и мы решили пожениться… Как она попала в аварию, я не знал. Только успел приехать в больницу. Чтобы попрощаться… Потом война. Я даже искал смерти, но не нашел.

Джузи помолчал, часто мигая покрасневшими веками почти без ресниц.

— Позже я не хотел и думать о женитьбе, но семья настояла. В пятьдесят третьем родился Валентино, отец Антонио. А в семьдесят девятом мой сын с невесткой тоже погибли в автомобильной катастрофе. Тони тогда было четыре года… Это не случайность. Это война. Мне угрожали, стараясь заполучить Книгу Силы… Как их только ни охраняли… Но убить человека гораздо проще, чем защитить… Я не смог. Пожертвовал самым дорогим в жизни.

Он посмотрел русской в глаза.

— Понимаешь, к чему я это говорю тебе сейчас? — девушка неопределенно кивнула в ответ. — Ты уже не сможешь выбрать иной путь. За тобой и твоими близкими тоже началась охота. Возможно, пока только следят и ставят ловушки, но они не отступят… Не зря у ессеев обет безбрачия. Наряду с другими факторами, это освобождает человека от привязанностей… Расчет простой. Семейный человек может не выдержать и предать.

— У меня только мама, — прошептала с некоторой надеждой Варя.

— Это не так мало, — грустно усмехнулся старик. — Ведь мама всегда только одна… Ты знаешь, почему зло всегда сильнее добра?

— Сильнее? — удивилась девушка.

— Конечно. Это в конечном итоге добро может одолеть зло, когда станет действовать его методами, но в принципе зло всегда сильнее… Потому что разрушать проще, чем созидать. Ненавидеть проще, чем любить… Жизнь, добро, любовь — это мгновение. Яркая вспышка во тьме… А смерть вечна. Она повсюду… Даже во вселенной звезды редко рождаются из галактической пыли и обломков, и не у всякой звезды есть планеты, пригодные для жизни. А те, что могут одарить жизнью, очень недолговечны. Наконец, среди родившихся на такой уникальной планете разумных существ далеко не все могут

любить и творить добро… Любовь — это дар Божий.

— Грустно, — тихо отозвалась она.

— Просто нужно это понять. Как можно раньше… Сегодня я получил письмо из прошлого. Оно живет в каждом из нас. Словно параллельный мир. Окружающие и не подозревают об этом, а у нас в душе есть вход в этот параллельный мир. Звездные врата, если хочешь, и только от нас самих зависит, чтобы они не закрылись… Это письмо — мой ключ к вратам. Джули нашла способ передать его мне… Из параллельного мира. Понимаешь? Только не думай, что я спятил. Просто я очень взволнован.

— Да, это потрясающе…

— Нет. Это значит, что мне пора. Мне пора уходить к ней, Варя. И ты появилась в этом доме не случайно. Я должен передать тебе нечто очень важное… Ты избранная.

— Что Вы, Джузи, — почти вскочила девушка. — Не смейте так говорить. Мы с Вами еще…

— Не бойся, мне действительно пора. Все эти годы я смутно надеялся и чего-то ждал. Теперь я уверен, что час настал.

— Но я вовсе…

— Уверенность придет к тебе позже. Главное, не бойся.

— Но Вы… Надеюсь, Вы не станете что-то делать с собой.

— Ну что ты, — он ласково посмотрел на девушку. — Это произойдет очень естественно. Так бывает со всеми, кто соглашается, что выполнил долг или завершил все земные дела… Теперь самое время.

— Но ведь у Вас есть внук. Почему Вы не хотите передать все Антонио?

— Тони славный мальчик. Он Валороссо, но ему не дано… В нашем роду уже не раз было так, что старший избирал преемником кого-то не из семьи. Здесь дело не в родстве. Каждый Валороссо мог выбрать себе женщину по душе и родить наследника, но это не значит, что только эти дети станут хранителями Книги. Например, мой отец не был по крови Валороссо, но он стал им. Вернее, он родился таковым вне нашей семьи, а потом был просто инициирован.

— Инициирован?

— Да. Это всего лишь ритуал. Главное — братство по интеллекту и духу. Ты же слышала о родственных душах.

— Но… Такое родство скорее касается любви.

— Не только. Это проявляется и в вере, и в дружбе, и в служении великим идеалам. Человек многосторонен. Многогранна и его душа. Не стоит сводить ее родство только к любовным привязанностям. Придет время, и ты поймешь, что такое духовное братство.

Они помолчали, не двигаясь. Очевидно, оба чувствовали, что разговор был еще не закончен, но уж очень он получался необычным.

— Я давно хотела Вас спросить, Джузи, — вдруг решилась Варя.

— Спрашивай.

— Вы верите в Бога? Он ответил не сразу.

— Только фанаты или лжецы могут ответить однозначно…

Если говорить о христианском мировоззрении или его святых писаниях, то я не разделяю их. Если ты спросишь меня, соблюдаю ли я посты и молюсь ли на ночь, то — нет. Когда-то давно в каждой спальне лежала Библия и не было телевизоров. Теперь мир изменился… Но это не значит, что я отвергаю Создателя, если редко бываю в храме. Иногда я прошу у Него совета и помощи, потому что верю в справедливость и добро. Знания и вера противоречат друг другу, но они связаны. Чем больше знает и умеет человек, тем утонченнее его вера, ибо развитому интеллекту мало идола. Ему нужен собрат, разделяющий его внутренний мир. Такая вера сродни любви. Они обе нелогичны и необъяснимы, но являются естественной потребностью человека. Это заложено в нас кем-то! И этим всегда манипулировали… Если человек рождается в любви, то его душа всегда открыта. С первых лет жизни появляются привязанности — к цветам, птицам, животным, друзьям. Здесь нет пределов, ограничения характерны только для уродцев. Дети верят в сказки, а самая лучшая из них о Создателе. Когда же интеллект окрепнет, человек начинает задавать себе вопросы, но найти ответы в святых писаниях очень трудно.

— Вы говорите о Евангелиях?

— Не только. Ты знаешь, что Никейский собор канонизировал двадцать один текст из всего многообразия существовавших на то время рукописей ранних христиан. Кстати, в переводе с греческого «евангелие» звучит как «благая весть».

— Вот как?

— Там нет ничего сложного, нужно только желание и время, чтобы разобраться.

— На греческом?

— И коптском. Это разговорный диалект греческого в Египте времен птолемеев. На коптский переводили многие христианские тексты проповедники всей юго-восточной окраины тогдашней Римской империи.

— А как же кумранские свитки?

— Ессеи отделились от иудейской веры на несколько веков раньше. Кстати, они первыми ввели термин «Новый завет». Сыны

Света были не согласны с фарисеями и боролись за чистоту веры. Они решили самостоятельно заключить с Богом «новый договор».

— И Христос был носителем этих знаний?

— По сути, он был их проповедником. Необычным, но проповедником, говорящим на арамейском. В то время существовала только устная традиция проповеди, и, чтобы его слова были доступны самой широкой аудитории, он обязан был использовать цитаты из существующих на то время святых писаний. Думаю, что он владел психотехникой общения, ведь его аудитория состояла из самых низших слоев общества, лишь позже появились и другие.

— Почему же ессеи упустили победу из своих рук, если Иисус проповедовал их веру?

— А кто тебе сказал, что современное христианство основано на его слове?

— Не понимаю…

— Сегодня не известен ни один документ, написанный рукой Христа. Есть тексты, выбранные некоей заинтересованной группой из огромного множества существовавших тогда рукописей. Только они признанны Святыми на Никейском соборе, но дата их создания такова, что реально их писали даже не ученики учеников Спасителя. Впрочем, сей факт не помешал объявить остальные рукописи ересью и уничтожить.

— Но что-то ведь нашли?

— Конечно, найдено немало надежно спрятанных текстов. Например, библиотеки в Наг-Хаммади или Оксиринх. Много раньше создания Библии были попытки обобщить знания и систематизировать их, поскольку среди многих проповедников первого-третьего веков существовали значительные расхождения во взглядах. Множество апокрифических Евангелий новозаветной традиции активно использовалось различными христианскими общинами на большой территории. От Дамаска до Рима… Известен богатый судовладелец, по имени Маркион. В середине второго века он вложил немало средств для сплочения христиан вокруг отобранных им самим рукописей. Отредактировав на свой взгляд Евангелие от Луки и написав сочинение «Антитезы», он претендовал на создание своего учения, но был изгнан. Чуть позже появился Татиан, ученик Юстина, пересказавший на свой лад несколько Евангелий в одном труде под названием «Диатессарон». Было сильное философско-религиозное течение гностиков, основанное на Евангелиях от Иуды и Марии, но и оно было объявлено ересью, поскольку изобиловало символикой образов и магией числовых сочетаний.

— Кто же прав?

— Раскопки и сегодня приносят все новые и новые находки. Исследователи имеют современное оборудование для определения даты создания документов и опыт проведения сравнительного анализа текстов. Лингвисты утверждают, что большинство апокрифов было написано исключительно для чтения вслух. Эмоционально, с подъемом. Ведь в античном мире ораторское мастерство было в почете и предъявляло высокие требования к оратору. Он был сродни шаману, входившему в транс. Это позже появилось евангелисты, то есть профессионалы по адаптации текстов для чтения. Они жестко стояли на определенной позиции, продиктованной группой лиц. Так появилась Библия. Но и потом не было единства. Церковь, созданная руками человека, всегда стоит на службе чьих-то интересов. Христианский мир разделился на католиков и православных…

— Ты помнишь эту историю, когда Генрих Восьмой так осерчал на Папу Римского за отказ о разводе, что создал свою церковь и стал ею руководить. Так в Средние века Европу раздирали войны между католиками и протестантами.

— Что же на самом деле говорил Христос?

— Если ты будешь искать ответ в книгах, написанных людьми, то рискуешь никогда не узнать истины. Ведь любой теолог всегда имеет свою точку зрения. Веками разные конфессии доказывали свое превосходство словом и делом, но единства так и нет.

— Значит, все эти учения ложны. В кого же верить?

— Не смешивай два различных понятия. Наука всегда опирается на логику, а вера алогична. Причем независимо от исследований и открытий специалистов вера всегда будет такой, как была прежде. Человеку свойственно надеяться на защиту и помощь. Сотню веков назад он просил урожая и победы над врагами, теперь — выигрыша в лотерею и успешной карьеры.

— Но должно же быть что-то святое?

— Конечно! Это понятие присуще каждому, наравне с любовью и добротой. Только одни доходят до этого самостоятельно, а большинству нужен посредник. Мне до сих пор непонятна фраза из Библии, в которой Иисус утверждает, что прийти к Отцу я могу только через него. Церковь использовала это утверждение и стала еще большим посредником. Это мне не по душе. Вера — личное дело каждого… А почему ты спрашиваешь? Сомневаешься в себе?

— Да.

— Ты просто честный и чистый человечек. Не торопись. Сердце подскажет.

— Джузи, а почему Вы, — девушка запнулась, но, посмотрев прямо в старческие глаза, выдохнула. — Так доверяете мне?

— Чтобы различать буквы, мне давно нужны очки, остальное я вижу сердцем.

— Но я самый обычный человек!

— Нет. И ты это уже поняла сама.

Девушка медленно встала и, обхватив худенькие плечи руками, прошлась по комнате. Старик молчал, даже не глядя в ее сторону. Оба не раз замечали, что такое поведение не раздражает их. Будто они давно друг друга знают и могут общаться без слов.

— Пойдем к гостям, дружок, — неожиданно ласково произнес старик. — У меня сегодня удивительный день, и по этому поводу стоит выпить вина. И не напоминай мне о возрасте… Вот только кавалер из меня неважный. Придется тебе предлагать мне руку для поддержки.

Варя улыбнулась своему рыцарю и, взявшись за ручки инвалидного кресла, покатила его к двери за портьерой, скрывающей винтовой пандус, сооруженный лет десять назад специально для главы клана. Они уже приближались к двери в гостиную, откуда доносились громкие голоса, когда Джузи сделал ей знак остановиться. Затем он попросил русскую наклониться и прошептал:

— Ты ничего не заметила странного у этой пары? — он кивнул в сторону гостиной, откуда был слышен приятный смех грека, тут же подхваченный другими голосами.

— По-моему, он морочит бедной женщине голову, — заговорщицким шепотом отозвалась Варя.

— И не только ей… Присмотрись к этому страховому агенту.

Поздний ужин удался на славу. Грек незаметно для всех стал душой общества, рассказывая забавные подробности с обнаруженной фотографией. Биатрис взяла на себя роль переводчика, поскольку не все за столом хорошо знали английский. Ей было приятно, что во время пересказа все глаза были устремлены не на Демиса, а на нее. Да ей и самой казалось, что это именно она так быстро обо всем догадалась и организовала приезд. Даже успевала подмечать смешные моменты во всей этой невероятной истории. Потомок эллинов любезно передавал своей спутнице пальму первенства, замолкая, чтобы поухаживать за ней, потом опять что-то рассказывал и успевал наполнять ее бокал. Пока Биатрис переводила очередную шутку, грек украдкой наблюдал за молчаливой женщиной напротив. Она была явно не из этой семьи и не говорила по-итальянски. Когда же разговор переходил на английский, темные глаза брюнетки оживлялись. Однако какая-то напряженность во

всех ее движениях говорила то ли о недавно перенесенной болезни, то ли серьезной утрате. Да и отношение всех присутствующих за столом к этой неразговорчивой гостье было подчеркнуто вежливым. Однажды грек поймал на себе ее взгляд. Он был полон грусти и какой-то безысходности. И хотя женщина молчала весь вечер, ее соседка, щупленькая девушка, что помогала старику в кабинете, говорила по-английски с явным славянским акцентом. Этот факт очень заинтересовал страхового агента. Русский след в доме клана Валороссо…

Поначалу Демис связывал задание, полученное от лайтера Ордена, с тем, чтобы быть принятым в дом на центральной площади в Трапани и приблизиться на расстояние атаки к старшему Валороссо. Теперь, похоже, ориентиры смещались. Жаль, что у него нет примет той русской, что была инициирована флэшером Северной крепости в ушебти.

Как следовало из информационных сводок аналитического отдела Ордена, та русская исчезла, а посвященный на пятый уровень мастерства был кем-то превращен в животное. Лихо… Демис еще долго шутил и гладил немолодую кожу на руке своей спутницы, нашептывая ей на ушко комплименты, но ни на миг не упускал из виду грустной молчаливой женщины за столом напротив. Постепенно она ему стала нравиться. Неброская, но правильная внешность скрывала удивительный потенциал. Столь редкий в наше прагматичное время потенциал чувственности. А вот соседка оказалась крепким орешком. Невзрачная и угловатая девушка греку не понравилась.

Было далеко за полночь, когда Джузи, сославшись на усталость, простился с гостями и отправился спать. Переживания последнего дня лишили его последних сил. А вот остальные, наоборот, не могли побороть свое любопытство. Они снова и снова хотели слышать интересные подробности, которыми постепенно обрастало необычное событие, связанное с письмом Джулии.

И Демис казался неутомимым. Когда же его красноречие было исчерпано, столовая быстро опустела и все отправились на покой.

Биатрис наспех попрощалась со своим спутником, признавшись, что просто валится с ног от усталости. Грек поцеловал ей руку и пожелал спокойной ночи, однако сам не спешил в холодную постель. Стоя у открытого окна в отведенной ему комнате, он разглядывал огни ночного Трапани и черную полосу моря за портом. Ему очень хотелось позвонить по сотовому телефону и выяснить ряд вопросов, но рисковать потомок эллинов не решился. Операция по проникновению в дом

главы противостоящего клана была проведена блестяще и сулила значительные перспективы. А вероятность того, что за гостями наблюдают, была велика. Решив, что лучшим в сложившейся ситуации будет выжидательная позиция, Демис вдруг почувствовал, что засыпает стоя, и отправился в постель.

Этажом выше, в своем кабинете, не спал Джузи. Он попросил Онарду принести им с Варей кофе. Несмотря на поздний час, старик казался бодрым. Они говорили на отвлеченные темы, будто ничего необычного и не произошло. Когда же часы на письменном столе едва слышно отметили половину четвертого, старик встрепенулся.

— Теперь, надеюсь, он спит.

— Кто? — удивилась русская.

— Гловер, — чуть улыбнулся старший Валороссо.

— Простите…

— Так Сыны Света называют своих шпионов.

— Джузи, Вы об этом… Демисе?

— Конечно.

— Хотите сказать, что и фото, и письмо, и все это — подделка?

— Нет, — старик покачал головой. — Почерк и фото Джулии. Как они это отыскали, мне пока неясно, но в данной ситуации неважно. Разберемся потом… А что ты можешь сказать о греке?

— Актер. Психолог. Владеет гипнозом. Держит бедняжку Биатрис на коротком поводке. Физиономист. Похоже, что при визуальном контакте ему многое доступно… Подозреваю, что он догадался, кто такая Александра. Да и меня сканировал несколько раз. Пришлось прикрываться.

— И кого ты ему подсунула? — глаза сицилийца озорно блеснули.

— Цыганку.

— Почему цыганку?

— Мне показалось, что он боится цыган, вот и подыграла.

— А как ты… — старик не договорил.

— Я не знаю, Джузи… Это получается само собой. Вижу, и все тут.

— О себе не спрашиваю…

— А Вы тигром прикрываетесь, — улыбнулась Варя. — Только он почему-то в тапочках…

Оба смущенно рассмеялись, как два ребенка, которым стало трудно скрывать шутку.

— Пойдем познакомимся поближе с гловером, — серьезно прошептал старик.

— К нему в комнату? — девушка вопросительно взглянула на

Валороссо.

— Конечно… Надеюсь, ты меня прокатишь.

— А он крепко спит? — все еще сомневаясь, переспросила девушка.

— У вас в России, кажется, говорят «без задних ног».

— Ну, Джузи, Вы меня не перестаете поражать!

— Это всего лишь старинный рецепт снотворного. Онарда большая мастерица…

Дверной замок открылся легко и бесшумно. Сквозь прикрытое, но не зашторенное окно в комнату для гостей проникал тусклый свет со двора, позволявший легко ориентироваться. Грек безмятежно спал на правом боку, положив обе ладони под подушку. Его одежда была небрежно брошена на спинку стоящего рядом кресла. Старик попросил девушку жестом подкатить его как можно ближе к кровати. Протянув правую руку над головой спящего, Джузи прикрыл глаза и застыл так, сосредоточившись. В тишине прошло несколько минут. Открыв глаза, Валороссо вопросительно взглянул на русскую, но та все еще сомневалась.

— Нужно, чтобы он забыл тебя и Алекс, — прошептал старик.

Варя коротко кивнула и сосредоточилась на спящем греке. Вскоре серьезное лицо девушки озарила лукавая улыбка. Она отошла от кровати, давая понять, что просьба выполнена. Глава клана развел руками и указал на дверь. Незваный визит закончился быстро. Закрыв дверь снаружи, Джузи жестом попросил девушку не торопиться и кивнул на соседнюю спальню. Варя поняла все без лишних слов. Проникнув таким же способом в комнату, где спала Биатрис, они ненадолго остановились у спящей итальянки, но скоро покинули и ее.

Только вернувшись в кабинет, старик вновь заговорил.

— Надеюсь, после этого ты не будешь относиться ко мне хуже, чем я того заслуживаю? — он грустно улыбнулся. — У французов есть поговорка: «На войне, как на войне». Я ведь только спросил гостя, зачем он пришел в мой дом.

— Так спрашивают у всех гостей этого дома?

— Нет, — глаза старика стали печальными. — Ты зря обиделась. Это относится только к незваным гостям, а тебя пригласил Тони.

— Он тоже владеет сканированием?

— Немного. Мне этот дар передался от отца, а Тони в основном работает с гипнозом, хотя до сих пор любит размахивать ногами в белом кимоно.

Они помолчали.

— А ты… — тихо спросил Джузи, — можешь «просматривать»

память, если человек активен? У меня получается, только если клиент спит и моя рука над его головой.

— Мне не нужно усыплять или касаться кого-то. Главное — сосредоточиться. Правда, я не всегда понимаю, как экстраполировать цветовые пятна в памяти… Начала «видеть» зимой, но боялась спросить кого-нибудь. Учителя у меня не было.

— Не беда. Я дам тебе почитать пару переводов. На мой взгляд, там все изложено верно. Сыны Света уделяют большое внимание методике.

— Обучают сканированию памяти?

— Да. Они далеко продвинулись в переводах, но пока их сдерживают поиски кандидатов.

— Джузи, но как переводы попадают к Вам, если Книга Света у ессеев?

— Мы давно живем в эпоху информации, где все данные можно оценить в евро. Работает разведка. Бывают пленные… Открытого противостояния нет, но война не затихает… А на кого ты подменила образы Алекс и свой у грека?

— На Онарду, — широко улыбнулась Варя, не в силах скрывать свою шутку.

— Быстро нашла?

— Демис нас обоих пометил бирюзовым цветом. Как сестричек. Правда, мои пятна чуть темнее. Похоже, я ему не понравилась… А Вы у него как красна девица.

— Почему девица? — удивился Валороссо.

— Простите, это русское выражение. Я хотела сказать, что Ваши пятна в его памяти красные.

— Браво-браво. Мне тоже так показалось. Думаю, это сопряжено с опасностью в его представлении. Наверное, я выгляжу каким-нибудь монстром… Как ты думаешь, гловер владеет сканированием?

— Нет. У «сканеров» появляются пятна с цветной окантовкой после «просмотра» чьей-то памяти. Чужие цвета метятся своим кантиком.

— Сама догадалась? — Варя лишь кивнула в ответ. — А что у Биатрис?

— Нет, она простой и наивный человек. Последние несколько дней живет в эйфории: очень много ультрафиолетовых следов, как от наркотика.

— Я начинаю сомневаться в том, что ты плохо разбираешься в цветовых оттенках.

— Что Вы! Это такая малость по сравнению с тем ярким калейдоскопом, что я вижу… Весной я занималась тантрой, и, как менеджер группы, поехала на один интересный семинар. На

Тибет. Там был странный монах. Сидел всегда в сторонке, не участвовал в программе, ни с кем не разговаривал. Однажды мне стало любопытно, и я попробовала его «посмотреть». Он прикрылся огромным орлом, а я ему показала слепого котенка. Сама не знаю почему, но он не вызывал никаких сомнений, и я открылась. Монах долго меня сканировал, а потом преподнес маленький урок в виде мультфильма. Голубое пятно, за ним — голубое небо. Синее пятно, за ним — синее море. Красное пятно — огонь, смерть. Все логично. Эмоции отображаются у большинства по аналогии с тем, что они видят в природе. Так проще… Но потом он мне показал закрытую дверь в сплошной кирпичной стене. На двери засветился незнакомый знак, и все исчезло. Больше я этого монаха не видела. Спрашивала других участников семинара, они его вообще не заметили.

— А что это был за знак?

Варя взяла бумагу и быстро нарисовала замысловатый символ.

— Интересно. Никогда не встречал… Скорее всего, им открывается та дверь. Только вот куда.

— Я долго над этим думала. Есть два варианта. Либо он проверял меня: знаю ли я этот пароль. Либо подсказал, что только так мне откроются новые знания.

— Полагаю — второе. Своего бы он узнал и без этого пароля. У всех тайных школ существует система признаков. Внешних и скрытых.

— Возможно, он хотел так поговорить со мной?

— Нет. Ты правильно догадалась, что монах просто тебе подсказал. Умный поймет, а остальным и не надо. Думаю, он разглядел твой потенциал и отсутствие корысти. Вот и помог. А то, что общение шло на уровне образов, да еще на Тибете, говорит о какой-то ветви ессеев.

— Тогда бы они меня выследили, — встревожилась Варя.

— Поскольку с тобой ничего не случилось, то этот монах не связан с Орденом Сынов Света.

— Кто же он?

— Отшельник или беглец, — Валороссо устало взглянул на девушку. — Когда интеллектуал достигает определенного уровня развития, он задает себе вопрос. Что дальше?

Они помолчали, не глядя друг на друга.

— И Вы прожили вот так всю свою жизнь? — не выдержала девушка.

— Как так?

— Оглядываясь. Прячась. Теряя близких…

— Я никогда не прятался, — гордо вскинул голову старик. —

А вот потеря близких остается незаживающей раной… Не знаю, как в вашей стране, а на Сицилии вендетта всегда была и остается до сих пор.

— Но это же дико!

— К сожалению, наш мир несовершенен, но это не повод, чтобы отвергать житейские радости.

— Я этого не понимаю.

— Ты просто еще мало знаешь, — Валороссо ласково улыбнулся. — Китайская культура готовит человека к смерти всю жизнь. Вопрос не в том, умрет ли смертный. Главное — как он уйдет из жизни. В Поднебесной есть понятие «черной» и «белой» смерти — долгой, в мучениях или стремительной, на виду у всех, во имя великой идеи. И тогда имя героя будет жить долго. Идея самопожертвования есть во всех конфессиях, вопрос только — во имя чего.

— Как-то очень расчетливо.

— Человеку свойственно все сравнивать и взвешивать. Ты просто не слышала, о чем просят Святую Деву прихожане и что предлагают взамен.

— Джузи, а что Вы хотите от меня? — неожиданно спросила Варя.

— Мне нравится твоя откровенность, девочка. У тебя чистая душа.

— И все же?

— Мне не хотелось бы предлагать тебе сделку… Хотя по сути ты права. У каждого есть свои интересы… Погоди, не спеши с выводами. Дай мне пару минут.

Старик глубоко вздохнул, словно собирался нырнуть в пучину.

— Гловер, что спит в комнате для гостей, не первый посланник Сынов Света. Они давно охотятся за мной. Последняя серьезная акция была одиннадцать лет назад, в результате которой я действительно на некоторое время потерял подвижность.

Год спустя я смог кое-как самостоятельно передвигаться, но это до сих пор хранится в секрете. И такая ситуация устраивала обе стороны. Тони не готов возглавить наш клан, и он никогда не станет хранителем Книги Силы. У него иная судьба. Десять лет я жду преемника, и вот ты пришла. Признаюсь, когда я впервые услышал о тебе, то навел справки. Все совпадает. По мере возможности мы помогали тебе, да и твою мать охраняют.

— Маму?

— А ты думала, люди господина Фатхи не смогли найти в маленьком приморском городке учительницу Людмилу

Алексеевну Орлову, что живет в двухкомнатной квартире на последнем этаже четырнадцатиэтажного дома? Прости, я мог и не говорить тебе этого.

В наступившей тишине было слышно, как тикают настольные часы. За окном начинался новый день.

— И что я должна взамен? — глухим голосом спросила Варя.

— Немало, девочка…

— Говорите уж до конца.

— Я всегда был уверен, что ты настоящий боец, хотя и дева.

— Намекаете на мою девственность? При чем здесь это!

— Если бы ты читала пророчество, то не задала бы этот вопрос.

— Девственница будет преподнесена в жертву дракону?

— Зря иронизируешь! Великие дела часто требуют чистоты.

— Простите…

— Нет, это я буду просить тебя о снисхождении, поскольку сегодня на твои хрупкие плечи ляжет большой груз.

— Чему быть, того не миновать!

Однако старик пропустил эту браваду мимо ушей.

— По моим данным, ессеи близки к разгадке одной из самых серьезных тайн Книги Света. Это даст им такое могущество, что мир изменится кардинально. Помешать их планам сможет только тот, кто прочтет Третью Книгу. А согласно пророчеству на это способен чистый ангел, прочитавший обе первые Книги… *Я* проведу инициацию и дам тебе прочесть Книгу Силы. Есть идея, как вывести тебя на Книгу Света… Надеюсь, ты сможешь ее прочесть.

— Но никто не знает, где спрятана Третья Книга!

— Ты узнаешь это…

Солнце еще не тронуло горизонт своими раскаленными лучами, но легкие облака на востоке начали сереть. Зная, что в этот ранний час за ними никто не наблюдает, облака, словно серые призраки, начали сливаться и перетекать в фантастические картины. Их контуры то напоминали лица людей, то облики городов, то контуры египетских пирамид.

— Но откуда такая уверенность в моих силах? — искренне удивилась Варя.

— Ты не догадываешься или лукавишь? — вопросом на вопрос ответил старик, но, увидев, что девушка не торопится, продолжил сам: — Гребень Хатшепсут!

— Вы думаете, что…

— Это ключ к Третьей Книге! И я знаю, что он у тебя. После некоторой паузы Варя согласилась.

— Да, он у меня. Вернее, спрятан в России… Но текст на нем

я и так помню наизусть и могу нарисовать.

— Этот ключ не случайно выполнен в виде гребня. Простое повторение текста той мантры не приведет к результату без ключа. Гребень должен находиться у произносящего заклинание на затылке. Только в этом случае чистому ангелу, прочитавшему обе Книги, откроется некое сокровенное знание.

— Но это обычный черепаховый гребень… — неуверенно сопротивлялась девушка. — Некоторое время я им просто закрепляла волосы. Когда возвращалась прошлой зимой из Египта.

Старик снисходительно улыбнулся и даже не стал возражать.

— Вы хотите сказать, что он сделан из какого-то особенного материала… и это повлияло на открытие у меня каких-то способностей?

— Ну ты же умная девочка. Сопоставь факты.

— Признаюсь, что такие подозрения были, — тихо согласилась Варя. — За этот год я столько узнала и научилась делать, что самой иногда не по себе… Мне часто кажется, что это просто мои фантазии.

— Я могу сказать только одно, — Джузи устало взглянул на русскую из-под тяжелых век. — Я не слышал, чтобы кто-то когда-то смог вернуть ушебти к нормальной жизни. А одолеть флэшера такого уровня, что инициировал Алекс, под силу очень сильному бойцу. Таких в мире меньше, чем пальцев на руке.

— Но я не могу себя представить в латах и с обнаженным мечом…

— Твой меч здесь, — и старик поднес палец с морщинистой иссохшей кожей к лысой голове. — Очень скоро ты осознаешь его мощь… А пока давай-ка спать. Днем у нас важное дело.

Несколько человек шумно рассаживались в машины, поджидавшие их у дома на центральной площади в Трапани. Прогулка по виноградникам и винным погребам, принадлежащим семье Валороссо, обещала быть интересной и веселой. Грек был в ударе, предвосхищая поездку. Он был прирожденным лидером любых развеселых компаний. Когда машины исчезли за поворотом извилистой улочки, Джузи позвал русскую.

— Варя, давай спустимся вниз. Помоги мне, пожалуйста. Девушка охотно отозвалась, и через несколько минут они встретились в небольшой комнате с двумя молчаливыми стариками, которых ранее она никогда не видела.

— Знакомься, это мои друзья, Николо и Марчелло.

— Варвара, — смущенно кивнула девушка.

— Пойдемте, — ни к кому не обращаясь, обронил Джузи. Один из новых знакомых молча двинулся впереди, за ним катила

инвалидную коляску Варя. Замыкал процессию второй, не менее молчаливый гость. Они прошли несколько коридоров, открыли три или четыре двери, пока не оказались в каком-то подвале, заваленном старыми вещами. Николо и Марчелло молча по-хозяйски расчистили проход к сломанному шкафу в углу. Он на удивление легко подался в сторону, освобождая солидную металлическую дверь. Трое мужчин по очереди открыли своими ключами три замка, и дверь медленно освободила проход. Николо включил фонарик, освещая дорогу. В отличие от банковских сейфов, перед ними была маленькая комнатка с плетеной корзиной, подвешенной на веревочных канатах у края, скрытого темнотой. Старинный лифт не требовал электричества, только силу двух рук, вращающих большое колесо, закрепленное в скале, как штурвал в рубке корабля. Заперев за ними дверь, Николо молча встал у колеса. Первым в корзине опустился Марчелло. Он направил свой фонарь на стены, и шахта, вырубленная в скалистой породе, осветилась таинственным светом. Варя вопросительно взглянула на Джузи, намереваясь помочь старику, но он лишь протянул ей еще один электрический фонарик и жестом указал опускаться одной.

Стоя внизу, девушка с волнением наблюдала, как медленно опускался Джузи. Затем, взяв его под руки, они втроем осторожно двинулись по коридору с низким потолком. Николо остался ждать их наверху. Было прохладно и сухо. Звук их шагов подхватывало робкое эхо. Два ярких световых пятна от фонарей освещали дорогу, выхватывая из темноты то грубо обтесанные стенки, то неровный пол. Прошло немало времени, пока Джузи не сделал знак, и они остановились. Варя посветила своим фонарем вокруг. Коридор шел куда-то дальше, теряясь в темноте. Валороссо надавил рукой на край камня в стене, и тот легко повернулся на невидимой оси. Старик смело просунул немощную руку в открывшуюся нишу. Тут же что-то зашуршало, и часть стены отошла в сторону.

Свет их электрических фонарей устремился в небольшую, вырубленную в скале комнатку, напоминавшую келью. Посредине стоял круглый стол и скамья без спинки в виде подковы вокруг его. Больше ничего не было. Они усадили Джузи и, закрыв дверь, сели рядом. Марчелло молча погасил свой фонарь и жестом попросил Варю последовать его примеру. В темноте девушка почувствовала, как соседи молча нащупали ее руки, сжимая ладони. Прошло пару минут, и она услышала шепот. Возможно, это была молитва или какой-то ритуальный обряд. Потом мужчины разом замолчали, но Варя чувствовала, что они напряжены. В тишине казалось, что время остановилось. Ее

ладони похолодели от волнения.

Постепенно девушке стало казаться, что она слышит их голоса внутри себя. Она прислушалась. Голоса стали отчетливы, и она узнала мантру очищения. Мысленно повторяя ее, Варя присоединилась к ритуалу. Потом наступила пауза, за которой она отчетливо услышала незнакомые слова. Они звучали медленно, с таким расчетом, чтобы русская их правильно воспринимала. Словно эхо, Варя так же про себя повторяла услышанное. Потом все затихло. Девушка поняла, что теперь ее черед. Она без ошибок произнесла незнакомую мантру самостоятельно. Почти невесомая ладонь Джузи отпустила ее руку. По шороху одежды девушка поняла, что старик обернулся к стене позади себя. Послышался звук отодвигаемого камня. После некоторой паузы русская ощутила легкое дуновение воздуха. Что-то происходило перед ней на столе. Поколебавшись, Варя осторожно протянула правую руку вперед и почувствовала тепло. Оно исходило от какого-то предмета, появившегося на столе. Тепло было приятным и передалось всему телу. Девушка медленно дотронулась до предмета. Он представлял собой на ощупь твердый прямоугольник, испещренный шероховатыми рядами значков. Вертикальный срез был ребристым, словно это была плотная стопка листов картона. Так вот почему ее назвали Книгой! Однако листки нельзя было перевернуть или отделить рукой. Информация считывалась как-то иначе, но эти размышления потонули в волне приятного тепла, растекавшегося по телу убаюкивающим покоем.

Варя даже затаила дыхание от наслаждения и тут же увидела образы. Они чередовались, создавая видения. Постепенно картинки стали мелькать быстрее, создавая настоящий информационный поток. Сознание ее жадно поглощало этот мощный водопад символов и картинок. Не вникая в суть увиденного, девушка просто складывала все в потаенных уголках памяти. К тому же в ушах зазвучала незнакомая мелодия, ее настроение менялось в соответствии видениям. Время для Вари остановилось, сливаясь в одно бесконечное мгновение.

Иногда поток зрительных образов прерывался незнакомыми символами, и девушка напрягалась, оттого что была не в состоянии их понять. Тогда знаки застывали перед ее внутренним взглядом, словно страничка с текстом из иероглифов. Варя вглядывалась в каждый символ, и он постепенно превращался в понятный образ, возобновляя поток видений. Осознанная таким образом информация вновь заполняла память.

Внезапно все прекратилось, и наступила тишина. Варя даже открыла глаза, удивленно озираясь по сторонам, но в кромешной

темноте ничего нельзя было разглядеть. Она лишь понимала, что сидит за столом. Постепенно тепло под правой ладонью исчезло, а прямоугольный предмет пропал так же неожиданно, как и появился. Кто-то ласково положил девушке руку на плечо. Она вздрогнула, но тут же успокоилась, узнав легкую ладонь Джузи. Он слегка похлопал ее, успокаивая.

Варя скорее почувствовала, чем осознала, что все закончено и пора возвращаться. Марчелло включил свой фонарик на самую маленькую мощность, но и этот свет показался ослепительным. Они подождали, пока глаза привыкнут, и стали собираться в обратный путь. Помогая Джузи передвигаться, Варя заметила, как Валороссо нарочито медленно выбрал серебристый камень в стене и повернул его. Потом осторожно взял руку девушки, показывая, что нужно нажать в отрывшейся нише. Дверь в коридор открылась, и они вышли. Закрыть келью в скале Варе удалось самостоятельно.

Молча троица двинулась в обратный путь. Их неуверенные шаги еще долго откликались эхом в лабиринтах коридора, вырубленного в скале. Девушка отметила, что они напоминают засидевшихся в ресторанчике друзей, которые неуверенной походкой возвращаются темными переулками домой. Ей показалось, что оба спутника усмехнулись в темноте ее шутке. Очевидно, они тонко чувствовали сейчас друг друга. И Варе от этого стало так тепло на душе, будто она разом обрела и отца, и брата.

— Как ты себя чувствуешь? — Джузи настороженно вглядывался в ее глаза.

Они сидели в креслах напротив друг друга в кабинете Валороссо. Откинувшись на спинки, словно после долгой и трудной дороги, оба наслаждались покоем.

— Хорошо, — тихо отозвалась Варя. — Это была Книга Силы?

— Да… Я рад, что не ошибся. Книга открылась тебе с первого раза. Что ты ощутила?

— Видения… Очень много. Словно ускоренное кино. Конкретно ничего не скажу, но уверена, что, вспомнив, четко осознаю их. Переварю, как говорят у нас в России. А еще… удивительное наслаждение. Просто кайф какой-то. Даже не представляю, с чем сравнить. Необычайный восторг, подъем… Время остановилось…

— Тебе удалось глубокое погружение. Прошло почти три часа, но ты вышла самостоятельно.

— А что, можно не выйти? — неуверенно спросила девушка.

— Такие случаи бывали. Книга действует избирательно… Кто-то еле выкарабкивается, но ничего не помнит, а некоторые

остаются в коме навсегда.

— Значит, Вы провели эксперимент? Не объяснив мне ничего…

— Я уже говорил и повторю еще раз. Тебе не свернуть с этого пути. Ты сделала выбор еще в Египте. Игры давно кончились, девочка моя, все очень серьезно… Могу сказать, что сегодня ты шагнула далеко вперед, но путь этот сложен и бесконечен. Теперь ты хранительница Книги Силы. Где она находится, и как к ней обратиться, ты знаешь… Это теперь твое.

Джузи протянул девушке большой медальон на витой цепочке.

— Здесь ключ в комнату с корзиной. Твой замок верхний. Поначалу тебе лучше бывать там с Марчелло и Николя. Надеюсь, ты управишься с нашим лифтом. Он исправно действует уже пару веков. Кто-то всегда должен оставаться наверху у колеса. В случае опасности нужно сильно вдавить колесо от себя в стену. Будь осторожна, когда вращаешь колесо, там большой заряд взрывчатки. Книгу можно брать и одному, только инициации проводятся втроем.

— А если кто-то погибнет?

— Есть еще двое хранителей Книги… Позже ты познакомишься с ними, а на сегодня хватит. Давай-ка спать… Я порядком устал… Да, наши гости утром уезжают. Проверь, чтобы они не унесли лишнего… С цыганкой гловеру придется расстаться, хотя шутка мне понравилась. Пусть вместо вас он запомнит Онарду А у Биатрис должно быть что-то другое… И пожелай мне добрых снов. У тебя это теперь будет очень хорошо получаться.

Глава XI. Санкт-Петербург

— Мари? — Антонио застыл от неожиданности в кресле, но потом вскочил навстречу.

— Привет, — блондинка интригующе улыбнулась, проходя в комнату.

— Святая Дева! — сицилиец не мог побороть волнение. — Откуда ты?

В порыве он обнял нежданную гостью, прижимая к себе. Закрыв глаза, вдохнул знакомый аромат волос и духов русской красавицы. Его голова приятно закружилась, и волна восторга подкатила к горлу, перехватывая дыхание.

— Я так волновался…

— Тони… — позади в проеме появилась плотная фигура Нино. — Боже правый!

— Кто пришел? — налетел на него с размаху Джино и застыл рядом.

— Привет, мальчики! — Маша, не оглядываясь, помахала им рукой.

— Да откуда ты? — Антонио чуть отстранился, чтобы разглядеть гостью, но все еще держал блондинку за плечи. — Они отпустили тебя? Надеюсь, все в порядке…

— Ну, если ты не будешь вытряхивать из меня душу, то я выживу.

— Прости, — дипломат бережно усадил блондинку в кресло, на подлокотнике которого еще дымилась в пепельнице его сигарета. — Не томи. Рассказывай.

— Да мы бы встретили тебя, Мари, — разом выдохнули оба друга, сгрудившись над креслом. — Позвонила бы. Мы места себе не находим…

— Сначала предложите даме кофе и сигарету, — улыбнулась та, явно наслаждаясь произведенным эффектом.

— Нино… — коротко отдал приказание Антонио.

— А что опять я, — обиженно отозвался крепыш, но не стал препираться и отправился на кухню.

— Пресвятая Дева, да скажи толком! — взмолился дипломат, став на одно колено подле блондинки и беря ее ладонь в свои руки. — Мы виноваты, что не уберегли тебя, но это потом. Как ты?

— Приехала на такси, — Маша взяла сигарету из пачки и остановилась, выжидая огонька.

Зажигалка весело щелкнула, и почти бесцветное пламя лизнуло кончик сигареты, словно щенок, встретивший друга на

прогулке. Тому передалось его настроение, и раскрасневшийся от горячей встречи табак обжег туго сдавливающую его белоснежную бумагу с золотым ободком.

— Мы даже не слышали звук мотора, — растерянно произнес Джино, подходя к окну.

— А больше ничего странного не заметили? — голос Маши вдруг изменился.

Антонио замер, не веря своим глазам. Вместо блондинки в кресле перед ним сидела Варя.

— Да не было никакой ма… — Джино не договорил, увидев бледное лицо Антонио. — Стоять! — Выкрикнул он, выхватывая пистолет из наплечной кобуры.

— Погоди, — хрипло произнес Антонио, останавливая жестом застывшего перед прыжком Джино.

— Что? — только и выговорил тот, медленно обходя кресло с пистолетом наготове. — Матерь Божья…

Оба сицилийца застыли, пытаясь понять произошедшую метаморфозу.

— Хотите сказать, что сразу не узнали меня? — насмешливо произнесла Варя, затушив ненужную сигарету.

— Н-нет… — Антонио тупо перевел взгляд на сигарету, которая, обидевшись на незаслуженно жестокое обращение, согнулась и лопнула сразу в двух местах.

— Вот это маскарад, — прошептал Джино, неуверенно пряча пистолет. — Никогда такого не видел. — Он тоже посмотрел на загубленную сигарету, которая испустила дух в виде последней струйки дыма.

— Но от кофе я, пожалуй, не откажусь, — снисходительно улыбнулась Варя. — Да садитесь вы, как дети, право.

— Мари, со сливками… — Нино застыл с подносом в дверях. — Святая Дева, а эта ведьма откуда? — Он побаивался Вари, с того самого момента, когда стал свидетелем ее расправы над бельгийцем в отеле.

— Лучше всем нам воды, — пошутил уже оправившийся от шока Антонио. — И похолоднее.

— Может, виски? — с надеждой в голосе пролепетал Джино.

— А кофе кому? — растерянно вертел головой Нино. — Мари…

— Сеньоры, — рассмеялась Варя, — если вы испугались такой серой мышки, как я, в сорок шесть килограммов веса, то чего ожидать от встречи с флэшером?

— Браво-браво! — Тони плюхнулся в соседнее кресло и хлопнул в ладоши. — Действует на все сто! — Он серьезно взглянул на девушку.

— Нет, вы посмотрите на эту… — Нино стоял подбоченившись и готовый высказать массу эпитетов в адрес нежданной гостьи, но сдержался.

— Потише, брат, — усмехнулся Джино, — а то превратит тебя в лягушку.

Все замолчали, поглядывая на Варю, но та выдержала и не проронила ни слова.

— Нет, в лягушку не надо…

Эти слова Нино были последней каплей. Все расхохотались, выплескивая скопившееся напряжение. Показывая друг на друга пальцем, но не в силах что-то объяснить, Джино и Нино просто согнулись пополам. Антонио не сдерживал громогласного смеха, который поглотил слабые повизгивания девушки в кресле.

Внезапно все замолкли, увидев застывшего в дверях Ческо. Он растерянно хлопал глазами, оглядывая комнату и сжимая в руках поднос с бутылкой «Амаретто» и рюмочкой.

— Только не говори, что Мари… — Нино просто давился от смеха, едва выговаривая слова, — любит кофе с «Амаретто»…

Новый взрыв хохота потряс комнату. Едва оправившиеся от такого представления, сицилийцы до слез смеялись над недоумевающим Ческо.

— Ты сам сказал, что приехала Мари… — повар поставил поднос и гордо удалился.

Вдогонку ему еще звучал смех, но тот не обращал внимания. Он привык к тому, что эти здоровенные парни с пистолетами, как дети, любят сладкое и шалят где ни попадя.

— Ну, ты нас и разыграла, — развел руками Нино. — Как тебе это удалось? Опять свои штучки…

— Надеюсь, вы простите меня, — Варя смахнула слезинки, все еще всхлипывая от смеха. — Получилось забавно… Вы, правда, ничего не заподозрили?

— Клянусь святой Девой, — Джино поднял ладони вверх, будто показывая, что чист. — Никаких сомнений!

— А где же настоящая Мари? — серьезно спросил Антонио. Все тут же притихли, обернувшись к девушке, будто она обязана была все объяснить.

— Собственно, ради этого я и устроила этот цирк, — Варя выпрямилась в кресле. — Мне о похищении стало известно только после Вашего звонка, Антонио.

— Ради всего святого, зови меня Тони и на «ты», а то я чувствую себя пенсионером.

— Хорошо, — тихо отозвалась русская.

— И на меня не держи зла… — Нино потупил взгляд, выдавливая признание. — Ну… за ведьму.

— Ладно, — сдержанно ответила Варя. — Давайте серьезно… Насколько мне известно, вы не продвинулись в своих поисках ни на шаг, — в другой ситуации это прозвучало бы, как оскорбление, но сейчас всем троим возразить было нечем. — Кто-то ведет игру, подсовывая версию о похищении из-за выкупа, но вы уже поняли, что это блеф.

— Он водит нас за нос почти неделю, — зло и четко выговаривая слова, прохрипел Антонио. — Охранная фирма «Бастион» тоже пока ничего не нашла.

— Да Тони даже Интерпол подключил… — не выдержал Джино, но осекся под взглядом дипломата.

— Он каждый раз звонит нам с нового телефонного номера, — поддакнул Нино. — Мы в засаде дважды сидели, но этот черт скользкий, как угорь.

— У меня есть идея, — негромко прервала сицилийцев Варя. — Будем ловить «на живца». Если сработало с вами, то поверит и похититель.

— Нет, — в один голос запротестовали мужчины. — Не хватало нам еще и этого…

— План прост, — как ни в чем не бывало продолжала русская. — Нужно дать мне возможность поговорить с ним по телефону не менее десяти секунд… Думаю, этого хватит, чтобы пригласить его на свидание.

— Да я ему миллион евро в дипломате привозил… — усомнился Нино.

— Я столько не стою, конечно, — развела руками Варя. — Но попробую его заинтересовать другим.

— Что от нас требуется? — сухо спросил Антонио.

— Дать мне поговорить с ним по телефону, — девушка улыбнулась, глядя на Нино. — И не мешать.

— Пойдешь только с нами! — вскочил Джино.

— Ну, нельзя же быть такими ревнивцами, — укоризненно покачала головкой русская. — Вы подождете в сторонке. Надеюсь, он будет вежлив с девушкой.

— Тони, почему она все время издевается, — выкрикнул Нино по-итальянски. — Говорю вам, она ведьма!

— В таком случае, я буду говорить только по-русски, — обиделась Варя.

— Нино… — Антонио легонько похлопал себя ладонью по коленке. — Так и сделаем. Других вариантов пока нет.

Крепыш сверкнул глазами, но сдержался. Он очень не любил все эти штучки, которыми владел Тони, а уж от пигалицы терпеть подобное было невыносимо. То ли дело открытый поединок, где можно поработать кулаками или стилетом. Даже стрелять с

завязанными глазами на слух было куда честнее…

— Последний звонок был позавчера, — рассудительно произнес дипломат. — Тебе придется быть рядом со мной все время. — Он посмотрел на Варю. — Похититель может позвонить в любой момент.

— Согласна.

— Тогда предлагаю поужинать, — голос Антонио приобрел прежнюю уверенность. — Нино, проверь аппаратуру.

— Да я сегодня… — но возражения были напрасны, и крепыш, опустив плечи, вышел.

— Джино, помоги Ческо.

Тот лишь сдержанно кивнул в ответ и отправился на кухню.

— Как Джузи? — дипломат вопросительно посмотрел в глаза Вари.

— Хорошо, — девушка не отвела взгляда. — Ты знаешь о фотографии Джулии?

— Онарда так сбивчиво говорила об этом, что я мало понял.

— Это был гловер.

— Вот как, — насторожился Тони. — Они опять за свое!

— Не волнуйся, я убедила гостя, что все спокойно и больше приезжать не нужно.

— Он поверил?

— Не только, — улыбнулась девушка. — Думаю, он доложит об этом начальству и будет убедителен.

— Мне тоже отчего-то хочется тебе верить, — дипломат закурил и предложил Варе, но та отказалась.

— А еще мы с Джузи прогулялись в нижнюю комнату…

Антонио внимательно посмотрел на собеседницу, но ничего не ответил.

— Тони, это Маша рассказала тебе обо мне, о Египте, о шкатулке?

Он лишь молча кивнул и глубоко затянулся ароматным дымом, давая понять, что не расположен говорить на эту тему. Лицо дипломата стало непроницаемым, он как-то внутренне напрягся и негромко произнес:

— Я буду благодарен, если ты не будешь сканировать меня.

— Хорошо, — тихо согласилась девушка. — Ты должен знать, что Джузи передал мне ключ.

— Ты стала хранительницей? — он опять сдержал свои эмоции. — Надеюсь, это не отразится на наших взаимоотношениях?

— Тони, мне ничего не нужно от Валороссо, — успокаивающе произнесла Варя. — Ты останешься бесспорным лидером, и я никогда не буду вмешиваться… Клянусь! Только давай вернем

Машу.

— Я тоже очень хочу этого!

— Ты… — она замялась, но потом продолжила твердо: — Ты действительно скучал по ней? Прости, что так откровенно спрашиваю… Мне Маша очень дорога.

— Мне тоже… — сицилиец посмотрел девушке в глаза. — Так-таки и не подглядела?

— Для меня главное, что ты чувствуешь, А не то, что говоришь…

Они замолчали, будто рядом оказался третий человек, абсолютно лишний в столь откровенном разговоре. Оба, не сговариваясь, повернулись к окну. На дворе стемнело. Поздняя осень готовилась уступить место первому снегу, но все еще надеялась на что-то. Шаткое равновесие заставило замереть в ожидании и деревья, и прохладный ветерок, и волны на поверхности хмурого залива. Создавалось впечатление, что и время остановилось в раздумьях, пуститься ли вскачь вместе с первыми белыми мухами, что закружатся над серой, непокрытой землей, оповещая о начале русской зимы, или еще погрустить об уходящей осени, поплакав всласть с последними холодными дождями.

Звонок сотового телефона заставил обоих вздрогнуть. — Слушаю, — вскинулся дипломат. — Да, это я. — Его голос был ровным и уверенным.

Пристально глядя Варе в глаза, он сказал еще несколько фраз и быстро передал девушке маленький изящный аппарат. Та на удивление спокойно откинулась в кресле и прикрыла глаза. Затем абсолютно свободно заговорила голосом Антонио. Появившийся было в дверях Джино застыл от удивления, но, увидев, как дипломат замахал на него руками, попятился, осторожно прикрывая за собой дверь.

Казалось, разговор не выходил за рамки обычного в данной ситуации, но Антонио смотрел на Варю, как зачарованный. Он подался вперед в своем удобном кресле и, поджав колени, сложил на них свои изящные ладони с длинными красивыми пальцами. Оставаясь в такой покорной позе, словно сидел на узкой дощечке перед учителем, дипломат время от времени кивал головой в знак согласия. Сицилиец не сводил обожающего взгляда с девушки, слегка раскачиваясь в такт ее словам. На его красивом, породистом лице застыла подобострастная, глупая улыбка. Так продолжалось не более минуты.

— Все, — громко и своим голосом произнесла Варя, возвращая Антонио телефон. Приняв аппаратик из рук девушки, дипломат откинулся на спинку кресла и как ни в чем не бывало

спросил:

— Придет?

— Думаю, что да. У нас в запасе час. Встреча у Поцелуева моста.

— Это где-то в центре?

— Я Питер знаю плохо. Только читала, что этот мост через реку Мойку и с него виден Исаакиевский собор…

— Ладно, найдем. Надо торопиться, времени на подготовку нет.

— Обсудим в машине, — Варя смущенно взглянула на дипломата. — Мне понадобятся деньги и твой паспорт…

Антонио застыл, словно с размаха наткнулся на стену. Потом испытующе посмотрел щупленькой русской в лицо. Девушка мило улыбнулась, чуть наклонив голову набок, и ответила долгим немигающим взглядом. Дипломат глубоко вздохнул, словно решаясь на что-то, и резко вскочил из мягкого кресла.

— Джино, Нино, — крикнул он голосом полкового командира. — Едем!

Сгорбившись под тяжестью времени и миллионов ног, отполировавших его сутулую, не раз перекроенную спину, Поцелуев мост покорно застыл, упираясь в берега Казанского и второго Адмиралтейского островов. Ажурная решетка из литых чугунных кружев да четырехгранные фонари в старинном стиле придавали мосту особый шарм. Несмотря на поздний час и промозглую сырость, было много гуляющих. Романтическое название моста просто притягивало сюда влюбленные пары, любопытных приезжих и тех, кто просто любил бродить по питерским улицам. Уже мало кто помнил, что первоначально имя мосту дали по названию трактира «Поцелуй», который держал неподалеку удачливый купец со смешной фамилией Поцелуев.

Стареющая северная столица некогда огромной и могучей империи медленно угасала и разрушалась. И хотя город носил мужское имя, внешность у него была женская. Некогда изящные дворцы и площади, словно драгоценные камни в одежде светской красавицы, теперь тускло поблескивали в ночных огнях. Безжалостное время оставило серые морщины на когда-то прекрасном лике. Давно миновал ее бальзаковский возраст, и в пустых глазницах брошенных зданий проглядывала безысходная тоска. Но жизнь еще не угасла окончательно. Оставалось немало мест, куда за красотой тянулись романтики и ценители прекрасного. Невский проспект, Дворцовая набережная, Зимний и Воронцовский дворцы, Исаакиевский и Казанский соборы, Летний и Михайловский сады, памятники, обелиски и колонны и, конечно же, львы и сфинксы еще хранили былое великолепие.

Чертова дюжина питерских мостов чем-то напоминала роскошные перстни на старческих пальцах некогда богатой и властной госпожи. Кожа на пальцах хозяйки со временем стала серой и безжизненной, но роскошные перстни с бриллиантами еще сияли. Поцелуев мост неторопливо доживал свой век, и, если бы не стальные ниточки трамвайных путей на его спине, он выглядел бы, как и много лет назад. Почти таким же франтом и повесой. Сколько легенд и преданий украшало его необычную судьбу. Если кто-нибудь из писателей когда-нибудь возьмется сочинить роман, сделав героями ожившие мосты Питера, Поцелуев мост непременно станет страстным любовником, ибо нет другого такого места в северной столице, а возможно, и во всей стране, где случилось столько поцелуев. Первые и последние свидания, признания и клятвы, встречи и расставания, помолвки и венчания… Да разве всего перечислишь! А какие чудные приметы связаны с Поцелуевым мостом! Чем дольше длится поцелуй на мосту, тем дольше будет счастье. Поцелуй на мосту и под мостом обещает блаженство на том и на этом свете. Начав поцелуй на одном конце, а закончив на другом, можно обрести вечное счастье. Не прерывая поцелуй в машине, проехавшей по мосту, или в лодке, проплывшей под мостом, можно навсегда привязать к себе любимого человека, а поцеловав на прощанье именно здесь, можно быть уверенным, что любимый человек вернется. Что говорить о молодоженах! Они просто оккупируют его, блокируя всякое движение намертво, демонстрируя такие поцелуи, что, право, сомневаться в приметах просто нет никакой возможности. И понимающе стоят на обоих берегах трамваи и машины. Улыбаются водители и кондукторы. Именно здесь рождается великое счастье. И не верьте рекордам, записанным в книге Гиннеса. Самые-самые поцелуи бывают только здесь! Пришедший к нам из Европы день Святого Валентина породил новое явление. Теперь не нужно ждать Восьмого марта или прихода белых ночей, можно в стылые февральские метели согреть губы любимой долгим горячим поцелуем и твердо верить, что это на всю жизнь.

— Джино и Нино остаются в машине, — тон Антонио не давал ни малейшей надежды на обсуждения. — Мы с Варей идем на мост. Микрофоны и радиопередатчики на нашей одежде работают в пределах километра. Вы нас слышите, мы вас — нет. Работаем по ситуации. Джино, ты старший. Вмешиваться, только если русской грозит опасность.

— А может, все-таки… — Нино безнадежно умолк, сжимая солидные кулаки.

— Думаю, он вас знает в лицо, — дипломат был спокоен. —

Вспугнуть нельзя. Такого шанса у нас еще не было.

— Мальчики, — Варя говорила очень мягко. — Ничего не случится. Мне бы только его почувствовать. И… ничему не удивляйтесь. Просто поверьте мне.

Девушка осторожно коснулась плеча сидевшего впереди Нино.

— Пожалуйста, не называй меня ведьмой. Ты так часто повторяешь, что я уже выучила это слово на итальянском.

Нино насупился и обиженно засопел, а двое мужчин сдержанно засмеялись.

— И не думай так часто о сексе, — совершенно серьезно произнес Антонио. — А то она подумает, что ты маньяк.

Тут уже сдерживаться никто не стал, и прохожие удивленно оборачивались на припаркованную в двух кварталах от моста машину. Аккурат на изгибе Мойки.

— Тони, ты стой около этого золотого шара на обелиске у края моста, как и было условлено. А я буду рядом. Благо, народу много. Такую серую мышку, как я, никто не заметит. И не подавай мне никаких знаков. Забудь обо мне вообще… Мне бы только его почувствовать!

— Обещай не рисковать, — дипломат не дождался ответа и ускорил шаг.

Его высокая стройная фигура в длинном сером пальто еще виднелась какое-то время среди массы гуляющих, но скоро растворилась в ней. Девушка в черной несуразной курточке тоже смешалась с толпой. На нее действительно никто не обращал внимания. То ли потому, что она была непривлекательна, то ли потому, что стоящие рядом просто были заняты собой.

В наушниках двоих итальянцев, сидящих в машине, были слышны приглушенные голоса гуляющей публики да шорох пальто господина, прислонившегося к гранитному обелиску. Еще несколько минут Нино и Джино напряженно вслушивались, пока не вздрогнули. Но это был всего лишь щелчок зажигалки. Спустя пару минут веселый женский голос попросил у мужчины закурить. Узнав, что тот не скучает, а ждет, голос удалился. Похожие, как две капли воды, минуты ожидания медленно текли, сменяя одна другую. Затем в наушниках раздался радостный мужской голос, звавший какую-то Светлану. Судя по тому, как он оборвался на полуслове, встреча началась с объятий и поцелуя… Очевидно, встреча с Антонио здесь была назначена не случайно. Неизвестный знал особенности Поцелуева моста. Плотная толпа позволяла близко подойти к цели, а набережные и улицы, примыкавшие к мосту с обеих сторон, давали возможность быстро скрыться в переулках.

— Антонио? — следом за именем, произнесенным высоким, если не сказать, писклявым голоском, в наушниках послышался звук, похожий на дружеский хлопок по плечу. — Хорошо, что я тебя встретил! Там девчонки заждались. Пойдем!

— Пойдем, — сухо согласился голос дипломата.

Нино вопросительно глянул на друга, но Джино только отрицательно покачал головой.

— Чего такой скучный, — взвизгнул, изображая смех, незнакомец. — Тут всегда народу много. До полуночи тусуются. И в снег, и в дождь. Я тебя не сразу нашел.

Из первого микрофона продолжали доноситься голоса дипломата и незнакомца. Они были отчетливо слышны на фоне случайных встречных. Второй микрофон молчал. Постепенно посторонний шум стих, и только гулкое эхо шагов двоих прохожих подхватывала пустынная улица. Сицилийцы в машине напряженно прислушивались к малейшим шорохам в своих наушниках, словно охотники в засаде. Неожиданно звуки шагов смолкли. Нино потянулся к ручке регулятора приемника, установленного в передней панели машины под радиолой, чтобы прибавить громкость в наушниках, и застыл. Он услышал скрип кресла под собой. Еще не понимая, в чем дело, обернулся и увидел булавку с микрофоном и передатчиком, воткнутую в краешек кресла. Варя оставила микрофон в машине. Но обсуждать это времени не было. Оба услышали звук, напоминающий электроподъемник стекла в автомобиле.

— Здравствуйте, Антонио, — уверенно заявил кто-то солидным голосом по-русски. Нино поспешно убавил громкость. — Вы хотели поговорить со мной. Садитесь.

После небольшой паузы в наушниках у друзей охнула захлопывающаяся дверь и послышался рокот отъезжающего автомобиля. Рука Нино дернулась к ключу зажигания. Двигатель темно-синего «Альфа-Ромео» взревел, и машина рванулась вперед. Джино уже включил экран на передней панели. На фоне карты города четко пульсировал маячок передатчика Антонио. Спортивный седан сицилийцев, умело лавируя среди множества машин и пешеходов, устремился на выручку. Однако, судя по быстро сокращающемуся расстоянию на экране до маячка, опасение, что дипломат едет в машине, не подтвердилось. Нино притормозил, когда понял, что Тони стоит буквально за поворотом. Он аккуратно прижал машину к бордюрному камню и выключил фары. Друзья напряженно вглядывались в экран.

— Слушай, он идет к нам.

Оба одновременно потянулись к оружию и подняли головы. Дипломат медленно шел навстречу по безлюдному тротуару.

Рядом семенил высокий, болезненного вида парень. Похоже, обладатель того писклявого голоса, что они слышали пару минут назад в наушниках. Через секунду сицилийцы уже стояли у машины, недоумевающе переглядываясь.

— Тебя как зовут? — бросил Антонио в сторону высокого спутника.

— Витек, — неуверенно отозвался тот, странно озираясь.

— Что-то ищешь? — дипломат закурил.

— Н-не знаю я, — почти взвизгнул парень.

— А что сказал тебе тот, в машине?

— В какой?

— Что сейчас уехала…

— Не видел я никакой машины.

— А зачем меня искал?

— Я Вас вообще впервые вижу, — парень испуганно попятился.

— Тогда не скучай…

Антонио сделал знак друзьям и сам сел на заднее сиденье. Те быстро заняли свои места, и машина плавно тронулась с места. Какое-то время они молчали, но Нино вскоре не выдержал.

— Тони, что происходит? Ничего не понимаю!

— Она уехала вместо меня.

— Эта… — Нино сдержался и тихо продолжил. — Русская? — Да.

— Но зачем? — в один голос воскликнули друзья.

— Она внушила похитителю, что сейчас рядом с ним я.

— Ведьма!

— Святая Дева… — Джино покачал головой.

— Забавно, — Антонию явно улыбался в темноте. — Я тоже видел себя со стороны.

— И как?

— Пальтишко хорошо сидит…

— Да брось ты свои шуточки. Голова кругом идет.

— Смотри лучше за дорогой!

— Тони, ты хочешь сказать, что эта ведьма сейчас в твоем обличий едет с тем парнем?

— Именно…

— И он не понимает?

— Надеюсь, что долго не поймет… А тот долговязый уже все забыл. Намертво.

— Это который тебя вызвал к машине?

— Да. Думаю, это был просто прохожий… Храни его Дева Мария!

— Тони, русская оставила в машине микрофон.

— Она не захотела рисковать.

— И что теперь?

— Едем ужинать… Надеюсь, Ческо нас покормит.

— И что, вот так все бросим? — недоверчиво покосился на босса Нино.

— Зачем же, — дипломат казался абсолютно спокойным.

— Сначала узнаем, куда они полетят.

— Думаешь, ей удастся позвонить? Вы условились?

— Нет. Мы поищем в списках пассажиров, вылетевших сегодня из Питера, господина Валороссо. Антонио Фредерико.

— Что за чушь?

— Отнюдь. Русская зарегистрируется по моему паспорту.

— Ты хочешь сказать, что и полиция, и таможня…

— Мой милый Нино, ты же видел сегодня Марию… Даже кофе ей принес!

— Вот ведьма!

— Да, быть тебе лягушкой в русском болоте…

— Чертовщина какая-то, — опять покачал головой Джино.

— Что, она может вот так запросто поковыряться в мозгах у любого?

— Почти, — Антонио стал серьезным. — Я бы многое отдал, чтобы помочь сейчас этой девочке держать в руках флэшера.

— Кого? — разом воскликнули друзья с передних сидений машины, что уже вырвалась из сумрачных объятий города и неслась по пустой дороге к коттеджу на песчаной косе.

— Того, кто похитил Мари…

Они помолчали, прислушиваясь к уверенному рокоту двигателя, который исправно делал свое дело, несмотря ни на что.

Отчего-то это вселило уверенность, что еще не весь мир подвержен кардинальным изменениям, и на душе стало спокойнее.

— Тони, а ты правда видел себя со стороны? — неожиданно спросил Джино.

— Как тебя сейчас, дорогой.

— А ты сейчас это — ты?

Машина резко взвизгнула шинами и чуть вильнула на скользкой дороге, оставляя неровный черный след на сером щербатом покрытии. Трое в салоне пристально вглядывались друг в друга, ища какие-то зацепки.

— Как зовут моего старшего брата? — серьезно спросил Джино, недоверчиво косясь на дипломата.

— Брось, — улыбнулся Антонио. — У тебя только сестры, и ты до сих пор побаиваешься Анжелу. Однажды она тебя

застукала…

— Ладно. Верю.

— Самое смешное в том, что подловить русскую ты не сможешь. Если она захочет, то внушит тебе, что каждый ее ответ правильный или что Нино и есть твой старший брат… И ты будешь его слушаться.

— А что, мне нравится, — хихикнул крепыш и рванул машину с места. — Надо будет попросить.

— Святая дева, — не унимался Джино. — Может, придумать какой-то пароль. Для проверки.

— Дружище, она может сделать так, что ты не только сам скажешь ей все свои пароли, но и не будешь задавать вопросы, потому что не будешь видеть ее.

— И эта ведьма сидит сейчас на заднем сиденье и смеется над нами.

— Нино, а ты не боишься называть ее ведьмой?

— Не-а! Если она не возмущается сейчас, то там ее нет

Глава XII. Анже

Плавное течение реки и днем-то не было заметно, а ночью тихая гладь вообще превращалась в отполированную застывшую массу, сливающуюся где-то с бесконечным черным небом, усыпанным яркими звездами. Ранний месяц едва намекал о своем присутствии тонким изгибом у краешка Млечного Пути. Было тихо. Молодой мужчина сидел в одиночестве на прибрежном песке. В задумчивости он обхватил колени сильными руками, будто сдерживая себя, чтобы не поддаться желанию взлететь к застывшей над ним величественной красоте южной ночи. Откинув назад голову в обрамлении золотистых кудряшек, он смотрел на звезды. Они казались ему миллионами глаз других людей, что жили когда-то на грешной земле, а теперь с грустью глядят на него из бесконечного небытия.

— Александр, можно я посижу с тобой? — девушка остановилась в нерешительности.

— Привет, — коротко бросил он, опуская ненужные формальности.

— Не первый раз встречаю тебя на этом берегу, — она села рядом, так же обхватив колени.

— Здесь мне кажется, что я могу поговорить с друзьями…

— С теми, что ушли? — Да.

— Гефестион?

— Не только… Где бы ни появился на Божий свет человек, самым родным для него останется то, что он увидел и почувствовал впервые. Поэтому мне верится, что друзьям, ушедшим в вечность, хочется смотреть на землю, где они когда-то были счастливы и которую покинули навсегда.

— А ты не можешь вернуться в прошлое, где они живы, и поговорить?

— Закон таков, что вернуться в то время, где ты когда-то жил, нельзя. Доступны только иные миры или другие эпохи.

— И тех, кого ты хоть когда-то видел, уже не встретить?

— Никогда, — мужчина замолчал, и незримая тяжесть передалась собеседнице.

— Тебя угнетает одиночество? — не выдержала она первой.

— Я знал, на что иду…

— Вечность?

— Вечности нет, — коротко оборвал он.

— Но ты умер двадцать три века назад!

— Когда ты прочтешь Третью Книгу, то узнаешь, что существует несколько путей изменения сознания и очень много

уровней его совершенствования. Уже на седьмом уровне тело полностью подчиняется одной из функций сознания.

— И не стареет?

— Ваши ученые догадались, что старение есть результат накопления ошибок при делении клеток. Причин много: наследственность, инфекции, травмы, тривиальные злоупотребления. Стоит только взять под контроль этот процесс, и тело остается на достигнутом уровне достаточно долго. А энергию можно брать не только из пищи. Ты слышала о фотосинтезе, теплосинтезе, радиосинтезе?

— Только первый…

— Опять не учила уроки? — усмехнулся Александр. — Для синтеза новых клеток и запаса энергии используется тепло, мягкое излучение… На более высоких ступенях развития сознания доступна трансформация энергии движения или искривления пространства.

— Пространства?

— Тебя не учили в школе, что предыдущие катаклизмы на этой планете связаны со столкновениями Земли и больших небесных тел?

— В общих чертах…

— С такими знаниями тебя оставят на второй год, — усмехнулся он. — Астероид, что лежит в Мексиканском заливе, при ударе поднял температуру на поверхности до нескольких тысяч градусов, отчего за пару дней испарились все океаны. Другой кусок, что пробил Марианскую впадину, выплеснул из планеты то, что сейчас называется Луной. Все давно остыло, но те искривления пространства на Земле оставили свой след. С тех пор и возможны переходы.

— Переходы куда?

— Сейчас я скажу фразу, которая тебе не понравится, — видя, что собеседница насупилась, но не возражает, он продолжил: — Пространство и время связаны между собой определенной структурой. В месте ее нарушения для переходов в иные миры или другое время не требуется большой энергии. Именно там строили свои пирамиды египтяне и майя, охраняя эти порталы религиозными табу. Вопрос в знаниях и уровне развития сознания. Формула силы Ньютона и энергии Эйнштейна — первые ступеньки.

— Но это же физика!

— Тогда играй в куклы… Или ты хочешь только оставаться вечно молодой и красивой? Нет вечности! Любая звездная система или иной мир существуют ограниченное время. Масштабы разные. Успеешь понять, как все устроено, узнаешь, где

и как перейти по структуре в новое место. На второй год никого не оставят… Впрочем, у тебя сейчас есть только шанс. Выбор за тобой.

— А как же друзья?

— Друзья как звезды в небесах: иных давно следы остыли, тем медленней вода в часах, чем ярче их глаза светили, — извини за плохой перевод.

— Александр… — но светлые кудряшки растаяли в темноте ночи.

— Простите, что Вы сказали? — стюардесса вежливо склонилась над задремавшим итальянцем. — Можете отпустить руку своего спутника. Он спал, как младенец… Мы через двадцать минут приземляемся в Ля-Боль… Принести Вам кофе?

— Нет, спасибо.

Разочарование не коснулось привлекательного лица стюардессы. Дежурная улыбка, как форменная косыночка, элегантно повязанная поверх униформы, была безупречна. Только вернувшись в служебный закуток, разделявший две части салона самолета на «бизнес и эконом», стюардесса позволила себе высказаться:

— Почему мужики становятся голубыми? Видели этого красавчика впереди? Ни на минуту не отошел от своего старичка. Тот, конечно, выглядит неплохо. Костюм отличный, туфли шикарные, но у них разница — лет тридцать.

— Может, это сын?

— Я тебя умоляю! Он весь рейс его за ручку держит…

— Между прочим, твой красавчик по радио такси до Анже заказал.

— Вот как? Я бы с тем старичком поменялась.

— Девчонки, командир посадку объявляет. Пошли проверять.

Таксист с большой табличкой в руках, где было фломастером написано «Марк», искал глазами в толпе прилетевших клиентов. К своему удивлению, он увидел двух высоких подтянутых мужчин уже прямо перед собой. Как он их проморгал…

— Меня зовут Марк. Это я заказывал такси, — пожилой мужчина говорил по-французски со скандинавским акцентом.

— Хорошо долетели, месье… а багаж?

— Мы налегке. Дела, знаете ли.

— Если вы не успели заказать гостиницу в Анже, то у меня кузен держит отличные номера, — увлекая за собой перспективных клиентов, таксист не останавливался ни на секунду. — Отель «Золотое яблоко». В старой части города, недалеко от крепости. Вам обязательно понравится. Место тихое, никаких дискотек, а кухня просто превосходная. Я привожу в его

ресторанчик любителей и знатоков даже из Ля-Боля…

— Хорошо, — сдержанно бросил назвавший себя Марком господин, садясь вместе с молодым спутником на заднее сиденье «Ситроена». — Нам было бы удобно два одноместных номера рядом.

— Специально для такого случая есть два «тринадцатых», — машина уверенно лавировала меж отполированных и сияющих чистотой припаркованных собратьев. — Вы же знаете, что у нас во Франции число тринадцать считается счастливым. Вот поэтому в «Золотом яблоке» есть «тринадцатый беж» и «тринадцатый оранж». В отдельном крыле второго этажа… Правда, они класса люкс и…

— Устраивает, — лениво бросил Марк. — И закажите на ужин «седло барашка» и хорошего «бордо». Пусть сервируют столик в номере. Мы не любим суеты.

Пока «Ситроен» выбирался на скоростной участок дороги, пожилой мужчина время от времени поглядывал на своего молчаливого спутника. Было видно, что оба устали с дороги, и хотели поскорее оказаться в удобных мягких креслах у камина с бокалом доброго вина. Да и что тут возразить! Приходит время, и понимаешь, что ничего нет лучше в жизни, чем хороший ужин в обществе приятного собеседника.

Новые постояльцы встали поздно и легко позавтракали на террасе внутреннего дворика. Отель был отнюдь не дешевый, и в это время многие номера пустовали. Хозяин лично проследил, чтобы кофе для двоих из «тринадцатых номеров» был сварен по его специальному рецепту, и предложил мужчинам по рюмке коньяку из своих запасов за счет заведения. Это было приятно, и мужчины, предупредив, что обедать в отеле не будут, отправились по своим делам в отличном настроении.

Улочки старого города уже заполнились вездесущими туристами. Франция, как красивая женщина, привлекательна в любое время. Великолепные наряды удивительных дворцов и площадей, богатая история, изобилующая интригами и заговорами, греющие душу сувениры и прочие мелочи бесчисленных магазинчиков, базаров и лавок, а блистающие чистотой уютные кафе, бистро, пиццерии, манящие экзотическими запахами азиатские и традиционные французские рестораны… Вообще, еда во Франции — это отдельная песня. Вернее — симфония. В нескольких частях. Лишь близится полдень, и это волшебное слово «миди» звучит, как пароль. Закрываются магазинчики и лавчонки, останавливается движение, затихает суета. Наступает святой час… нет, не молитвы — обеда. Даже простой смертный планирует три-четыре

блюда, дабы отдать должное великой традиции, бережно хранимой благодарными потомками. Миди! Как много в этом слове… Даже впервые приехавшие во Францию поддаются всеобщему восторгу, вливаясь в многочисленную армию поклонников разнообразных салатов, горячих и холодных закусок, копченостей и солений, даров морей и полей, о соусах нужно говорить отдельно и долго, основных и вспомогательных блюд, которые сопровождают отличные столовые вина, и, конечно же, — десерты и еще раз десерты. Э, да что там! Франция, как любая красивая женщина в теле, любит и умеет хорошо покушать. И никакие эпидемии и войны не смогли изменить эту великолепную национальную черту. Во веки веков. Аминь!

— Вы предлагаете купить сувениров? — иронично произнес молодой человек с красивым лицом и акцентом итальянца.

— Почему бы и нет, — сухо ответил его седовласый спутник. — Когда еще выберетесь в Анже?

— Но мы собирались посмотреть крепость, — неуверенно возразил итальянец.

— Именно туда мы и направляемся, дорогой мой. Здесь короче.

Странная пара вошла в небольшую сувенирную лавку. Хозяин вопросительно взглянул на старика, но тот лишь уверенно кивнул в знак приветствия. Они давно знали друг друга, и этого молчаливого разговора было достаточно. Когда посетители скрылись за портьерой в дальнем углу зала, уставленного тысячами самых разных безделушек, на них никто не обратил снимания. Отыскав в полутемном коридоре подсобное помещение, седовласый уверенно вошел, увлекая за собой удивленного спутника. Открыв кодовый замок на потайной двери, они вошли в длинный туннель. Освещая путь прихваченным с полки фонарем, словно дисциплинированные школьники, шли молча друг за другом. Эхо уверенных шагов идущего впереди флэшера обгоняло их и терялось в темноте. А в покинутой ими лавке все продолжалось своим чередом. Разве что хозяин позвонил куда-то и коротко бросил:

— Встречайте Марка с пакетом.

И действительно, через четверть часа дверь на другом конце тоннеля отворилась, и странную пару встретили. Без лишних слов служитель крепости проводил мужчин в небольшую гостиную и предложил кофе.

— Надеюсь, мы не заставили ждать уважаемого лайтера, — флэшер был сама любезность. — Доложите ему, что мы здесь.

— К великому моему сожалению, брат, это невозможно.

— Он еще не приехал? Но лайтер сам назначил мне это

время.

— Вы меня не так поняли, уважаемый Марк… Могу я говорить открыто?

— Вполне, — уверенно ответит флэшер. — Наш гость обладает очень избирательной памятью.

— Магистр и лайтер в глубоком погружении. Ориентировочно еще день-два.

В нависшей тишине неожиданно зазвучал приятный баритон с итальянским акцентом:

— Конечно, беспокоить не стоит. Марк пока посидит здесь. Возможно, сладко вздремнет, а Вы меня проводите к лайтеру и магистру. Я им сам все и расскажу.

Флэшер медленно смежил веки, а служащий охотно кивнул и жестом предложил гостю следовать за ним. Они без помех прошли все посты и двери, пока не оказались в небольшой, едва освещенной комнате. Служащий замка остановился и, указав на портьеру в углу комнаты, неестественно высоким голосом произнес:

— Там…

— Охранять ценой собственной жизни, — услышал он напоследок.

И этот приказ стал смыслом жизни человека, уверовавшего в этот момент, что нет для него более высокой цели. Он уже не видел, что за его спиной портьеру отодвинула худенькая рука невысокой девушки, а не итальянца. Какое-то время она стояла в полной темноте неподвижно, закрыв глаза и доверившись только своей интуиции.

Постепенно Варя почувствовала, что в темной овальной комнате за портьерой полулежат в больших мягких креслах двое незнакомых мужчин. Чем-то они напоминали космонавтов из фантастических фильмов, что ждут своего часа в анабиозе. Но это было не главным. Девушка уловила присутствие Книги. Не видя ничего, русская ощутила, что Книга Света парит над маленьким столиком между спящих мужчин. Не двигаясь, Варя мысленно потянулась к Той правой рукою. Поначалу это движение не получалось, но потом неуверенно и робко образ худенькой руки стал продвигаться вперед. Воображаемые пальцы ощутили приятное тепло. Девушка сняла всю защиту, и блаженное состояние стало реально наполнять ее настоящее тело.

Варя опустилась на пол подле невидимого столика, и Книга над ним чуть двинулась в ее сторону. Девушка лежала неподвижно, а ее воображаемые руки бережно держали в открытых ладонях Вторую Книгу. Следом за приятным теплом видения начали наполнять русскую. Их поток становился все

сильнее и насыщеннее. Словно из огромного источника, она черпала сокровенные знания. Еще не осознавая их, она впитывала и впитывала тайные послания неизвестного разума. Волею судеб девушка стала избранной, и кто-то незримый решил ей открыться. Вновь время остановилось, сливаясь в одно блаженное мгновение.

Когда поток видений прекратился и воображаемые руки выпустили Книгу, девушка очнулась. В темной овальной комнате было так же тихо. Варя нашла в себе силы встать и выйти за плотную портьеру. Служащий замка даже не обернулся, услышав голос с итальянским акцентом:

— Все хорошо. Мы поговорили. Лайтер просил проверить систему видеонаблюдения.

— Я провожу. Но доступ в то помещение…

— Не беспокойся, меня там знают в лицо. Пока лайтер в глубоком погружении, мы должны следить за порядком.

— Будет исполнено.

Служащий подвел гостя к скрытому помещению, где располагалось оборудование контроля и записи со всех видеокамер замка. Остановившись у солидной стальной двери, он указал взглядом на датчики, считывающие отпечатки пальцев. Но взламывать замки или подбирать коды им не понадобилось. Сотрудник службы безопасности, находящийся внутри, явственно понял приказ стереть ненужную информацию на магнитных носителях с тех видеокамер, где могли быть записаны сегодняшние гости. Смутные сомнения о целесообразности этого приказа были подавлены возникшим видением в сознании дежурного. Лайтер лично проинструктировал его и приказал после выполнения напрочь забыть обо всем этом. Ведь технические неисправности иногда случаются.

Обратный путь в гостиную занял чуть больше времени, поскольку итальянец едва передвигал ноги. Он даже иногда опирался о любезно предложенную руку для поддержки. Но других препятствий не было. Закрытые двери им кто-то открывал и приветливо кивал вслед, тут же забывая об этом. В гостиной они обнаружили спящего флэшера. Более трех часов глубокого сна придали Марку бодрость и хорошее настроение. Очнувшись по команде голоса с итальянским акцентом, флэшер вновь взял инициативу в свои руки.

— Спасибо, брат, но ждать мы не будем. Наш друг впервые в Анже и хотел посмотреть город. Мы остановились в отеле «Золотое яблоко», «тринадцатые номера». Сообщите мне, когда лайтер освободится. В любое время. А теперь проводите нас.

— Я знаю этот отель, но думаю, у вас есть пару дней для

прогулок по Анже. В старом городе найдется что посмотреть и где славно отобедать. Да и у нас в замке туристы обожают зал римской культуры и позднего барокко и, конечно же, крупнейшую в Европе экспозицию дворцовых гобеленов.

— Непременно, — согласился Марк и, взяв под руку своего спутника, последовал за служащим к подземному ходу, который привел их в замок несколько часов назад.

Оливье уже год работал посыльным в отеле «Золотое яблоко». Это место он получил благодаря протекции двоюродной тетушки Даниэль. Это обязывало его как-то отблагодарить тетушку.

Вот и приходилось каждый праздник тащиться в маленькую квартирку на третьем этаже у рыбного рынка. Стены и старая мебель этого убогого жилища давно и прочно пропахли какими-то медикаментами. Сколько Оливье помнил Даниэль, она всегда была тучной, неповоротливой и постоянно принимающей какие-то пилюли, микстуры и порошки. Просто маниакальная забота о своем здоровье заставляла старушку все время лечиться. Родственники, как могли, мирились с этим, ведь Даниэль была старшей в их большой семье. Когда все Переоны собирались по случаю очередной свадьбы или похорон, Даниэль усаживали во главе стола. Несмотря на свой преклонный возраст, она отлично помнила всех и никогда не путала даже имена многочисленных малышей.

Мысли о том, что в эти выходные мать просила занести Даниэль очередной пузырек из аптеки, были прерваны подкатившим такси. Оливье метнулся к машине и открыл дверцу, помогая пассажирам выйти. Это были двое иностранцев из «тринадцатых номеров». Воспоминания о вчерашних чаевых придали движениям посыльного необычайную прыткость. Он подхватил из салона такси с десяток красочных пакетов из различных сувенирных магазинов и успел придержать входную дверь. Постояльцы были явно навеселе и шагали неуверенно. Оно и понятно. Истоптать ноги по длинным извилистым улочкам, многочисленным площадям и скверам, а потом не отдохнуть в хорошем ресторане было бы нелепо. В этом все туристы одинаковы.

— Слушай, — обратился к Оливье тот, что был постарше. — Принеси-ка нам кофе и пару рюмок для коньяка.

Небольшая купюра, засунутая небрежно в нагрудный карман униформы посыльного, придала уверенность, что все будет исполнено в лучшем виде. И действительно, через несколько минут в «тринадцатый оранж» постучали. Услышав приглашение, Оливье важно внес большой поднос. Гости сидели у журнального столика и, смеясь, рассматривали покупки. Сувениры были

действительно забавные. О, в Анже их умеют делать! Быстро расставив посуду, Оливье застыл в ожидании указаний. Он уже научился быть услужливым и незаметным.

— А ты шустрый малый, — подмигнул посыльному седовласый постоялец. — У нас есть пару дней перед встречей с партнером. Я-то займусь дегустацией местных вин, а мой товарищ хочет прокатиться по округе. Смотайся в какое-нибудь туристическое агентство и принеси ему рекламные проспекты экскурсий… Держи.

Зажав новенькую купюру в кулаке, Оливье кинулся в дом на перекрестке. Он знал, что за каждого приведенного клиента менеджер агентства платил по одному евро. Рассказав о намерении постояльца, посыльный получил подробные инструкции, пачку ярких буклетов и номер телефона, по которому можно сделать заказ.

Никого из обслуживающего персонала отеля не удивило, что молодой и более энергичный постоялец из «тринадцатого оранж» тем же вечером поехал на загородную дискотеку с лазерным шоу, а пожилой седовласый господин заказал к себе в «тринадцатый беж» бутылку дорогого «Мускадэ» из соседнего винного погребка. К тому же Оливье пришлось побегать по магазинам, отыскивая головку «Голубого сассенаж», покрытого такой пахучей плесенью, что никакие пакеты не могли скрыть его специфический запах. Каждому свое, как гласит латинская пословица.

— Мужчины не так часто дарят цветы друг другу, дорогой магистр, — лайтер широко улыбнулся и развел руки в радушном приветствии. — Но поскольку мы с Вами во Франции, мне кажется, это будет уместным. Примите букет золотистых ирисов, как символ власти.

— Спасибо, — магистр приподнялся в кресле, указывая жестом, куда поставить цветы. — Это действительно символично. Вы намекаете на ту историю с Хлодвигом, когда вестготы едва не разгромили отряд будущего короля франков. Прижатый с трех сторон к реке, он бы погиб, не будь ирисов на мелководье, которые указали путь к спасению. Уходя от погони, всадники срубили цветы, лишая преследователя путеводной нити. Так, в знак благодарности, желтый ирис навеки остался на щите Хлодвига, а затем и — гербе Франции.

— Браво, магистр, Вы не перестаете удивлять нас своими познаниями.

— К сожалению, до сих пор бытует мнение, что королевский цветок — лилия… Господин Дюма внес немало путаницы в головы читателей. С его легкой руки многие до сих пор считают лучшим дуэлянтом королевства при Людовике того

вымышленного гасконца. Однако исторические документы утверждают обратное. Первой шпагой был кардинал Ришелье.

— Снимаю шляпу, монсеньер, — лайтер сделал жест рукой с воображаемой шляпой. — Большинство предпочитает читать романы в домашнем кресле, а не ходить в библиотеки.

— Тонкое замечание, мой друг. Присаживайтесь. Сейчас подадут чай.

— Как Вы себя чувствуете, светлейший? Надеюсь, наш тандем по работе над текстом…

— Копье Осириса не выбило меня из седла, — опередил его магистр. — Простите за каламбур.

— О, судя по реакции, Вы в отличной форме.

— Увы, не физической. В отличие от Вас, дорогой лайтер, мне понадобится еще день-другой, чтобы твердо встать на ноги, но обсудить детали предстоящего эксперимента мне не терпется уже сегодня.

— Методологи попросили тайм-аут до завтрашнего утра. Они проверяют последние детали.

— Ну что же, торопить мы их не будем. Тем более что у Вас есть еще что-то для обсуждения. И, как я понимаю, не самое приятное…

— Мне бы не хотелось огорчать столь знаменательный день, светлейший, но…

— Выкладывайте. Чего уж там.

— Вчера здесь побывал флэшер Марк… с молодым Валороссо.

— Вот как? Давайте-ка все, что известно. С самого начала. Похоже, война докатилась и до Анже.

— После того, как Марк привез русскую в Северную Крепость, он по моему распоряжению вернулся в Питер, чтобы вести игру на похищение. Одновременно он собирал информацию о неизвестном, уничтожившим Гийома, и его связи с Валороссо.

— Понятно.

— Однако позавчера Марк вместе с Антонио прилетел в Ля-Боль рейсом через «Орли» и поселился в Арле но не, как обычно, в нашей гостинице, а в «Золотом яблоке».

— Интересно.

— Мы нашли таксиста, подвозившего их из аэропорта. Это он сосватал им отель своего родственника.

— Значит, выбирал не Марк, — механически вставил магистр.

— Вчера днем они прошли тоннелем в замок из нашей сувенирной лавки.

— Только Марк мог это сделать.

— И прождали в гостиной более трех часов. Потом ушли тем же путем.

— Дайте-ка я угадаю, — оживился магистр. — Запись с камервидео наблюдения в это время не работала…

— Вы правы, светлейший. Однако анализ журнала событий системы управления дверями показал очень необычный маршрут.

— Из гостиной в комнату контроля систем видеонаблюдения?

— Да… Но дверь в комнату управления в этот период не открывалась.

— Интересно, — протянул глава Ордена. — А толщина стальных стенок там…

— Десять сантиметров, светлейший. Я несколько раз попробовал хотя бы что-то «отсканировать» снаружи… Мне не по силам. А уж отдать приказ через метал…

— Я припоминаю. На момент установки системы видеонаблюдения мы считали ее хорошо защищенной от внешнего воздействия… Да, время принимать повышенные меры безопасности.

— На прошлом техническом совете я докладывал о необходимости новой системы с носителями информации на основе однократной записи и вынесении записывающих серверов в другое, труднодоступное место.

— Хорошо, мы вернемся к этому вопросу. А сейчас продолжим… Итак, Антонио мог искать похищенную русскую у нас в крепости. Мог достигнуть какого-то компромисса с Марком. Мог… а что там о маршруте, прослеженном вами по журналу открывшихся дверей во время их визита?

— До контроля систем видеонаблюдения они заходили в овальную комнату…

— О Боже!

Собеседники замолчали в надежде найти хоть какое-то объяснение, отличное от того, что так напугало их. Судорожно хватаясь за малейшую идею, они спустя некоторое время сознавались себе, что все напрасно.

— Вчера мы с Вами работали в тандеме, — тихо и как-то безысходно проговорил магистр. — А значит, были полностью открыты и могли не заметить постороннего…

— Но кто мог решиться на такое?

— Будем исходить из худшего варианта.

— Светлейший, Вы хотите сказать, что младший Валороссо способен на глубокое погружение?

— Или еще кто-то…

Магистр потянулся за стаканом воды и залпом выпил ее.

— Мы с Вами, дорогой лайтер, наивно полагали, что библиотека в безопасности за толстыми стенами Шато-д-Анже. А для кого-то это оказалось легкой прогулкой.

— Я не верю в предательство Марка, — вспыхнул лайтер.

— Кстати, где он?

— Здесь еще один сюрприз…

— Вот как! Сегодня случайно не день дураков?

— Ничего не могу понять, светлейший, но флэшер второй день пьян.

— Я не ослышался? Пьян?

— Так точно, — отчего-то по-военному лаконично отчеканил лайтер.

— Марк, который никогда не брал в рот спиртного, который прожил аскетом более полувека, которому поручались миссии такой сложности, что под силу только шестому уровню мастерства, которого мы хотели сделать настоятелем Западной Крепости… Пьян?

— Я лично посмотрел его, — как мальчишка, оправдывался грозный инквизитор Ордена. — Никаких следов воздействия, но координация движений и речи нарушена. Неадекватно реагирует на вопросы и … все время рассказывает пошлые анекдоты. Когда увидел меня, взял со стола бутылку «Мускадэ» и предложил выпить за дружбу…

— А младший Валороссо?

— Исчез вчера вечером.

— Значит, либо он нашел то, что искал, либо убедился в том, что этого здесь нет, — магистр Ордена задумался. — Давайте-ка Марка и всех, кто мог хоть что-то видеть, к нам в гостиницу… Надеюсь, там найдется место, где можно будет спокойно поработать?

— Через три часа все сделаем, светлейший, — вскинулся лайтер. — Я перезвоню.

Теплый осенний день незаметно сменился тихим прохладным вечером. По закоулкам Луары стал собираться туман. С реки потянуло свежестью и каким-то осенним запахом. Солнце большим оранжевым шаром нависло над покрытым жиденьким лесом противоположным берегом. Сколько ни пытались местные власти и защитники природы восстановить хоть какие-то лесополосы, ничего не получалось. Давно прошелся безжалостный топор по Западной Европе, вырубая под корень все, что могло пойти на строительство кораблей и в топку печей, выплавляющих медь, свинец, железо, а потом и чугун. Остались небольшие национальные парки да разделительные лесополосы, которые часто страдали при пожарах.

Интуиция подсказывала магистру могущественного тайного Ордена, что они на пороге больших перемен. Он лихорадочно прикладывал все силы, чтобы стать первым и самому начать перемены, но, похоже, он опаздывал. Кто-то более сильный и удачливый опережал его. Конечно, он разберется в ситуации и примет все необходимые меры, но это будет только вдогонку. Где же он ошибся и упустил инициативу? Его рука почти сжимала Копье Озириса, о котором мечтало не одно поколение Сынов Света. Казалось, еще одно усилие— и он уподобится Зевсу, способному метать молнии с Олимпа… Увы, эта мечта вновь стала погружаться в туман, как и берег Луары у подножья замка, в зарешеченное окно которого магистр сейчас смотрел на закат.

— Чей же это закат? — мелькнула в голове ироничная мысль, но он прогнал ее.

Прочитав молитву для укрепления духа, магистр почувствовал себя лучше. Солнце на закате всегда отдает много энергии. Все живое перед смертью ищет кого-то, чтобы отдать накопленные жизненные силы или знания. У человека это часто бывает в виде покаяния, и подобное признание всегда искренне и дорогого стоит.

Эти размышления прервал звонок сотового телефона. Лайтер сообщал, что все, кто мог пролить свет на странные события вчерашнего дня, собраны в их гостинице, а машина уже ждет магистра у подъезда… Ну что же, поиграем, господин Валороссо!

Первым был Марк. Он действительно вел себя абсолютно развязано и вызывающе. Не расставался с бутылкой вина, хотя и едва держался на ногах. Даже строгий взгляд главы Ордена не произвел на него никакого впечатления. А бывало время, когда послушники монастырей падали от такого в обморок.

Одной заученной фразой и жестом руки магистр заставил мятежного флэшера заснуть глубоким гипнотическим сном и склонился над несчастным. Потом подозвал лайтера и, чуть сузив глаза, спросил с недоброй усмешкой:

— Как Вам это нравится?

Лайтер погрузился в созерцание, то чуть приближаясь, то поднося руку, то отстраняясь и наклоняя голову набок. С задумчивым жестом коснулся подбородка, искоса взглянув на магистра.

— Вы об этом сером пятнышке в центре удовольствий?

— Ну конечно! — встрепенулся глава Ордена.

— Возможно, это следствие… попойки.

— Не соглашусь с Вами, любезный! Это не следствие. Это — причина!

Инквизитор Ордена был в растерянности и не посмел

возразить.

— И сейчас я это докажу… Дело в том, что при посвящении на каждую ступень мастерства мы всегда очищаем кандидату центр удовольствий. Поэтому в Ордене нет курильщиков, алкоголиков, игроков и прочее. А это серое пятно гипертрофировано. Я бы сказал, это роковая метка. Она заставляет флэшера испытывать сильное алкогольное опьянение от любого намека. Название напитка, этикетка, соответствующая фраза… Понимаете?

— Хотите сказать, что мы все время подстегивали этот процесс сами, задавая вопросы, укоряя и пытаясь отнять бутылку?

— А что, действительно отнимали? — усмехнулся магистр.

— Тогда понятно, почему он ее до сих пор держит. Впрочем, это она его держит за горло… Простите за каламбур.

— Считаете, что нужно убрать все намеки на спиртное, и он протрезвеет?

— Проще, дорогой мой… Я думаю, нужно убрать причину. Магистр вытянул обе руки с растопыренными от напряжения пальцами над спящим седовласым мужчиной. Затаив дыхание он простоял так с минуту, потом расслабился и попросил лайтера:

— Пригласите следующего.

В комнату вошел смущенный таксист. Он мял в руках форменную фуражку и мямлил едва слышно какие-то извинения. Без лишних слов его усадили в кресло и приказали заснуть. Сосредоточившись над ним, оба собеседника пришли к единому мнению. Воздействия не видно. А след от Валороссо в памяти почти такой же, как у флешера — синеватый. Разве что оттенок с примесью зеленого. Безразличный… Такой же результат дало «сканирование» памяти у хозяина отеля и официанта. Последним был посыльный.

— Мне кажется, то же самое, светлейший. Разве, что зеленоватого оттенка нет у пятна. Возможно, Валороссо привлек внимание парнишки щедрыми чаевыми.

— Нет, мой друг. Это четкое воздействие. Очень аккуратное.

— Хотите сказать, что последнее впечатление парнишке подменили?

— Его заставили о чем-то забыть. Это зацепка. Поймем, что это было— потянем за ниточку.

Троим из «Золотого яблока» по очереди приказали рассказать в деталях события прошедшего вечера. Выяснилось, что парнишка бегал в туристическое агентство за рекламными буклетами. Что было дальше, он забыл. Напрочь.

— Пусть привезут все буклеты из их номера, — распорядился магистр тайного Ордена. — А я пока отдохну. Это отнимает у

меня слишком много сил.

Номер в гостинице, принадлежавшей братству, не баловал постояльцев роскошью. Все было рассчитано на тех, кто привык к скромности в быту. Мебель была простенькой, но вот чай здесь готовили отменный. Заваренный на чистой горной воде, с набором редких трав, он быстро восстанавливал силы. Лайтер ухаживал за обессиленным магистром, не пускаясь в пустые разговоры. Он даже уговорил главу Ордена поспать полчасика, пока не вернулись посланные в «Золотое яблоко».

— Прошу прощения, Светлейший, — прошептал ласковый голос над ухом спящего. — Извольте взглянуть.

Пачка красочных буклетов лежала на небольшом столике. Реклама гостиниц, ресторанов, ночных клубов и прочих увеселительных заведений была самой обычной. Однако магистр не стал тратить время на их тщательное изучение. Его властный голос приказал посыльному проснуться и просмотреть буклеты. Парнишка растерянно перебирал глянцевые обложки и пожимал плечами. Потом неожиданно произнес:

— TGV — лучшее лекарство от скуки.

Лайтер замер, пытаясь осмыслить это, но магистр опередил его:

— Лекарство?

— Когда я брал буклеты в туристическом агентстве, — неуверенно произнес посыльный, — там была реклама с таким слоганом. Я еще отметил, что должен занести лекарство тетке. Вечером после работы… Этого буклета здесь нет.

— TGV? — уточнил магистр.

— Да, месье. Про лекарство я точно запомнил.

— Ну, что же. Ты заработал десять евро. Держи.

Когда ессеи остались вдвоем, глава Ордена победоносно взглянул на лайтера.

— Что скажете, друг мой?

— Валороссо поехал скоростным поездом. Скорее всего, до Марселя. А там рукой подать до Сицилии. Не понимаю, зачем было это скрывать.

— Извините за глупый вопрос, любезный, сколько скоростных составов TGV отправляются из Лондона в Стамбул ежедневно?

— Три, Светлейший. Каждые восемь часов. Остановки только в шести крупных городах.

— Думаю, что это хорошо известно всем, кто часто ездит по Европе…

— Хотите сказать, что ни Марк, ни Валороссо не стали бы искать время отправления TGV со станции в Анже?

— Конечно… Но этого не знал тот, кто взял рекламный

буклет.

— И этот кто-то не знает технику, иначе бы он не оставил журнал событий по дверям у нас в крепости.

— Вот Вам, дорогой лайтер, и черты к портрету неизвестного пока нам мастера. Не дружит с современной техникой, редко бывал в Европе, не ездил на TGV, бережно относится к детям, очень аккуратно работал с русской, по имени Мари.

— Легко превратил в животное флэшера пятого уровня, — припомнил озадаченный лайтер. — А Марка, флэшера практически шестого уровня мастерства, сделал алкашом.

— Это все мелочь, любезный… Он посетил овальную комнату, когда мы были там в глубоком погружении.

— Светлейший, Вы намекаете…

— Это избранный, прочитавший обе Книги!

Глава XIII. Александрия

— Джузи, простите, что говорила с Вами по телефону голосом Антонио, — Варя сложила ладошки в умоляющем жесте.

Я не могла рисковать.

— Я догадался, что это ты, — старик едва улыбнулся глазами. — Тони не стал бы так просить о помощи. Значит все получилось… Но зачем тебе сертификат дайвера?

— Мой остался в России, — девушка серьезно посмотрела на сицилийца. — У меня было видение. Третья книга спрятана под водой… И почему-то идет буква «Т».

— Вот как? — Джузи чуть наклонил голову. — Надпись начинается на букву «Т»?

— Нет. Был какой-то контур… Большой… Размытый.

— Что же, загадки в стиле Книги… Знания, сосредоточенные в Ней, предназначены для интеллектуалов, а не религиозных фанатиков… Она еще поиграет с тобой.

— Поиграет? — девичьи брови взлетели вверх.

— Те, кто создавал Книгу, не знали, на каком языке мы будем говорить, какие единицы измерений использовать, каким богам молиться… Но они хотели передать знания тем, кто поймет, что такое время, познает законы звездного неба… и сможет решать загадки.

— В сказках героям задают хитрые загадки…

— Примерно так, — лицо старика оставалось неподвижным. — Знания откроются только чистому душой… Пока информация первых двух Книг будет дремать в тебе до какого-то момента и проявляться самым странным образом. Ничему не удивляйся. Твоя цель — третья Книга.

— Не удивляться? — Варя вспыхнула. — Да во мне уже что-то происходит. Я уже слышу чьи-то голоса…

— Тебе не свернуть с этого пути, девочка. Гребень Хатшепсут ведет тебя особой дорогой.

— Дорогой куда?

— К знаниям иной цивилизации.

— Зеленые человечки…

— Не обязательно. Они могли жить и на Земле до какого-нибудь грандиозного катаклизма… Кстати, могу я взглянуть на гребень?

Варя в нерешительности замолчала, сцепив пальцы рук. Но Джузи опередил жестом ее возможные возражения.

— Нет-нет В руки его никому не давай и никогда ни с кем не обсуждай. Гребень сам ищет хозяина… Прости мне старческое

любопытство. Я читал о нем, но никогда не видел. Можно лишь издали взглянуть?

Девушка повернулась к сицилийцу спиной, и быстрым движением руки приподняла волосы на затылке. Небольшой, под цвет волос гребень, был аккуратно спрятан в ее прическе.

— В прежние века ты могла бы стать с его помощью великой царицей, — глаза Джузи сверкнули. — Это не только талисман — в нем великая сила… Надеюсь, разум твой не ослепнет.

Они помолчали, как делали это прежде. Без напряжения или неловкости. Просто чтобы подумать. Люди, обладающие такой привычкой, порой кажутся странными в общении, но когда встречают себе подобного, становятся счастливыми собеседниками.

— Позови, пожалуйста, Бени, — старик кивнул на дверь.

Когда охранник вошел, заполняя комнату не только большим сильным телом, но и какой-то уверенностью, оба посмотрели на него снизу вверх.

— Тебе понадобятся деньги и новые документы, — Джузи ласково улыбнулся русской, будто извиняясь. — Элизабет Тревес из Глазго. Студентка. Изучает скульптуру Позднего Царства… Жаль, что ты не говоришь по-итальянски. Мне так хотелось сделать тебя на время Джулией… Прости… Эта девушка действительно живет в Объединенном Королевстве и даже твоя ровесница, но в остальном больше похожа на меня. После аварии передвигается в таком же кресле. Так что вы вряд ли пере сечетесь… Здесь документы и сведения о настоящей Элизабет.

Молчаливый охранник протянул Варе пакет, из которого девушка по очереди стала извлекать паспорт, водительское удостоверение, лицензию дайвера и пластиковую банковскую карточку, с интересом их разглядывая. Последними оказались несколько отпечатанных на принтере листков с текстом и черно-белыми снимками.

— Документы сделаны неплохо, — тихо проговорил Джузи. — Но в аэропорту лучше не рисковать, а для внутренней полиции сойдет… Куда же ты направляешься?

— Какие-то намеки на Александрийскую библиотеку…

— У нее была несчастливая судьба. Сначала почти вся сгорела в сорок седьмом году до рождества Христова во время осады города войсками Юлия Цезаря. И хотя птолемеи восстановили ее за счет Пергамской библиотеки, она вновь была частично уничтожена христианскими фанатиками при императоре Феодосии. Затем ей досталось от арабов в седьмом веке при халифе Омаре, и окончательно библиотека пропала при землетрясении тринадцатого века. Есть сведения, что часть

города ушло тогда под воду.

— Последние несколько лет дайверы публикуют много сообщений о находках в бухтах Александрии…

— Ну, что же, Александрия так Александрия. Это более тысячи километров от нас… Бени, возьмешь «Афродиту» и доставишь девочку к устью Нила… Хамид сейчас не занят? Вот и хорошо. Поговори с ним. Пусть ее встретит.

Джузи перевел взгляд на Варю.

— Хамид пройдоха, как и все арабы, но обязан нам многим. Он приготовит для тебя джип. Там будет шифрованный канал прямой связи с ним. Больше никому не доверяй. Я постараюсь быть в курсе событий, но главное теперь — это ты сама.

— Пока ничего определенного не произошло, Джузи.

— Все только начинается… Эх, если бы это было лет тридцать назад.

— Но я даже не представляю…

— А ты думала, что появится карта с крестиком?

— Я не знаю… — глаза девушки были полны тревоги.

— Основная беда в том, что ты не хочешь поверить в себя. Тебе выпало великое счастье. Провидение выбрало тебя из миллиардов живых душ. Это сложно понять? Просто поверь.

Сердцем.

— Но я же только…

Старик посмотрел на нее долгим взглядом.

— Открывший сердце обретет счастье… Храни тебя Святая Дева.

Эти слова еще долго звучали у Вари где-то в груди или сердце… а может, там, где находится душа. Так иногда бывает, что сказанные очень искренне слова вызывают у нас целую бурю эмоций. Возможно, это именно то, что мы хотим услышать, или то, во что верим. И неожиданная, ни с чем не сравнимая эйфория вдруг переполняет нас, заставляя отзываться на услышанное заветное слово всеми частичками восторженной души. Она ликует, опьяненная счастьем. В такие мгновенья нетрудно поверить, что «вначале было Слово».

Мощные двигатели монотонно гудели где-то в недрах изящного корпуса гидросамолета «Афродита». Пролетая над самыми волнами, он был невидим для радаров и оставлял едва приметный след на воде от двух пропеллеров на крыльях. Это чем-то напоминало поземку, заметавшую воображаемую тропинку на морской глади, ведущей к далекой пристани, а затем и к старому дому на главной площади Трапани, где у открытого окна сидел в инвалидном кресле старик. Его подслеповатые глаза, не мигая, смотрели в темную даль, и верилось, что именно им под

силу разглядеть на огромном расстоянии грустное лицо девушки в кресле небольшого самолета, уносящего ее прочь от берегов острова. Близкие люди обладают удивительной силой воображения, позволяющей легко преодолевать любые расстояния, чтобы коснуться или защитить того, кто живет в сердце.

— Поспи, — грубый голос Бени неуверенно произносил английские слова. — Прилетим только утром.

Слабый зеленоватый свет приборной панели едва освещал его волевое лицо. Он был из той породы сильных мужчин, которым не нужно красиво говорить или ловко что-нибудь мастерить руками. Одно его присутствие вселяло покой и уверенность. Несуетливый и молчаливый человек, преданный тому, во что верил и любил.

— Спасибо, Бени, — девушка старалась говорить громко, чтобы сидящий за штурвалом мужчина ее услышал. — Посижу здесь. Очень красиво.

Тот без лишних слов взял в боковом отсеке кабины теплый плед и укутал девушку, как ребенка. Она благодарно кивнула, разглаживая невидимые складки руками. Стало тепло и уютно. Впереди темная полоска воды постепенно переходила в звездное небо. Никаких огней в округе на десятки километров. Девушке было непонятно, как пилот ориентируется, выбирая рискованную высоту. Они скользили в узком черном пространстве между двумя мирами — звездным и морским. Оба были бесконечными, загадочными и манящими. Постепенно монотонный гул двигателей вытеснил из сознания все события прошедшего дня, и воспоминания стали постепенно наполнять его.

Всплывали лица Маши и Анвара, смущенные глаза Амиля, недовольное выражение капитана Самиха и хитрый прищур господина Фатхи. Варе даже вспомнился тот огромный букет роз, вернее бутонов, которые вот-вот должны были открыться. А ведь это был единственный случай в ее жизни, когда мужчина подарил ей цветы. Как женщине. В знак признательности… Ну, или в знак чего они там это делают. Жаль, что пришлось тогда отдать букет Жанке. Впрочем, она с такой легкостью поверила, что букет был предназначен именно ей, что переубеждать этот «перезревший бутон» было просто невозможно. Огромный ребенок, более похожий на слоненка, плакал от счастья. Да, много ли девушке надо!

Появился образ мамы. Всплеснув руками, она осуждающе покачивала головой. Варя даже сама повторила ее любимую фразу: «Что же теперь будет!». Обычно слова звучали не как вопрос, а как упрек. Однако продолжалось это с самого детства, и

однажды дочь нашла ответ в книге Гашека. Слегка изменив слова бравого солдата Швейка, она мудро отвечала на все замечания матери: «Ну, как-то оно будет, ведь не может так быть, чтобы никак не было».

Внезапно возникло испуганное лицо Маши. Она что-то искала в темноте. Шарила на ощупь вытянутыми руками. Прислушивалась. Резко обернувшись, шла в обратную сторону, но и там не находила ничего и останавливалась в растерянности. Варя мысленно дотянулась до подруги рукой и погладила ее растрепанные волосы. Блондинка вздрогнула и медленно повернула к девушке свое лицо. Робкая улыбка тронула краешки красивых полных губ. Зрачки судорожно искали кого-то и не находили. Маша чуть наклонила голову и осторожно поднесла руку к своему уху, там, где девушка мысленно поправила выбившийся локон. Варя скользнула своей воображаемой ладонью к щеке подруги и нежно погладила. Маша тут же прижала обе свои ладони, стараясь задержать Барину руку. Они так и застыли в этом ласковом порыве, растянувшемся на тысячи километров. Девушка почувствовала, как что-то теплое скатилось по ее щеке. Грустные глаза блондинки тоже наполнились слезами. Она прижимала обе свои ладони к щеке и беззвучно плакала. Варя сделала над собой усилие и улыбнулась. Высвободив свою воображаемую руку из-под ладошек подруги, она погладила ее по голове, приговаривая: «Закрывай глазки и спи, все будет хорошо». Та послушно смежила веки и расслабилась. Варя неожиданно для себя зашептала: «Спят усталые игрушки…». Она произносила знакомые слова очень тихо и вкрадчиво. Маша широко улыбнулась, и ее красивое лицо вновь стало счастливым.

Неожиданно Варя услышала два звонких детских голоса. Они словно шалили меж собой и одновременно обращались к Варе: «А отчего игрушки устали? А разве игрушки спят? А игрушкам какие сны снятся?». Как и многие любопытные дети, голоса засыпали вопросами, не дожидаясь ответов. Потом рассмеялись над чем-то неведомым и растворились в темноте.

Должно быть, Варя задремала, потому что захотелось потянуться, разминая затекшее в одной позе тело. Прогнувшись, она развела руки в стороны до боли, потом протерла глаза. Прямо по курсу яркая золотистая полоска над морской равниной готова была прорваться солнечным диском. Горизонт словно выгибался под напором мощного божества, прорывавшегося из-под тяжести придавившей его темноты. Величественное зрелище! Как легко понять людей ушедших цивилизаций, обожествлявших солнце. Вырвавшись, наконец, в этот мир, светило выплеснуло на

его просторы бесконечное количество тепла и света. Саму жизнь. Такое под силу лишь Создателю.

— Тут кофе, — Бени застенчиво улыбнулся, протягивая русской небольшой термос. — Чашки справа, в стенном шкафчике.

— Спасибо, — Варя с благодарностью взяла небольшой черный цилиндр. — Очень кстати.

Откинув боковую дверцу в горизонтальное положение, девушка закрепила термос в импровизированном столике и достала все необходимое для кофе. Пару пакетиков с разными сортами галет, порционные сливки, нарезанные ломтики сыра и ветчины в вакуумной упаковке. На фоне этого пикника изящная чашечка из тонкого фарфора, что просвечивал в лучах восходящего солнца, была просто восхитительна. Встречается немало сторонников спартанского образа жизни, но даже их суровые сердца дрогнули бы перед таким внезапно возникшим уютом. Чьи-то заботливые руки приготовили все необходимое, чтобы гостю было комфортно. Продуманные углубления в поверхности столешницы позволяли не думать о вибрации, расставляя нехитрые кофейные принадлежности. Нажав на крышку термоса, Варя наполнила чашечку ароматным кофе. Его замечательный запах тут же заполнил кабину. Захотелось даже зажмуриться, чтобы запомнить этот миг блаженства. И чтобы он длился как можно дольше… Она протянула одну чашку Бени, а другую взяла сама. Молча кивнув друг другу в знак некоего торжественного обряда, они пригубили напиток. Да, порой обычные вещи становятся для нас знаковыми. Нужно только уметь увидеть это.

«Афродита» резко сбавила скорость и, выполнив лихой вираж, заскользила по воде. Постепенно притормаживая, самолет выключил двигатель и остановился в нескольких метрах у небольшого суденышка. Мастерский маневр пилота вызвал восхищение, высказанное с преувеличенным восторгом на приличном английском.

— Да ты просто виртуоз, Бен. Управляешься с такой махиной, как со скрипкой.

Щупленький араб в свободной белой одежде стоял на раскачивающемся борту поблескивающего свежей краской катера. Он махнул рукой и показал длинные некрасивые зубы. На первый взгляд, встречавшему было лет двадцать пять — двадцать семь, но двигался он как-то очень лениво.

— Для тебя я Бени, — огрызнулся пилот, ловко накидывая швартовый на кнехту катера. — Джип приготовил?

— Обижаешь, я же обещал, — слащаво улыбаясь, развел

руками в знак примирения араб.

— Документы и ключи отдашь Элизабет, — охранник кивнул в сторону девушки. — Она покатается, сколько захочет. А ты не отходи далеко от приемника… И пока не кури эту гадость.

— Зачем так говоришь? — араб смотрел, как Варя самостоятельно спрыгнула из проема открытой двери гидросамолета на борта катера, но руки ей не подал. — У Хамида всегда все хорошо.

Бени с размаха кинул в араба небольшую Барину сумку, чтобы тот не подумал увильнуть хотя бы от этой помощи. Хамид от неожиданности вцепился в спортивную сумку обеими руками, стараясь удержать равновесие. Не начавшаяся дискуссия была прервана видом огромного кулака сицилийца, чей однозначный жест был адресован арабу.

— Головой отвечаешь за нее, — Бени был немногословен. — Звони мне в любое время.

— Зря волнуешься, дорогой. Все мои родственники любят англичан и английскую королеву. Как родных, клянусь Аллахом! Эту красавицу примут в любом городе, как самого дорогого гостя. Пожелает — замуж выдадим. Я сам ей в приданое десять верблюдов подарю.

Порыв ветра натянул на щупленьком теле Хамида белые полы галабея, обнажая волосатые лодыжки в сандалиях на босу ногу. Громкие слова о дорогом подарке трудно было увязать с жалким видом человека, заявившего о нем.

— Носки себе лучше купи, — кинул напоследок Бени, одним уверенным движением сдергивая швартовый конец с кнехты катера. — Если этот прохвост что-нибудь забудет сделать, звони мне, — крикнул пилот Варе, собираясь захлопнуть дверь самолета. — У меня для него всегда найдется лекарство…

Двигатели на белоснежной «Афродите» взревели, и, коротко разбежавшись против ветра, гидросамолет скрылся в утренней дымке. Двое на палубе катера еще какое-то время смотрели вслед удаляющемуся звуку, потом встретились взглядами.

— Меня зовут Хамид. По просьбе Джузи я и мои родственники будут помогать тебе. Я помню добро.

— Элизабет, — Варя смутилась, впервые произнеся свое новое имя. — Да мне только машина нужна…

— Э, нет. Сначала позавтракаем, и ты все расскажешь. У меня хороший дом. Гостем будешь…

Внезапно араб запнулся. Как-то ссутулившись, покорно поплелся в рубку и завел двигатель. Несмотря на свой неказистый вид, катер быстро набрал приличную скорость. Очевидно, по просьбе хозяина тут на славу поработали механики.

Вдалеке показалась желтая полоска берега, но оба молчали. Один мысленно ворчал на сицилийца, прозванного в поселке Биг Беном, другая спрашивала себя, отчего ей не сидится на месте и она опять ввязывается в какую-то авантюру, да еще опять с арабами.

Катер, сбрасывая скорость, перпендикулярно развернувшись к движению, мягко ткнулся бортом в старенький причал. Деревянный настил жалобно скрипнул и умолк. Стало непривычно тихо. Знакомый Варе мир остался где-то очень далеко. Шагнув с борта катера на причал, она поняла, что вновь ступила в иной, тысячелетиями живущий по своим законам мир.

Метрах в ста от причала протянулась улочка с приземистыми глинобитными постройками. Невысокие толстые стены заборов окружали дома, образуя небольшие дворики, но там не было видно ни единой живой души. Хамид уверенно шагнул в третий двор, где стоял солидный дом, явно превышающий соседние.

— Вы не обидитесь, если я откажусь от завтрака, — вкрадчиво и четко произнесла гостья по-английски. — Мы перекусили в самолете, и я очень тороплюсь.

— Нет проблем, — на манер американских киногероев быстро отреагировал хозяин. — Женщины сейчас соберут Вам что-нибудь в дорогу, а я покажу джип.

Он бросил мимоходом что-то по-арабски в сторону дома, даже не удостоверившись, слышал ли его кто-нибудь, и указал жестом следовать за ним. Большая серебристая машина с затемненными окнами стояла под навесом. Это в России автолюбители прячут своих «коней» от снега и дождя, на юге — от солнца. Хамид быстро познакомил девушку с особенностями управления. Показал, как работает навигация и где лежат обычные карты на всякий случай. Объяснил режимы работы спутникового радиотелефона на борту. На отдельном листе дал целый список имен, рядом с которыми были обозначены названия городов и телефонные номера.

— Это мои родственники, — араб сделал многозначительную паузу. — Достаточно сказать, что Вы от Хамида, и они все сделают. В бортовой записной книжке радиотелефона есть копия этого списка. Вызывается первой кнопкой. Звоните любому из списка и говорите по-английски. Для связи со мной нажмите шестую кнопку радиотелефона. В джипе два бака по сто литров. Заправляйтесь, когда будет менее трети. Канистры в багажнике используйте только в экстренном случае. Застрять в пустыне такому новичку как Вы, опасно.

Он взял два больших пакета из рук бесшумно подошедшей и покорно ждавшей женщины в белых одеждах до пят.

— Холодильник на заднем сиденье. Пищу долго там не держите. Каждый день покупайте свежую. Лучше по утрам. Воду пейте только из пластиковых бутылок. Никого не подвозите. Детей на дорогах часто используют как приманку для глупых туристов. Документы, деньги и свой сотовый в машине никогда не оставляйте. Захотите остановиться в отеле— выбирайте самый дорогой в центре города. Контрольные звонки мне каждые два часа. Просто нажмите шестую кнопку. Можно ничего не говорить, за минуту я определю местоположение машины. В непредвиденных ситуациях возвращайтесь на место последнего сеанса связи.

Араб замолчал и взглянул на девушку.

— Я бы поехал с Вами, но это великий соблазн для правоверного. Коран запрещает.

— Нет-нет, я справлюсь. Вы очень подробно мне все объяснили.

Варя почти запрыгнула на высокое сиденье. Несколько минут она осваивалась, дотягиваясь до всех органов управления, потом завела двигатель. Набрав на экране навигатора команду «пункт назначения», девушка стала рассматривать предлагаемые города и без колебаний «щелкнула» на Александрию. Хамид открыл ворота, и джип медленно выкатился на дорогу. Стрелка навигатора уверенно показывала направление. Прежде путешественники ориентировались по звездам, затем по компасу, а теперь им не нужно даже выглядывать из кабины авто. Впрочем, раньше девушка вряд ли отважилась в одиночку отправиться по чужой стране искать то, чего никогда не видела.

Почти сразу же на шоссе стали попадаться указатели на Александрию. Великий некогда город притягивал к себе многих.

Торговцы, бизнесмены и толпы туристов катили утром по дорогам, что стекались со всех сторон в последнюю столицу последних царей Египта. Основанный Александром Македонским двадцать четыре века назад, этот необычный город почти семь веков был столицей умирающей империи. Одно из чудес света — Фаросский маяк— возвышался на его окраине, как символ могущества. Время и землетрясения уничтожили его, но многие до сих пор тянутся к останкам, чтобы хотя бы прикоснуться к великому.

Солнце светило в спину, да и движение было достаточно плотным, чтобы совершать какие-то рискованные маневры, так что Варя быстро освоилась и чувствовала себя уверенно за рулем незнакомой машины. Постепенно множество кнопочек и рукояток уже не казались враждебными, а становились удобными помощниками. Кондиционер исправно поддерживал прохладу в

салоне, а одна из радиостанций передавала европейскую музыку. Решив проверить связь, а заодно и разузнать об отеле, девушка позвонила Хамиду.

— Есть дорогие «Шератон» и «Палестина», но рекомендую «Виндзор», а может, погостите у моих родственников? Такой стол накроют… Эх, я бы сам не отказался!

— Спасибо, уважаемый, но мне будет спокойнее в привычной обстановке, а вот если найдется смышленый мальчишка лет двенадцати в качестве проводника, то я была бы очень благодарна…

Варя медленно подкатила к элегантному пятиэтажному зданию отеля «Виндзор». Она без церемоний оставила свой джип напротив входа и решила осмотреться. Тут же ее кто-то дернул за рукав.

— Элизбет?

Варя обернулась. На нее смотрели лукавые карие глаза из-под шапки курчавых смоляных волос.

— Только не говори, что тебя зовут Али, — едва выговорила девушка по-английски, с трудом сдерживаясь от смеха. — Ты очень похож на мальчика из мультфильма.

— Нет, меня зовут Фахим, а ты приехала из Англии, и тебе нужен гид. Я очень хороший гид.

— Кто же тебе это сказал? — всплеснула Варя руками.

— Хамид. Он и номер машины твой сказал.

— Это понятно. Я спрашиваю о гиде. Кто тебе сказал, что ты хороший гид?

— Любого спроси. Фахим лучший гид в городе.

Его белоснежная улыбка была просто обворожительна. Девушка рассмеялась и, покачав головой, протянула свою ладошку для знакомства. Они степенно и молча пожали руки, скрепив союз не хуже любой печати.

— Пойдем искать мне номер?

Варя вскинула голову на белоснежное здание отеля. Солнце перевалило за полдень. Несмотря на осень, было жарко, многие окна и балконные двери были закрыты такими же белоснежными ставнями. Построенное из каменных блоков здание было явно одним из старейших в городе и располагалось в самом центре. Впрочем, дыхание моря тут явно ощущалось, что говорило о его близости.

— Тебе уже заказан большой номер на четвертом этаже. 308. И парковка внизу.

— Нет, тебя определенно нужно было бы назвать Али-Баба…

— Меня зовут Фахим, — упрямо повторил парень и взялся нести спортивную сумку.

Формальности заняли совсем немного времени. Рекомендации на Востоке лучше любого ключа открывают двери. Окинув одним глазком шикарный номер с видом на море, Варя отправилась на первую прогулку. Фахим еще в лифте спросил, что девушка хочет посмотреть и, услышав, что та собирается понырять с аквалангом в Восточной бухте, утвердительно кивнул.

— Если сертификат дайвера есть, то можете нырять хоть сегодня, — маленький толстый араб расплылся в улыбке. — Подберем яркий костюмчик. Есть парные маленькие баллоны. Наш фотограф сделает замечательные снимки на фоне колонн или статуи под водой. По десять фунтов. Двухчасовое погружение обойдется Вам в пятьдесят фунтов. Конечно, египетских.

Сопровождавший Варю Фахим кивнул, подтверждая цены.

— Вот сертификат и деньги, — девушка едва не отдернула свою руку, когда коснулась потной волосатой кисти араба. — Погружение утром и вечером?

— О, узнаю мастера, — слащавая улыбка не покидала заплывшее жиром лицо. — Катер «Мухаммед» на втором причале.

Приходите к пяти. Пока только двое желающих. Вам будет очень удобно… А сейчас можно подобрать снаряжение. Прошу. — Хозяин сам отправился с клиентом в «закрома».

Фахим не отставал ни на шаг. Он получил четкие инструкции, да и природное любопытство подстегивало его. Еще ни разу в жизни парнишке не приходилось вот так близко общаться с настоящей англичанкой, и это ему льстило. Обычно его услугами пользовались скуповатые немцы и французы. Реже — американцы. Они были очень привередливы в еде, но давали хорошие чаевые. С этой молчаливой девчонкой Фахиму почему-то было интересно. Она чем-то отличалась от остальных туристов.

— Пойдем что-нибудь перекусим, — прервала англичанка его размышления. — А потом ты меня проводишь в Восточную бухту. По дороге расскажешь о городе.

— Если у тебя есть двадцать фунтов, то мы отлично пообедаем «У Мустафы». Там почти не бывает туристов, и настоящая еда.

— Что ты называешь настоящей едой?

— Ну, это не ваша овсянка или американские гамбургеры!

Сделав приветственный знак рукой, юный гид усадил мнимую англичанку под навесом и стал обучать нехитрым премудростям местной кулинарии.

— Это Фуль, отварные бобы в кислом соусе. Добавь туда специй, зелени или нарезанных овощей… Попробуй, это очень вкусно.

— А это что такое? — осторожно рассматривая тарелку с

темным кушаньем, спросила девушка.

— Это соус Тех. Тут тертые орехи с кунжутом в оливковом масле… Макай туда эту лепешку. Эйш. Бери руками, не стесняйся.

— А есть что-нибудь попить?

— Вообще-то, у нас пьют после еды… Ладно.

Когда перед девушкой появился высокий стакан с темным напитком, она неуверенно спросила своего наставника:

— Что это?

— Ты что, никогда не пробовала каркадэ?

— У нас он другого цвета…

— Это настоящий. Со льдом… Вот бери филяфили. Или англичане не едят вегетарианские котлеты?

— Едят… только эти очень острые.

— Тогда попробуй кошар. Это фасоль и чечевица, жаренные с луком… Еще чорба.

— Все. Я чувствую, что внутри начинается пожар…

— Сейчас принесут кофе и сладости. Ты любишь пахлаву?

— Мне главное остаться в живых…

Едва парочка вышла на улицу, Фахим затараторил текст из рекламного проспекта:

— Эскандер Великий завоевал полмира, но, увидев наши места, был поражен их красотой. Он повелел заложить здесь самый лучший город мира. В тот момент у него не было под рукой бумаги, и великий полководец расстелил свой плащ на земле и, взяв пригоршни зерна, начертил им план будущего города. Тут же слетелись голуби и стали клевать зерно. Тогда царь разгадал этот знак судьбы. «Мой город будет кормить зерном полмира», — гордо сказал он. Так и произошло. На месте маленького рыбацкого поселка Ракотис был построен город, сравнившийся по величине с Римом. Он был крупнейшим портом в Европе на протяжении нескольких веков. Укрытые среди рифов бухты были удобны для многих торговых судов, а военные корабли умело прятались во внутреннем озере Мариотис, откуда выскакивали через канал и наносили молниеносные атаки по любому противнику. Пираты обходили это место стороной, поэтому торговля развивалась невиданными темпами. Эскандерия быстро богатела и росла.

— У тебя хорошая память, Фахим, — англичанка внимательно посмотрела на парнишку.

— Очень, — гордо подтвердил тот. — Когда я вырасту, пойду учиться в университет.

— Станешь учителем?

— Нет, я стану адвокатом. Им лучше платят.

Они замолчали, думая о своем, и не заметили, как пришли в порт.

— Вот твой катер, — Фахим с завистью смотрел на снаряжение, аккуратно закрепленное в стеллажах на корме. — Красивый…

— Хочешь тоже поехать? — Да.

— Держи десять фунтов. Дашь капитану.

— Хватит пяти, — пацан ловко выхватил купюру из рук девушки и быстро спрятал в свой карман. — Никогда не показывай все деньги. Доставай по одной.

Его белозубая улыбка была одновременно и насмешливой, и доброжелательной, а во взгляде озорных глаз читалось снисхождение, даже превосходство над глупыми туристами, которые не знают счет деньгам и неизвестно где берут их, коли так не ценят. Впрочем, если они готовы платить, им будут показывать разбросанные повсюду камни и позволять нырять в бухту, куда веками жители города сваливают мусор.

— Эти двое немцев пойдут с инструктором, — капитан катера наклонился к уху девушки. — Ты можешь понырять сама. Здесь не более десяти метров. Что ты хотела посмотреть?

— Я читала, что нашли развалины большого храма…

— Это французы, — капитан с удовольствием разыгрывал из себя знатока последних археологических исследований. — Они уже сезонов десять ныряют. Договорились с правительством, что будут разрабатывать центральную часть бухты. Русские ныряют в восточной части, но они приезжают всего года два-три.

— А храм можно посмотреть? — девушка сунула капитану небольшую купюру в карман.

— Французы уже растянули там по всему дну что-то вроде координатной сети. Стальные тросы с поплавками. Нам туда подходить запрещают. Я остановлюсь поблизости. Пойдешь на запад и метров через пятьсот увидишь. Сейчас «лягушатники» еще спят, так что у тебя будет часа полтора.

— Спасибо, — Варя блеснула глазами.

— Если найдешь монеты, смотри не попадись. Они сразу полицию вызывают.

— Не попадусь!

Привычно работал распределитель воздуха. С шелестом пузырьки устремлялись вверх. Где-то взвизгивал двигатель скутера, да что-то тяжелое ухало у берега. В остальном было удивительно тихо. Похоже, что ветра не было уже дня два-три, видимость при таком илистом дне была приличной. Глубина в бухте оказалась небольшой. Метров десять с небольшим уклоном. Просто рай для поисков. Как власти умудряются сдерживать

дайверов?

Варя медленно проплывала над огромными валунами, которые могли оказаться статуями или колоннами, обросшими за века в соленой воде Средиземного моря причудливой коркой до полуметра толщиной. Попадались остатки мусора. Множество различных рыбешек с любопытством поглядывали на ныряльщика, подпуская к себе очень близко. Конечно, такой красоты и разнообразия, что таит в себе Красное море, тут не было и в помине. Да и вода далеко не такая чистая. Это сейчас осень и видимость намного лучше летней, когда очень много водорослей и планктона или зимней, когда дожди приносят грязь.

Впрочем, одна мысль, что под тобой руины великого города, ушедшего под воду почти тысячу лет назад, заставляет просыпаться азарт охотника. Многие письменные источники указывают на то, что Александрия пережила минимум три землетрясения, и уровень моря здесь значительно поднялся. Где-то на дне бухты покоятся развалины дворца Клеопатры, Храм Осириса, святилище Исиды, остатки Фаросского маяка, царские кварталы, построенные птолемеями, дворцы самых богатых торговцев Египта… Да здесь столько должно быть золота, статуй и предметов роскоши, накопившихся за семь веков, когда Александрия была столицей, что можно наполнить десятки музеев и сотни частных коллекций! Наверное, администрация пытается все это охранять, но, скорее всего, их ждет участь разграбленных пирамид.

Главное, что волновало Варю, это библиотека. Она не могла исчезнуть бесследно. Это было огромное здание, хранившее около миллиона рукописей, и хотя бы фундамент должен остаться на дне. Новое здание библиотеки построено в Александрии совсем недавно. Оно имеет округлую форму, символизирующую солнце и бога Ра. Интересно, как выглядела настоящая Александрийская библиотека? То, что в ней хранились бесценные книги, указывают множество источников. Птолемеи были просто помешаны на этой грандиозной коллекции. По высочайшему указу каждое судно обыскивали и, если находили книгу, ждали, пока писец сделает копию. Оригинал отвозили в библиотеку, а копию отдавали. Никакие угрозы не действовали. Однажды в Афинах под огромный залог была взята уникальная рукопись трагедий Софокла. Ее так и не вернули, оставив грекам залог и чуть не получив войну.

А вот и то место, о котором говорил капитан катера. Действительно, сеть из светлых тросов, поддерживаемая поплавками, разбивает дно на квадраты. Да они даже надписи на

табличках прикрепили! По-французски, но понять можно. Варя с азартом стала метаться над координатной сеткой, ища хоть что-нибудь напоминающее остатки библиотеки. Прямоугольный план города был как на ладони. Четко очерченные фундаменты огромных зданий и остатки стен. Кое-где их уже очистили от наростов. Уцелевшие колоннады, как часовые, застыли в строю какого-то храма. Заботливо установленная конная статуя была в великолепном состоянии. Возможно, ее уже подняли на поверхность, реставрировали и вернули на место. Здесь наверняка можно сделать фото на память или снять красивый видеоклип. Некоторые плиты и колонны были окутаны каким-то светлым пластичным материалом. Варя читала, что в подводной археологии используется силикон для снятия копий. Мягко обволакивая мельчайшие детали рисунка, он сохраняет их в негативном оттиске, оставаясь нейтральным.

Сердце девушки застучало сильнее, когда она увидела табличку с надписью, очень похожей на библиотеку. Правда, с большим вопросом на конце. Остатки фундамента огромного здания в виде вытянутого креста были частично очищены. Мощные блоки длиною в пять-шесть метров были идеально пригнаны друг к другу. Варя вытащила нож, закрепленный на бедре, и очистила от нароста часть плиты. Постучав рукояткой по монолиту, она услышала чистый звонкий отзыв. Так звучал только гранит. Да, это могло бы быть зданием великой библиотеки!

Раскинув руки и задержав дыхание, девушка зависла над развалинами. Прочитав мысленно мантру поиска, она не услышала ни единого намека в ответ. Напротив, в ее сознании опять зазвучали два веселых детских голоска. Они наперебой щебетали друг с другом, не обращая ни на кого внимания: «Здесь было мрачно. И окон почти не было… Да и сидеть было негде… Здесь молились богам… И прятали монетки… И много монеток… Есть такие блестящие… Стопочками в сундучках… Может, покапаем…».

Варя не выдержала, цыкнув на них.

— Да хватит вам! Мне нужна библиотека или что-то в виде буквы «Т».

Но два насмешливых голоска только засмеялись в ответ: «А в каком алфавите?…Может, краешки загнуть?…Или округлить?» Звук винтов приближающегося судна заставил их насторожиться.

Тень от катера наверху скользнула по дну. Пора было уходить. Девушка сверила направление с компасом и заработала ластами. Первая попытка оказалась неудачной. Вспомнились слова Джузи о карте с крестиком. Да, времена удачливых

пиратов, заполучавших в руки точную карту с указанием места зарытых сокровищ, прошли. Нужно было подумать. Впрочем, монотонное движение под водой этому способствовало.

— Хочешь посидеть в кафе «Нельсон»?

Фахим пытался как-то развеселить англичанку, которая после погружения в Восточной бухте молчала всю дорогу.

— Почему Нельсон? — вопросом на вопрос ответила Варя.

— Оттуда видно место, где много лет назад ваш адмирал разбил флот Наполеона…

На набережной действительно было такое кафе с видом на море. Необычная парочка с удовольствием вытянула ноги, усевшись под тентом и потягивая холодную колу.

— Вообще-то двести лет назад сражение двух эскадр произошло не здесь, — не глядя на парнишку, тихо произнесла Варя. — Это было в бухте Абу-Кир, на окраине города.

— Знаю, — не мигнув глазом, отозвался тот. — Там около храма еще стояли две «иглы Клеопатры». По приказу императора Августа их привезли из Гелеополиса… А твои англичане одну утащили в свой Лондон.

— А вторая стоит в Центральном парке Нью-Йорка, — почему-то оправдывалась девушка за чуждую нацию. — А зачем же ты меня сюда привел?

— Пить хочется.

— Но кола есть во всех кафешках.

— Дальше ее разливают из больших пластиковых бутылок, а тут всегда подают маленькие стеклянные.

— Это вкуснее?

— Конечно. В пластиковые бутылки колу разливают на большой фабрике из концентрата. Вместо сахара там химия… А маленькие стеклянные бутылочки есть только на американском складе.

— Прости, — растерялась Варя. — Я этого не знала.

— Спрашивай…

— А где есть вход в подземное водохранилище? — неожиданно сменила тему девушка.

— Я знаю три. Тебе какой нужен?

— Тот, что в старом городе.

— Знаю, — парнишка лукаво прищурился. — За десять долларов покажут. Но деньги лучше отдай мне. Тебя обманут.

Варя молча протянула Фахиму банкноту, другую подсунула под блюдечко с орешками и сделала знак официанту.

Дверь в доме была настолько старой, что девушка засомневалась, можно ли в нее стучать. Зато арапчонок бесцеремонно открыл ее. Внутренний дворик укрывала пятнистая

тень деревьев. Она лежала на почти стертых каменных плитах, иногда раскачиваясь от легких дуновений ветра. Фахим сделал знак остановиться.

— Смотри…

Поднявшись на носочки, он дотянулся рукой до деревянного украшения над окном. Под видавшей виды резной крышкой оказался медный кувшин и кружка, украшенная чеканкой. По-хозяйски провожатый быстро извлек их оттуда и налил Варе воды. Подбадривая девушку жестом, он показал, что можно пить. Она пригубила кружку с опаской. Вода оказалась на удивление прохладной и вкусной.

— Что это? — удивилась Варя.

— Машроби, — гордо отчеканил парнишка. — Такие козырьки на окнах домов делали еще в древние времена, чтобы прохожему можно было напиться. Жарко и нужно много пить. А в резной машроби кувшин всегда продувается ветерком, потому вода прохладная.

— И вкусная, — кивнула девушка.

— В твоей Англии такой нет?

— Нет, — согласилась Варя, пряча улыбку.

— Подожди здесь…

Фахим вернул на место кружку с кувшином и скрылся в низком, почти наполовину ушедшем в землю дверном проеме. Пару минут спустя он появился в сопровождении долговязого скрюченного старика с лицом наркомана. Окинув Варю испытующим взглядом, хозяин кивнул, и втроем они вошли в темный, с неприятным запахом коридор. Пропетляв по комнатам со старой мебелью, они спустились в какой-то подвал, едва освещенный грязной лампочкой под низким потолком. Пол его был посередине освобожден от мусора. Там возвышалось какое-то старое сооружение из песчаных блоков и массивной деревянной крышки. Старик остановился у крышки, придавив ее демонстративно рукой, вторую протянул ладонью вверх. Фахим о чем-то переговорил с ним и сунул купюру.

— У нас есть десять минут. Можно даже спуститься по лестнице вниз.

— Хочу! — едва не воскликнула Варя.

Под крышкой действительно оказалась старая лестница из медных скоб, укрепленных в стене. Осторожно ступая, девушка опускалась, пока не почувствовала, что нога коснулась воды. Свет, падающий через круглое отверстие вверху, едва освещал неподвижную воду. Постепенно глаза привыкли к темноте, и стали различимы огромные арочные своды подземелья, заполненного водой. В восторге девушка наклонилась и

зачерпнула воду. Эхо от брызг и падающих капель нарушило тишину. Трудно было судить о размерах, но они были огромными, как у озера. Фахим позвал ее наверх. Уходить от только что сделанного открытия было невыносимо, но голос юного спутника был неумолим.

Выбравшись из колодца по медной лестнице, Варя попросила парнишку перевести старику, что завтра она хочет вернуться сюда с аквалангом и понырять. Тот сначала мотал головой и ни в какую не соглашался, но, услышав магические слова о сумме, которую он может получить, наконец-то сдался.

— Это обойдется тебе в тысячу фунтов, — сообщил ей Фахим на обратном пути.

— Ты с ума сошел!

— Отказаться всегда можно, — философски ответит тот. — А под залог можно взять напрокат снаряжение у капитана «Мухаммеда». Если хочешь, я утром сбегаю к нему в порт и договорюсь, а потом зайду к тебе в гостиницу.

Варя с интересом взглянула на этого чертенка, соглашаясь мысленно, что у нее никогда не будет такой деловой хватки или наглости, которая выручает во многих ситуациях. Прошло всего полдня, но она поняла, как ей повезло, ведь без такого гида она не продвинулась бы в самостоятельных поисках и на долю того, что легко прошла с Фахидом.

Южная ночь быстро накидывает шаль темных сумерек на весь город. И он в ответ вспыхивает миллионами разноцветных огней, освещая совершенно по-иному свои дома и дворцы. Тени сползают вверх по стенам и сливаются с темным небом, абсолютно изменяя здания. Они становятся еще легче, изящнее, воздушнее. В этом преображении звучит одна из сказок Востока. Словно женщина, скрывающая днем лицо от нескромных взглядов, ночной город скидывает одним смелым движением укаль и куфию, приоткрывая часть таинственного и намекая на еще больший соблазн. И так до бесконечности. Восток не открывается сразу и до конца, как щедрая русская душа, готовая вмиг рвануть на себе все небогатые одежды. На Востоке всегда складывается впечатление, что он таит больше, чем открывает. И чем больше познаешь его, тем сильнее жажда познания и тем больше границы непознанного. Им нельзя насытиться, как нельзя до конца насладиться мудрой женщиной. Она всегда будет оставлять напоследок что-то непознанное. Причем именно это что-то и будет казаться самым желанным. Не случайно могущественные халифы и султаны собирали редкие жемчужины в свои гаремы. Они искали ту, что сможет подвести их к краю бездны, указать бесконечный путь познания наслаждений.

Глубина в сложности, обыденность в простоте. И та, что всегда будет казаться загадочной и необъяснимой, останется желанной. До конца дней.

— Привет, Элизбет, — Фахим сверкнул белоснежной улыбкой.

— Привет.

— Я могу подождать, пока ты позавтракаешь. В этой гостинице хороший шведский стол. Специально для европейцев.

— Спасибо. Мы лучше потом найдем с тобой настоящей еды.

— Но тебе же не понравилось…

— Это с непривычки… Думаю, что и тебе не по вкусу овсянка.

Парнишка скорчил такую рожицу, что оба рассмеялись.

— Мне очень нравится Египет, — доверительно прошептала Варя. — И я уверена, что понравиться и фуль, и чорба, а эйш я уже просто обожаю…

— Не старайся казаться хитрой. У тебя не получится.

— Я говорю искренне.

— Ладно, пойдем, — и Фахим уверенно направился к желтой машине у центрального входа. — Лучше ехать на такси. Твой джип будет слишком заметен в старом городе. С капитаном я договорился. Оставишь ему в залог тысячу фунтов.

— У вас все умеют считать только тысячами?

— Нет. Он просил больше, но я его уговорил, — парнишка замялся. — Думаю, что он вернет только восемь сотен, но зато будет молчать.

— А нужно, чтобы он молчал?

— Ты бы не отдала старику просто так тысячу фунтов, — резонно закончил разговор провожатый.

Идея ехать на такси оказалась очень удачной. Водитель чувствовал себя абсолютно свободно в постоянно гудящем потоке машин. Легко миновав, казалось бы, намертво застывшие в пробке центральные кварталы Александрии, они достаточно быстро добрались до Восточного порта и заехали прямо на причал, чтобы не таскать на себе заряженные воздухом баллоны. При этом таксист с шутками и прибаутками все сам погрузил в багажник, пока Варя расплачивалась с капитаном катера. Дорога в старый город оказалась не такой простой. Множество телег и тачек с самыми разнообразными грузами вечно стояли поперек, но бодрый голос таксиста творил чудеса. Откуда-то выскакивали люди и, навалившись на мешавшие проезду колесные средства, освобождали путь. И все это сопровождалось целым хором обсуждений на арабском, которым, словно дирижер, руководил водитель, самозабвенно размахивая рукой, наполовину высунувшись в открытое окно машины.

— Говори, когда ему приехать за нами, — Фахим показал таксисту, куда занести тяжелые сумки.

— Не знаю, — растерялась Варя. — После обеда. Часа в два.

— Дай ему пятьдесят фунтов и покажи сто. Только не отдавай.

Водитель еще покричал немного напоследок, но опытный маленький переговорщик твердо стоял на своем, кивая в сторону иностранки, которая, подыгрывая парнишке, гордо хранила молчание.

— Я бы без тебя разорилась, — девушка благодарно взглянула на парнишку.

— Тебя бы без меня сюда просто не пустили… Ладно. Пошли.

Вода в искусственном подземном озере была удивительно прохладной и чистой. Огромное водохранилище было спроектировано и построено еще при Александре Великом. Продумывая план строительства, архитекторы прежде всего решили проблему снабжения водой огромного города. Миллион человек, населявших столицу великой империи в годы расцвета правления птолемеев, не испытывали жажды, имея под самим городом огромное водохранилище. Мощные арочные своды держали на себе площади и дворцы, сохраняя в недрах дождевые воды, заботливо собиравшиеся целой ирригационной системой. Вода отстаивалась и поила горожан до следующих дождей. Система была так умело спланирована и построена, что до сих пор находится в исправном состоянии. Правда, ей перестали пользоваться, после того как протянули ветку к одному из ближайших рукавов Нила и развели трубопровод по городу. Почти все входы наглухо закрыли, забыв о тех немногих, что уцелели в домах некогда богатых торговцев. О подземном водохранилище перестали говорить, предоставив заботу о нем узким специалистам.

Луч подводного фонаря скользил по огромным плитам ровного пола, силовым стяжкам и колоннам, оканчивающимся сводчатыми арками. Иногда сверху опускались стальные трубы большого диаметра и разветвлялись по рукавам, закрепленным на мощных опорах. По надписям на металле было видно, что за ними следят, делая периодические проверки. Несколько раз Варя видела медные скобы лестниц, поросшие водорослями. Очевидно, по ним десятки лет никто не спускался к воде. Что конкретно она искала в этом подводном подземелье, девушка не представляла и сама. Доверившись интуиции, Варя медленно скользила в темноте. В некоторых местах вода поднималась до сводчатого потолка, но в основном зазор был большой, и она не боялась, что воздух в баллонах закончится. Подныривая под перекрытия,

можно было передвигаться и без акваланга, но вот искать что-то в полумраке, на глубине 7–8 метров, было бы очень затруднительно.

Желтое пятно фонаря высветило странный знак на колонне.

Подплыв ближе, Варя замерла. Похожий на иероглиф рисунок был глубоко вырезан в твердом камне. Даже вековые наросты не стерли его замысловатый контур. Где-то она видела его. Только вот где… Да это же том самый огненный знак на кирпичной стене, что показал ей странный монах, когда она была на Тибете! Точно, это он! Варя осторожно коснулась рукой скользких граней, стараясь очистить рисунок от наростов, и обмерла…

— Откуда у тебя этот гребень? — услышала девушка властный голос.

Варя резко обернулась, светя фонарем в разные стороны… Никого… Немного успокоившись, она поняла, что голос звучит в ее сознании. Собравшись с духом, девушка опять прикоснулась к загадочному иероглифу, высеченному на каменной колонне, и ответила как можно спокойнее:

— Нашла.

— Где же ты нашла его? — голос был явно женским, но очень властным.

— В храме Хатхор.

— Теперь такие гребни продают в сувенирных лавках?

— Нет, он был спрятан в блоке с рисунком, покрывавшим святилище, а принадлежит тебе, Мааткара Хенеметамон…

В наступившей тишине Варя слышала только бешеный стук своего сердца.

— Ты знаешь мое тронное имя? — голос стал чуть мягче, но по-прежнему вызывал страх.

— Да, великая Хатшепсут, «Первая среди почтеннейших».

— Знающий настоящее имя владеет судьбой, — эхом отозвалось в сознании девушки.

— В близком окружении тебя звали Шесу… Извини мою дерзость.

— Так меня назвал когда-то отец…

У Вари стало так сухо во рту, что произносить слова даже мысленно было трудно.

— Ты знаешь мои имена, стало быть, и я могу спросить тебя о том же.

— Меня зовут Варвара.

— Ты дочь царя?

— Нет.

— Но согласно языку живших в стране «Черной земли» в твоем имени звучит смысл «почитаемая великим Ра»…

— Это случайность, — Варя едва подбирала слова. — Я из другой страны.

— Случайно такое имя никому не дозволено носить.

— Меня так назвала мама…

— Чтобы сделать это, она должна быть фараоном… Впрочем, гребень не признал бы тебя, не будь ты избранной… Я вижу печать света в твоем сознании.

— А могу я попросить тебя показать свой светлый лик, — отважилась Варя. — Аменхотеп Третий, захвативший трон после твоего исчезновения, приказал уничтожить все твои статуи, барельефы, упоминания и даже имена в текстах.

— Наивный мальчишка тем самым хотел лишить меня вечности… Потерявший имя теряет возможность возродиться.

— Но твое тело так и не нашли… Прости… Твоя погребальная камера из гробницы в Долине царей была пуста. Туннель, соединявший ее с поминальным храмом в Дейр-эль-Бахри, оканчивается тупиком.

— Я предвидела это.

— И потому спрятала упоминание о своей младшей дочери, Меритры, в пещере близ монастыря Петри.

— Тебе и это известно?

— Я нашла то место, где похоронена «Растворенная в лунном свете».

— К сожалению, девочка была простой смертной.

— Только ты родилась в день Тхар?

— Как и ты… — голос прозвучал с некоторой грустью, и Варя увидела лицо красивой волевой женщины. Этот образ ненадолго проявился в сознании девушки и плавно исчез. — А что ты здесь ищешь?

— Третью Книгу.

— Ее здесь нет.

— Но мне было видение…

Собственные слова странным эхом отозвались в сознании. Варя еще долго прислушивалась, стараясь уловить хоть что-то. Ее окружала только тишина и холодная вода. Взглянув на показатель уровня воздуха в баллонах, девушка поняла, что ей едва хватит на обратный путь. К тому же она совершенно потеряла ориентацию. Она сможет экономить, проплывая открытые участки подводного водохранилища, но вот какое направление выбрать? Ни огонька, ни намека на выход…

Обостренное внимание уловило едва слышные удары металла о металл. Где-то далеко кто-то методично стучал в воде. Освободив одно ухо из-под резиновой шапочки, Варя четко определила направление. Конечно, это, был Фахим.

Взволнованный долгим отсутствием англичанки, он подавал ей сигналы.

Глава XIV. Гиза

Ночь делает пустыню таинственной. Неясные тени барханов вдоль шоссе превращаются то в исполинов, охраняющих вековые тайны, то в очертания загадочных кораблей, что перевозят по ночам души умерших в иной мир, то в образ еще никем не открытых пирамид. Дорога была пустой, лишь редкие встречные машины с завыванием проносились мимо, не всегда выключая дальний свет. В отличие от России, где не строят прямых автобанов, а разбитая колея заворачивает к каждой деревеньке в три дома, дороги среди песков были на зависть прямыми. Монотонность убаюкивала внимание и клонила ко сну. Варя ругала себя, что не захватила с собой несколько дисков с какой-нибудь европейской музыкой. В кабине она нашла только арабские записи, а радиоприемник, как назло, упорно воспроизводил заунывные восточные мелодии. Нужно было родиться и вырасти в этой стране, чтобы ночью слушать подобную музыку. Девушка специально выбрала позднее время для переезда в Каир. Не жарко и дорога свободнее. Расставаться с Фахимом ей очень не хотелось, но брать парнишку с собой в дальнюю поездку она не решилась. Определенных целей пока не было. Одна надежда на интуицию.

Варя потянулась к регулятору климат-контроля. В кабине джипа становилось прохладно. Не случайно еще на закате ей попадались прохожие в теплых накидках. Ночи в пустыне холодные, а осенью — особенно. Ей почему-то вспомнились теплые вечера бабьего лета, когда она жила с мамой в Гелинджике. Короткие дни и ночи уходящего тепла запоминались надолго. И хотя на побережье снег был большой редкостью, а зимой в основном шли дожди, тепло всегда оставалось желанным. Как давно это было… Раньше они любили по вечерам пить чай в саду их старенького дома. Отец рано ушел из семьи, и они с мамой были как две подружки. Одна чуть постарше. Когда переехали в новую квартиру на последнем этаже четырнадцатиэтажного дома, стали пить чай на балконе. Вид на море открывался такой замечательный, что у них на балконе всегда лежали старенькие плащи, чтобы можно было укутаться и долго не уходить. Мама и сейчас, быть может, часто сидит там одна…

Неожиданно в свете фар метнулась фигурка. Варя ударила по тормозам и дернула руль в сторону. Машина с визгом заюлила по бетонной полосе. Сердце замерло, ожидая удара, но все обошлось. Открыв дверцу, девушка выглянула из кабины джипа, осматривая

дорогу. В красном свете стоп-сигналов виднелась невысокая фигурка. Девушка в джинсах и свитере стояла, прикрыв в испуге ладонями лицо, обрамленное длинными растрепанными волосами.

— Ненормальная, — вырвалось у Вари, но она отметила, что крикнула по-английски. — Ты чего под колеса…

Фигурка в джинсах не двинулась с места.

— Эй, как ты? — мнимая англичанка опасливо оглянулась по сторонам и выпрыгнула из кабины. — Испугалась?

Вместо ответа на нее смотрели расширенные темные глаза. Потом длинные волосы дрогнули, и девушка в джинсах утвердительно кивнула.

— Не зацепила? — Варя примирительно откинула взлохмаченные волосы с лица незнакомки, разглядывая ее. — Ладно, не дрожи. Все прошло.

Но та лишь коротко кивнула, не произнося ни слова.

— Откуда ты здесь… Ночью… Одна?

— Я убежала, — с сильным скандинавским акцентом выдавила из себя незнакомка.

— Что случилось?

— Сайд из туристической фирмы обещал показать старый поселок… Потом мне показалось, что они хотят…

— Понятно. Могу подбросить тебя до Каира. Незнакомка радостно кивнула, одарив спасительницу благодарным взглядом.

— Элизабет, — коротко обернувшись к пассажирке, бросила Варя. — Можешь звать меня просто Эли.

— Маргарет, — представилась та в ответ, — друзья зовут меня Марго, — она вытащила пачку сигарет и вопросительно взглянула на водителя: — Ты не куришь?

— Нет. Но если ты будешь дымить в окно…

Варя на ощупь отыскала на подлокотнике своей дверцы кнопку и опустила стекло со стороны пассажира. В кабину ворвался ночной воздух пустыни. Это только новичку кажется, что в пустыне нет жизни, и она не пахнет. На Востоке много тонкостей.

— Я покурю, а то руки до сих пор дрожат, — не глядя на собеседницу, тихо проговорила Марго. — Вечно я во что-то вляпаюсь, — чуть отклонившись, она достала из кармана джинсов зажигалку. — Хотела посмотреть на старый обычай и записать легенду… Все старо, как мир, — зажигалка в подтверждение этих слов авторитетно щелкнула. — Слушай, я даже рюкзачок свой не сняла… Все думаю, что так сидеть неудобно.

— Погоди, я приторможу.

— Не стоит, — и Марго ловко выскользнула из наплечных

лямок и положила к себе на колени небольшой, но увесистый рюкзак. — Тут у меня все, — она нежно погладила жесткую синтетическую ткань.

— Бриллианты— лучшие друзья…

— Нет. Это ноутбук. Без него все пропадет.

— А ты что-то ищешь?

— В Египте все приезжие что-то ищут. Кто сокровища, кто сказки…

— И какие сказки ты ищешь?

— Легенда у меня своя, — Марго многозначительно замолчала, выпустив струйку сигаретного дыма в открытое окно. — Нужно найти ее подтверждение.

— Интересно. Расскажи, если не секрет.

— У нас на кафедре астрономии, — она запнулась, — я учусь в Стокгольмском университете… Есть замечательный профессор. Эрик Янсен. Если бы ты его видела — настоящий викинг! На дипломную работу он мне подкинул одну интересную историю.

— Обожаю интересные истории, — Варя даже сбавила скорость, чтобы лучше слышать рассказчицу.

— Давным-давно в фиордах жил одинокий старик. У него была шхуна и большой дом. Он никогда не был женат и дом без хозяйки был в запустении. Однажды боги сжалились над старым рыбаком и подарили ему дочь. Красавицу Хельгу Она выросла сильной и смелой. Лучше всех в округе стрелял из большого лука. Многие сватались к белокурой красавице, но никто не мог выполнить брачного условия — победить ее в состязаниях по стрельбе из лука. Шли годы. Старик просил у Хельги внуков, но она оставалась девственницей. И время было не властно над ее красотой… Однажды в фиорд зашел странный парусник. Он был явно из далекой страны. Сильно загнутый нос, необычные обводы корпуса, сделанного из кедра, удивительной прочности снасти и паруса. Одежда и обувь на путешественниках была незнакома местным жителям, но сами они были очень похожи на викингов. Как братья. И говорили на одном языке. Они рассказывали, что жили в далекой цветущей стране, по имени Атлантида. Почему-то боги прогневались на них и сдвинули их страну в то место, где всегда холода. Их дома и поля занесло снегом, а потом укрыло огромными ледниками. Спаслись только несколько кораблей, и теперь они ищут новую страну, где смогли бы жить… Среди путешественников был молодой бородач, по имени Осир. Они с Хельгой полюбили друг друга, и старейшины назначили день состязания в стрельбе из лука. Осир согласился с одним условием: если он победит, то заберет Хельгу с собой. Долго пели их стрелы в чистой синеве, но все на равных. И тогда девушка

предложила срезать стрелой сосновую шишку на другом берегу фиорда. Когда она выстрелила, зоркий Осир увидел, что к той шишке крадется белка. Вскинул он свой лук, и его стрела догнала стрелу Хельги, отводя в сторону. Старейшины признали чужестранца победителем, и он увез с собой Хельгу. Сильно горевал старый рыбак, но уговор дороже. Прощаясь, он попросил Хельгу дать ему знать, когда родится внук. Прошло положенное время, и в борт его шхуны на рассвете вонзилась стрела. Он узнал ее: только Хельга могла делать такие стрелы. А еще там было письмо в виде вырезанных на дереве рисунков: лев, созвездие Ориона, три пирамиды, корабль и странное слово.

— Что за слово? — Варя исподлобья глянула на рассказчицу.

— Я сразу тоже не поверила и сама долго рассматривала старый текст легенды на оленьей коже. Но все правильно. Это слово — Антарктида.

— Они же были из Атлантиды!

— В том-то все и дело. Это намек на то, что это два названия одного континента.

— Атлантида — Антарктида?

— Хитрый Эрик подкинул мне эту задачку зная, что я докопаюсь до истины.

— Пирамиды и созвездие Ориона… — Варины брови вскинулись разом. — Так ты едешь в Гизу?

— Да. Нужно проверить одну идею по поводу Большого Сфинкса.

— Хочешь сказать, что в легенде про Хельгу говориться о нем?

Марго выкинула окурок в окно и серьезно посмотрела на Варю.

— Я тебе все расскажу, только дай слово, что ты не будешь трепаться.

Варя чиркнула пальцами вдоль своих губ, будто закрыла их на замок-молнию.

— Слушай, это будет сенсация! — шведка даже не заметила, что ухватилась обеими руками за правую руку водителя. — Я думаю, что сфинкс в Гизе — это и есть тот самый лев со стрелы. А львиную морду переделали на голову фараона намного позже. Чтобы убедить лохов в том, что пирамиды и сфинкс сделаны во времена четвертой династии. Приписать авторство фараону Хафре… Понимаешь?

— Какая связь?

— Прямая. Если сфинкс первоначально имел голову льва и вместе с тремя великими пирамиды Гизы был построен не в третьем веке до нашей эры, то викинги — прямые потомки

выходцев из Атлантиды. И она не исчезла — она скрыта льдами. Сейчас мы ее называем Антарктида.

— Но при чем тут викинги?

— Ну как же, — горячилась Марго. — Около Великой Пирамиды в огромной яме нашли корабль, что описан в легенде о Хельге. Это тот корабль, на котором Осир увез ее в дальние страны. Из кедра, который никогда не рос в Египте. Корабль очень необычной конструкции, собирался из точно сделанных частей, без единого гвоздя. Как блоки великих пирамид. Я читала, что в корабельных швах египтологи обнаружили ил со дна Нила. Это гости из легенды приплыли в Гизу на своем корабле.

— А как связано рождение сына и лев?

— Он был рожден, как ключ к разгадке великой тайны. Послание потомкам.

Молчание заполнило кабину мчащегося по прямой дороге джипа.

— Знаешь, я немного занимаюсь историей Египта, — начала первой Варя. — Вернее скульптурой Позднего царства, и кое-что читала. Действительно есть гипотеза о том, что великие пирамиды построены не египтянами. Уж слишком они не похожи на остальную сотню полуразвалившихся пирамид. Есть целый ряд необъяснимых фактов… А как ты собираешься доказать, что у сфинкса раньше была другая голова?

— Сфинкс — это символ. Ключ. А символизм во все века напрямую связан с эпохой.

— Например…

— Вот сейчас только началась эра Водолея. До этого, на протяжении двух тысяч лет, была эпоха Рыб. Ты знаешь, какой символ был у Христа?

— Рыбы?

— Именно. Раннее христианство часто использовало этот знак, пока не вмешалась инквизиция.

— Допустим.

— А до этого была эра Овна. Вспомни, кого приносили в жертву богам во времена Ветхого Завета… Всегда баран.

— Согласна.

— Предшествовала им эра Тельца… Культ святого быка в Минойской культуре, Афинах и Египте. Об этом сохранилось очень много легенд.

— Ты права. Во времена Среднего царства умершего священного быка даже мумифицировали и хоронили в усыпальнице, а несколько выбранных из тысяч кандидаток плакальщиц становились на общественное довольствие, чтобы оплакивать смерть быка всю свою жизнь. Это было почетно… Но я

не вижу связи.

— Куда смотрит сфинкс? — с хитрой улыбкой спросила Марго.

— На Восток…

— В этом кроется сильный аргумент… Ты знаешь, что такое «прецессия»?

— Ну, что-то из физики, — неуверенно ответила Варя.

— Есть строгий математический аппарат и экспериментальные данные, доказывающие его справедливость, но это для специалистов… Могу объяснить на пальцах.

— Вот это для меня.

— Ты знаешь, что ось земной оси наклонена и потому у нас есть зима и лето?

— Да. Что-то там градусов двадцать…

— Все дело в этом. Закон гироскопа гласит: если ось вращающегося тела наклонена, положение оси не стабильно, она движется по конусу.

— Ну, и что?

— Видимое нами звездное небо движется…

— Да, вокруг Полярной звезды.

— И сейчас это «альфа» в созвездии Малой Медведицы. — Да.

— В связи с явлением прецессии проекция оси вращения земли непостоянна. Она очень медленно движется по небу. Понимаешь? В эпоху четвертой династии Полярной звездой была Альфа созвездия Дракона. А через двенадцать тысяч лет ось будет смотреть на новую Полярную звезду — Бегу… Только это движение очень медленное, за одну жизнь незаметно.

— Я могу в это только поверить.

— Весь мир подвержен циклическим законам движения… Вот на Земле все знают сутки и год. Намного меньше людей знают, что такое звездный год… Это цикл, за который проекция оси вращения Земли на звездное небо совершает круг. Почти двадцать шесть тысяч лет. Проявляется в том, что на восходе солнце проходит все зодиакальные созвездия.

— Так оно летом и зимой восходит в разных точках.

— Это в течение земного года. А если наблюдать за восходом в один и тот же день — день весеннего равноденствия, то сдвиг тоже есть. Измеряя восход в один и тот же момент земного года, мы увидим очень медленный сдвиг относительно звезд. За очень большой промежуток времени, звездный год, светило встает то в созвездии Овна, то — Рыб, то — Водолея… За двадцать шесть тысяч лет оно проходит все зодиакальные созвездия. По две тысячи двести лет в каждом… Я округляю.

— Ты хочешь сказать, что когда-то восход был в созвездии

Льва?

— Да. Только для большинства смертных это откровение, а для астрономов и астрологов — факт. Обычный человек этого никогда не заметит. За семьдесят два года точка восхода солнца сдвинется на горизонте в день весеннего равноденствия на один градус. Это меньше твоего мизинца на вытянутой руке.

— Странно, но могу допустить. И что из этого?

— Если доказать, что сфинкс был построен в эру Льва, то есть примерно десять тысяч пятьсот лет до нашей эры, то смотреть он мог только на созвездие Льва. И у него могла быть только морда льва…

— О том, что строители Великих пирамид были виртуозами и фанатами точности, можно писать легенды. Все продумано было до мелочей, а выполнено просто ювелирно.

— У меня есть своя легенда и наглая уверенность в том, что я могу доказать, когда были построены Великая Пирамида и сфинкс, — Марго погладила свой рюкзачок. — Здесь ноутбук с программой трехмерного моделирования звездного неба. Достаточно ввести координаты точки на Земле и дату, программа покажет картинку звездного неба над головой. Если выбрать направление на восход в день весеннего равноденствия, программа покажет зодиакальное созвездие, соответствующее тому времени.

— Но программа написана человеком и может ошибаться.

— Ее уже проверяют несколько лет. Ошибок нет. Да и написана она авторитетными специалистами. Учитывает не только цикл прецессии в двадцать шесть тысяч лет. Она знает, как влияет притяжение Луны не только на водные массы, что порождает приливы, но и на эксцентриситет земной коры из-за движений жидкой магмы внутри. Это влияние иного характера, и цикл около сорока трех тысяч лет. Есть разные циклы Парада планет, но они влияют еще слабее.

— Слушай, откуда ты все это знаешь?

— Однажды девочке на день рожденья папа подарил телескоп…

— И ты с тех пор…

— Вместо дискотек хожу по ночам в обсерваторию и таскаюсь по разным необычным местам. Вместо того чтобы посмотреть в глаза какому-нибудь парню, пялюсь в ночное небо и молюсь, чтобы оно было ясным… Но, Боже, как там красиво…

Другие миры… Цветные… Совсем другая жизнь.

— Фанат?

— Не знаю, — Марго задумалась, и забарабанила пальцами по рюкзачку. — Но Хельгу я им не отдам… Чувствую зацепку. Тут

что-то есть!

— А что, есть противники?

— Сколько угодно…

— Но это же в цифрах и формулах доказать можно.

— Все старо, как мир. Многое упирается в авторитетное мнение непререкаемых академиков, которые могут лишиться своих зарплат или гонораров за книги и лекции, если вдруг окажется, что они заблуждаются.

— Галилей пошел на костер, чтобы крикнуть о вращении Земли.

— До такого костра еще нужно дойти… А хочешь, я тебе судьбу предскажу. Отработаю вместо оплаты за проезд.

— Гадаешь по руке?

— Нет, сугубо научно. Все делает компьютер, только говори дату и место рождения.

— В другой раз…

— Нет, Эли, — взмолилась шведка, доставая ноутбук. — Ну, пожалуйста. Дай мне шанс отработать. А то я буду чувствовать себя должником. Это же не карты. Компьютер не врет…

— Ладно. Двадцатого второго июля девяностого… В Глазго. Марго быстро застучала по клавишам. Потом, увидев появившуюся на экране картинку, присвистнула.

— Да ты везунчик, Эли! Ты родилась на грани. И не на одной… А время знаешь?

— Рано утром.

— Эх, если бы ты родилась чуть южнее, на широте Средиземного моря, то было бы идеально… Но, впрочем, тоже хорошо. Грань между эпохами и знаками Зодиака. Статистика говорит, что родившиеся на этой грани сочетают в себе утонченность и власть, стихии вода и огонь, умение фиксировать незаметные мелочи и вести за собой толпу. С одной стороны, это Рубенс, Рембрандт, Дега, Эль Греко, с другой — Юлий Цезарь, Александр Македонский, Наполеон, Распутин… Пользуясь тонкой гранью перехода, ты можешь многое выбирать. Это похоже на ситуацию тонкого баланса, когда внешние силы уравновешивают друг друга настолько, что не оказывают никакого влияния. Если захочешь, можешь быть и тем, и другим. Нырять из эпохи в эпоху…

— А что общего с Александром Великим?

— Так вы родились не только в один день земного года… У вас совпадает день Большой нутации. Это когда два малых цикла по двадцать три и пятьдесят один год совпадают. Бывает очень редко — раз в тысячу сто семьдесят три года… Кстати, в этот день Земля пересекает хвост кометы Цирцеи. Самая загадочная

комета. Почти не отражает солнечный свет, состоит из очень тяжелых элементов, а когда чиркает по Земле, у нас происходят чудеса. А ее открыли не так давно. Смогли засечь, когда аномалию обнаружили сразу с трех спутников. Траектория кометы проходит через созвездие Ориона… Да, гостья очень странная.

— А предыдущий день? — дрожащим от волнения голосом спросила Варя. — Ну, когда эта комета прошла рядом с Землей еще раньше…

— Минутку, — Марго ловко забарабанила по клавиатуре. — Тысяча пятьсот двадцать девятый. До Рождества Христова, конечно… Слушай, а периоды Большой нутации и встречей с Цирцеей совпадают. День в день.

— Интересно, — Варины пальцы так сдавили руль, что костяшки побелели. — Это время Восемнадцатой династии.

— Если ты говоришь о Египте, то это возможная дата рождения Хатшепсут Тут у меня обозначен период, точных данных нет.

— О ней вообще мало упоминаний осталось. Тутмос Четвертый постарался. Считал, что она незаконно была фараоном более двадцати лет. Вместо него.

— Женщина-фараон! Насколько я понимаю в истории Египта, это был вызов всем мужикам. Их представлениям о власти, традициям и мироздании. Значит, это была очень необычная женщина… В астрономии тоже много мифов, и там все мужики «сдвинуты» на власть, но и о плотских утехах не забывали. Что греко-римские мифы, что кельтские, а вот скандинавские особняком стоят, хотя у всех Потоп есть.

— Ты веришь в мифы?

— Без них не обойтись, когда говоришь о созвездиях, но если бы я хотела передать что-то потомкам, то выбрала бы именно мифы.

— Почему?

— Любая письменность может быть забыта. Любые рукописи или тексты на камне могут погибнуть. Языки постепенно изменяются, но устный рассказ жив во все времена. Меняется произношение, но суть остается неизменной. Даже сохранившиеся в веках символы могут быть неправильно истолкованы, потому что они мертвые.

— Но живой миф может погибнуть вместе с его носителем.

— Мифы слагаются согласно основным понятиям и традициям, поэтому их жизнь очень длинна. Даже если она на время прервется, миф можно оживить. Стрела из прошлого с рисунками льва и пирамид, что вонзилась в борт шхуны старого

рыбака, мне понятна. Это только намек, а правило жизни мифа я знаю. Поэтому остальное легко восстановить. Зная основные законы небесной механики, я понимаю, о чем говорится в мифах о созвездиях и звездах. Только потому, что те, кто придумывал мифы, делали это на основе тех же законов движения звезд. Причем эти законы настолько долговечны, что и через сто тысяч лет будет понятно, о чем говорится в мифах. Эзоповым языком, конечно.

— Не совсем понимаю смысл, — задумчиво произнесла Варя.

— Предупреждение. Наш мир живет по циклическим законам. Зная их, можно предсказать не только утро или весну. Мы к этому привыкли. Но и засуху, условия для возникновения эпидемий, очередной ледниковый период и очередной Потоп при таянии лишних льдов.

— Ты хочешь сказать, что это постоянно происходит на Земле.

— Конечно. Но не так прямолинейно, как в таблице умножения. Это сложный организм. Живой. Существуют факторы, влияющие слабо, но в какой-то особенный момент равновесия сил даже случайное перышко на одной из чаш весов может перевесить. Это случается крайне редко, но бывает.

— Критические дни Вселенной?

— У нее слишком большая энергия и масса, хотя законы те же, — задумчиво проговорила Марго, потом неожиданно спросила: — А ты бывала в Стоун Хедж?

— Когда училась в школе… — улыбнулась мнимая англичанка.

— Это место силы. Под ним проходит мощный излом в коре. Такие, как ты, должны это чувствовать.

— Как я?

— Да. Если захотят… Впрочем, могут и всю жизнь вязать носки.

— Моя тетушка вязала замечательные носки из овечьей шерсти. Теплые, с орнаментом.

— Эли, никогда не поверю, что ты надевала чепец и теплые носки. — Чепец — нет, а вот в носках забиралась в старое кресло и читала… Когда не лазила по деревьям за мальчишками.

— Ну, что же, звезды не врут.

Они рассмеялись, заметив, что так быстро открылись друг другу. Впрочем, случайным попутчикам отчего-то всегда хочется рассказать намного больше, чем старым знакомым. Тем временем впереди показалось зарево над большим городом.

— Указатель на Каир, — Варя проводила глазами сверкнувшую в свете фар табличку на двух языках. — У тебя есть

отель на примете?

— Я бедный студент, который не может себе позволить ни такую машину, ни хороший отель.

— Тогда приглашаю на ужин.

— О нет, — грустно вздохнула Марго. — Это страна для мужчин, и две девушки вызовут массу кривотолков… Если можешь потратить немного денег, лучше снимем большой номер на двоих.

— А что, это идея.

— Тогда не в Каире. Едем сразу в Гизу.

— Но пирамиды сейчас вряд ли открыты, — возразила мнимая англичанка.

— Сразу видно, что ты здесь впервые. Гиза — это третий по величине египетский город, вернее, уже пригород Каира. Как раз на западном берегу Нила.

— Рядом с Великими пирамидами?

— Да из окна видно…

— Эли, сейчас мне не хочется идти на экскурсию по пирамидам, — взмолилась Марго. — О них столько сказано-пересказано…

— Ладно, — согласилась Варя. — Схожу сама попозже.

— Пойдем сразу к Большому Сфинксу. Я тебе покажу, как позиционировать объекты с помощью компьютера и пользоваться программой трехмерного моделирования.

— Уговорила.

Девушки, едва позавтракав в отеле, выпорхнули из его прохлады под горячие лучи утреннего африканского солнца. Приближение долгожданной встречи окрыляет. Забыв утомительный ночной переезд, они поспешили к восточной оконечности плато Гизе, где верный страж Великих пирамид застыл, обратив человеческое лицо к Нилу.

— Слушай, — Марго обернулась к спутнице. — Я только сейчас обратила внимание на название нашего отеля. «Виктория» — это знак.

— Да, он весь светился ночью, — пожала плечами Варя.

— Рекламу издалека приметила. Вроде, солидный. Не обворуют… Ты свой ноутбук не оставила?

— Что ты! Мы сейчас с ним поработаем…

Когда приятельницы добрались до Большого Сфинкса, солнце уже припекало. В толпе туристов суетились шустрые арабы, наперебой предлагающие сувениры, услуги опытного гида и «настоящие раритеты». Девушки едва отбились от назойливых провожатых, чтобы самим рассмотреть детали.

— Действительно вырублен из скалы, — восторженно

прошептала Марго, идя вдоль огромной скульптуры. — Смотри, а тут новыми плитами низ прикрывают.

— Боже, какой он старый, — в тон ей прошептала Варя. — Борозды от эрозии метра по два глубиной… Наверное, опять реставрацию затеяли.

— Идем, у Сфинкса между лап должна быть стела. Девушки прошли по широкой подковообразной траншее, вырубленной вокруг тела Сфинкса, отделяющей его от скалы. Общий наклон плато Гиза вынудил строителей углубиться под небольшим углом в камень, чтобы Сфинкс «лежал» горизонтально. От этого сбоку была видна только голова монумента. Очевидно, изначально это был огромный выступ поверх самой скалы, что и послужило поводом для выбора места.

— Чего ты там застряла? — удивилась Варя, глядя, что Марго возится с ноутбуком.

— Минутку. Я вставила приемник глобальной навигации. GPS. Сейчас запишу координаты углов Сфинкса. Представляешь, точность меньше метра.

— И что это дает?

— Точку наблюдения для программы… Давай определимся, куда направлен его взгляд.

Немногочисленные туристы были в основном заняты фотосъемкой друг друга на фоне самой большой скульптуры в мире и не обращали на девушек никакого внимания.

— Смотри, вот эта стела, — Марго кивнула в сторону плоской двухметровой каменной плиты, установленной меж мощных длинных лап изваяния.

— Новодел… — с сожалением медленно проговорила мнимая англичанка, рассматривая вырезанные изображения на каменной плите.

— Не настоящая? — насторожилась шведка.

— Думаю, что копия. Возможно, текст перенесен точно, хотя могли и подредактировать.

— Зачем?

— Человеку свойственно желание все улучшать. С его точки зрения, конечно…. И в истории, и в археологии такое случается. Если страны маленькие и расположены близко, документы одного периода оседают у соседей, которые их не правят, и до истины легко докопаться. Если же страна огромная, а власть сконцентрирована в одних руках, многое могут так переиначить, что потребуются огромные усилия…

— Ив скульптуре?

— Конечно. Сейчас я собираю материал о Нефертити… ну, это как-нибудь потом.

Варя замолчала, углубившись в перевод текста на стеле. Заметив это, подружка удивилась:

— Ты что, вот так запросто можешь это прочесть?

— Ну, не запросто… Молодой принц Тутмос пишет, что задремал в тени «страшной головы». Ему приснился сон, в котором боги шепнули, что помогут Тутмосу взойти на трон Египта, если он освободит из-под песка тело льва.

— И что?

— Сфинкса откопали, а Тутмос Четвертый стал фараоном.

— Погоди, это Тутмос, который сверг твою Хатшепсут?

— Почему мою? — Варя очень внимательно посмотрела на спутницу. — Хатшепсут заменил на посту фараона ее пасынок Тутмос Третий.

— Ну, это я так… Значит, тело Сфинкса было все время под песком?

— Если верить официальной доктрине, то Сфинкс построен фараоном Хафрой из Четвертой династии… Он и вторую пирамиду себе построил, а это две с половиной тысячи лет до Рождества Христова. С тех пор Сфинкса не раз откапывали. Заносит песком за полвека.

— Нет. Тут что-то не так. Посмотри, какой он старый…

— Если приглядишься, то заметишь, что на теле Сфинкса четко выделяются вертикальные полосы. Геологи утверждают, что такое разрушение породы вызывают только продолжительные ливни.

— Насчет дождей это ты загнула. Тут же пустыня… Я вот чего не понимаю. Если его заносит песком, зачем его в этой ямке тогда построили.

— Это сейчас тут песок, — усмехнулась Варя. — А когда-то было дно океана, потом — саванна. Думаю, что, когда Сфинкса строили, тут была трава, потому низину песком и не заносило.

Они замолчали. Мнимая англичанка углубилась в перевод иероглифов на стеле, а шведка уткнулась в свой компьютер. После некоторой паузы она радостно заявила:

— Взгляд Сфинкса направлен точно на восток в день весеннего равноденствия, но в две тысячи пятисотом году до Рождества это было созвездие Овна. Мне нужна зацепка по дате. Тут что-то не вяжется…

— Тут больше загадок, чем ответов… В тексте на стеле Тутмос описывает ритуал возрождения Осириса, который проводили жрецы в этом комплексе. Есть какие-то два пути, ведущие к Пятому Дуату.

— Что такое Пятый Дуат?

— Говоря современным языком, это Врата Времени… Когда

мы сюда шли, обратила внимание на мощенные камнем дороги?

— Тут их несколько. Одна ведет прямо к тому храму, другая — к Сфинксу, сбоку есть дорога к пирамиде Хафры. Слушай, а почему пирамиды по-разному называют?

— Это греческие и египетские имена одного и того же. Хеопс — Хуфу, Хафра — Хефрен, Мекерин — Менкаур… А у тебя в ноутбуке нет случайно плана этих храмов? — Варя кивнула в сторону полуразрушенных построек неподалеку.

— Сейчас поищу. Перед поездкой я собрала все, что можно было найти по Интернету… Вот! Это храмы «Мертвых», «Сфинкса» и «Долины». Смотри.

Варя стала изучать отыскавшиеся картинки.

— Пойдем к Храму Долины. Это меньше километра отсюда. Когда девушки приблизились к развалинам старого храма, их поразили монолитные блоки, из которых были сложены стены почти квадратного строения.

— Слушай, — Марго остановилась и положила ладони на старинную кладку. — Никогда не могла понять, как древние ворочали такие глыбы… Сколько же они весят?

— Тонн по двести. Думаю, и сейчас переместить такую махину не так просто… Не говоря о том, что их нужно было вырубить из скалы, обработать и уложить.

— Я помню картинки из учебника по истории, где рабы перетаскивали огромные блоки из каменоломен на плоты и сплавляли по Нилу.

— Эти монолиты для храма вырубались в той же скале, что и Сфинкс. Смотри, как схожи структуры камня. Скорее всего, они из той траншее, что обрамляет Сфинкса.

— Эли, ты права, — воскликнула шведка. — Такие же следы эрозии, как и на теле льва.

— Главное, такие же вертикальные желобки от воды. Стены Храма Долины, как и тело Сфинкса, поливали дожди не одно тысячелетие.

— Но он же был засыпан песком…

— Думаю, что песок его засыпал после того, как изменился климат и исчез травяной покров с земли.

— Точно… А что ты ищешь в этом храме?

— Сама не знаю, но эта колоннада в виде буквы «Т»… Варя с любопытством стала осматривать огромные, в метр толщиной, колонны в центре зала. Десять парами в линию и шесть в конце, перекладиной. Кое-где наверху еще сохранились массивные перекрытия. Очевидно, на них когда-то держалась крыша.

— Такое впечатление, что они готовились к ядерной бомбардировке, — пошутила шведка. — Стены метра по четыре

толщиной. Причем в один «кирпич».

— Обрати внимание, как блоки фундамента углублены в скалу. Строили не на века, на — тысячелетия… Вот только надписей никаких. Странно. Все пирамиды, построенные в период пятой-шестой династий, просто испещрены иероглифами. Из них составили целую книгу под названием «Тексты пирамид», а тут совсем пусто.

— Ты хочешь сказать, что храм, как и Сфинкс, построен очень давно?

— Явно не Хефреном. Много раньше.

Побродив еще немного внутри храма, девушки не нашли ничего интересного, что привлекло бы их внимание. Обойдя мощную колоннаду Храма Долины еще раз, они вышли с южной стороны, откуда открывался вид на Сфинкса и Великие пирамиды.

— Смотри, а лицо у Сфинкса странное… Не негр и не европеец.

— Это вообще другая раса. Хотя атрибуты фараона присутствуют.

— Мне кажется, что на фоне такого огромного туловища размер головы маловат. Будто ее обточили… когда высекали из того, что было сделано сначала.

— Возможно, — отрешенно бросила Варя. — Смотри, эта дорога хорошо сохранились. Плиты как точно пригнаны, будто недавно положили. Пойдем туда.

— Пошли, — пожала плечами шведка.

Девушки присоединились к небольшой группе немецких туристов, обходивших территорию знаменитого некрополя. Пока гид что-то объяснял отважным пенсионерам из Баварии, мнимая англичанка шепотом обратила внимание своей подружки на то, что пирамида Хафры явно строилась в два этапа, поскольку в ее основании лежали такие же огромные блоки, из которых были сложены стены Храма Долины. А поверх гигантских монолитов высились блоки меньшего размера и другой структуры. Та молча кивнула в знак согласия и чуть сощурилась, показывая, что это не ускользнуло от ее внимания.

Когда вместе с группой более молодых экскурсантов девушки вскарабкались в проход пирамиды Хеопса и проделали нелегкий путь по восходящему коридору к так называемой Камере Царя, они решили отдохнуть и поболтать. Несмотря на то что везде для удобства туристов было устроено электрическое освещение, сооружены деревянные помосты и лестницы, путь оказался не из легких.

— Слушай, Эли, — возбужденно зашептала своей подружке

на ухо шведка. — Я читала, что дойти сюда нелегко, но чтобы так…

— Это же не прогулка по парку.

— Надеюсь, мы тащилась сюда не зря. Внизу я сделала отметки углов по основанию пирамиды. Нужно проверить положение и наклон вот этих узких вентиляционных отверстий из камеры.

— Их называют южная и северная шахты, и они выходят на поверхность, — подсказала мнимая англичанка. — Да их уже много раз проверяли до нас.

— Я все хочу сверить сама. Поможешь?

Варя согласилась. После нехитрых манипуляций с длинной рулеткой и угломером девушки склонились над экраном ноутбука, в программу которого Марго ввела измеренные величины. Трехмерная картина звездного неба над условно изображенной пирамидой начала медленно вращаться. Пунктиры двух наклонных линий из пирамиды указывали на звезды.

— Вот смотри. Северная шахта имеет наклон в тридцать два градуса и направлена точно на Полярную звезду. Из-за прецессии проекция этой линии медленно ползет по звездному небу. Сейчас это Альфа Малой Медведицы. Южная шахта имеет наклон сорок пять градусов и в данное время никуда не указывает. Я могу запустить отсчет в обратную сторону, пока в обеих шахтах не появится звезды, но двух точек маловато…

— Ты забыла, что в Камере Царицы тоже есть две шахты, — вспомнила Варя. — Правда, они были замурованы блоками, да и на поверхность пирамиды не выходят, как эти из Камеры Царя. Но их отыскали в точно таком же месте.

— Пойдем! — вскинулась шведка. — Измерим и введем в компьютер.

Увлеченные возможным открытием, девушки в спешке проделали обратный путь до пересечения с нисходящим коридором и спустились по нему до Камеры Царицы, которая располагалась несколькими ярусами ниже. Им никто не помешал проделать несложные измерения во второй камере и припасть к экрану ноутбука.

— Обе камеры имеют почти одинаковый наклон по тридцать девять градусов, — от волнения голос Марго чуть дрожал. — Пусть программа поищет дату, когда во всех четырех шахтах появятся звезды.

Медленно вращалось изображение звездного неба на экране. Словно волшебная машина времени прокручивала столетия в ускоренном кино. Девушки застыли, представляя себя маленькими фигурками в ярком треугольнике на условной земле

в низу картинки. Наконец вращение звезд прекратилось, а в правом верхнем углу высветились пять строчек. Дата — две тысячи пятьсот лет до Рождества Христова и названия звезд: Альфа Дракона, Зета Ориона, Бета Малой Медведицы и Сириус.

— Этого не может быть! — в отчаянии вскрикнула шведка. Она перепроверила введенные ей самою данные координат углов пирамиды Хеопса, направление и углы наклона шахт. Потом запустила программу заново. Результат оказался прежним.

— Это как раз дата правления Четвертой династии в Египте, — холодным голосом, словно судья, вынесла приговор мнимая англичанка, — что только подтверждает авторство Хафры.

— Не верю! — кулачки Марго разом стукнули по своим коленкам, отчего ноутбук, лежащий на них, чуть не свалился на идеальную кладку каменных напольных плит.

— Не отчаивайся, — дружеская рука ласково легла ей на плечо. — Возможно, шахты из Камеры Царицы не зря были замурованы строителями, потом они могли зашифровать в этом послании какое-то событие, еще неизвестное нам… Кто говорил мне, что мир существует по циклическим законам? Давай посмотрим шире, возможно, увидим другой цикл и другие даты.

— Но я не знаю, на что еще опереться, — недоверчиво прошептала шведка. — У меня нет больше аргументов.

— Древние часто говорили о дуальности мира, — начала размышлять вслух Варя. — Они всегда упоминали аллегории, связывающие небо и землю. Солнце — это бог Ра, Орион — Осирис, Сириус — Исида, Тот — Луна… Ты знаешь, что расположение трех Великих пирамид повторяет три звезды из пояса созвездия Ориона, а их масса пропорциональна яркости этих звезд?

— Нет…

— А то, что периметр основания пирамиды Хеопса относится к ее высоте, как диаметр к длине окружности. Два пи. А ее высота и периметр в масштабе 1: 43 200 равны ее радиусу и длине экватора Земли?

— Ты сказала 43 200? Так это же в точности период Большой прецессии из-за влияния больших комет на Землю…

— Пирамиды полны таких «совпадений». Это просто справочник мировых констант. И заложены они в миллионы тон известняка и гранита на огромном горном плато, способном выдержать такой «справочник» тысячелетиями.

— Эли, еще, — умоляющим голосом пролепетала Марго, говори!

— Хорошо. Если на то пошло, то имена фараонов Хеопса,

Хафры и Микерина ничем не примечательны в истории Египта. Они сами решили прославить себя. Думаю, что логичнее было бы называть Великие пирамиды более достойными именами. Осирис, Исида и Гор. Тогда логично продолжить мифологию и вспомнить, что небесный двойник бога Осириса, созвездие Орион, которое древние называли Сах, «Шагающий широко» всегда связан с Млечным Путем. Его древние называли «Извилистый водный путь». Следовательно, если три Великие пирамиды отображают созвездие Ориона, то рядом должен быть отображен и Млечный Путь. Лучшего кандидата на эту роль, чем Нил, трудно придумать.

— Ну ты даешь, подруга, — вскрикнула Марго. — Сейчас найду карту Нила и введу в программу.

— Только не забудь сделать поправку к востоку. Метров триста. Есть сведения, что русло смещалось.

Несколько минут напряженного ожидания — и тишина Камеры Царицы огласилась радостным воплем Марго. Картина звездного неба на мониторе ее ноутбука остановилась в совершенно ином положении, а в правом верхнем углу светилась дата 10 500 лет до Рождества Христова.

— Это же эпоха Льва, — визжала шведка, не в состоянии сдержать своей радости. — Взгляд Сфинкса направлен точно на созвездие Льва в день весеннего равноденствия… Я знала, знала! У Сфинкса могла быть только голова льва, а не какого-то там фараона… Стрела Хельги не соврала!

На шум в Камеру Царицы начали заглядывать любопытные туристы. Девушки, как могли, успокоили их.

— Ты считаешь, что найденных совпадений будет достаточно для твоей дипломной работы? — с легкой иронией спросила Варя.

— Да это будет сенсация, и не только у нас в университете! — глаза Марго просто светились восторгом. — Я приглашу тебя на доклад, как соавтора. Приедешь?

— Не думаю, есть другие интересы, — уклончиво охладила пыл подружки мнимая англичанка. — У меня до сих пор не выходит из головы фраза о двух путях в Пятый Дуат.

— Давай поищем другую дорогу на карте.

— Думаю, что речь идет не о реальной дороге… Именно путь. В мифологии Египта религиозные представления о строении мира часто перекликаются с истинными знаниями и научными фактами. Они хитро вплетены в общую ткань, словно серебряные нити. На них все держится, но нити не видны. Греки даже ввели понятие герметичности. Гермес так умел скрывать истину от непосвященных, что это стало поговоркой.

— При чем тут Гермес?

— Это более позднее греческое имя того, кого египтяне звали бог мудрости и знаний Тот. Согласно их мифологии, Тот научил древних египтян математике, письменности, астрономии, медицине… Короче, всему. Он всегда занимался науками и стоял в стороне от политики. Древний город знаний в Египте, где верховодил Тот, назывался городом Инну. Позже греки переименовали его в Гелиополис.

— Едем в Гелиополис! — вскинулась Марго.

— Остынь… Текст на стеле у Сфинкса прямо указывает, что возрождение Осириса происходило именно здесь. Думаю, что весь некрополь Гизы задуман только поэтому. Авторы Великих пирамид и Сфинкса обладали не только знаниями, но и ювелирным мастерством, чтобы сложить из огромных каменных глыб комплекс, с точностью в доли миллиметра и ориентированный в тысячные доли градуса. Тут все имеет свое значение. Две даты, которые нашла твоя программа, не случайны.

— Две тысячи пятьсот и десять тысяч пятьсот?

— Да. Предположим, что тут зашифрована какая-то точка. Нужно измерить по карте расстояние от этой пирамиды до Нила.

— Не вопрос, — Марго застучала по клавишам ноутбука. — Получилось 6799 метров до старого русла.

— У египтян в то время мерой длины был царский локоть в 52,3 сантиметра, — стала припоминать Варя. — А ну-ка, раздели полученное расстояние на длину локтя в метрах.

— Момент… — не прошло и минуты, как шведка подняла на Варю широко раскрытые от удивления глаза. — Ровно тринадцать тысяч. Это же сумма звездных дат…

— А такая дорога на схеме есть?

— Нет, есть только от Нила до Храма Долины…

— Похоже на второй путь в Пятый Дуат.

— Но дороги же нет, — растерянно протянула Марго.

— Было бы странно, если бы его начертили красной краской… А скажи-ка мне, в какой пропорции делится расстояние отсюда до Нила через храм.

— В метрах?

— В локтях, конечно!

Короткой дробью пробежали пальчики по клавиатуре… и шведка застыла, не решалась оторвать глаза от экрана. В напряженной тишине были слышны чьи-то шаги и пыхтение в коридоре, ведущем в Камеру Царицы. Наконец Марго выдавила из себя:

— Пропорция точная. Десять тысяч пятьсот и две тысячи пятьсот… Эли, ты гений!

— Что здесь происходит? — в камеру ввалились двое охранников. — Кто кричал?

— Это мы спорили, как пройти в Нижнюю Камеру, — быстро нашлась Варя. — Мы заблудились. Простите, пожалуйста.

— В коридоре есть указатели, — недружелюбно рявкнул один из охранников.

— Вернитесь к красному плакату, — спокойнее объяснил второй, увидев округленные глаза шведки. — Потом вниз. Только там испачкаетесь. Нужно будет пробираться ползком. Клаустрофобией не страдаете? Если почувствуете страх, возвращайтесь сразу. Ничего интересного внизу нет… а вот вытаскивать оттуда на веревках очень сложно. Одежду порвем, кожу поцарапает. Так что подумайте.

— Нет-нет, — успокоила вояк Варя. — Мы тренированные. По пещерам не раз лазили.

— Тогда разговаривайте потише, а то мы подумали, что здесь террористы…

Еще раз окинув недружелюбным взглядом щупленьких туристок, вояки удалились, обсуждая что-то по-арабски. Девушки вздохнули с облегчением и отправились в Нижнюю Камеру пирамиды. Вернее, впереди уверенно шла мнимая англичанка, а за ней, с опаской озираясь по сторонам, плелась шведка.

Им действительно пришлось нелегко. Протискиваясь в узкие лазы и продираясь через небольшие пробоины в толстых стенах, девушки то оказывались в небольших комнатах, то в наклонных коридорах. Когда же дорогу преградила массивная стена, они поняли, что уперлись в тупик. Под электрической лампочкой сбоку висела табличка, где на нескольких языках сообщалось, что это самая нижняя точка исследованного лабиринта Великой пирамиды, так называемая Нижняя Камера. Она была абсолютно пуста.

— Неужели больше ничего нет? — растерянно озиралась по сторонам Варя. — Что-то должно быть еще.

— А что ты ищешь?

— Пока не знаю сама, но многое сходится на Нижней Камере.

— Что сходится-то?

— Если я правильно помню, Камера Царицы расположена на вертикали пирамиды, примерно на трети высоты. Мы опустились по вертикали метров на восемьдесят от Камеры Царицы…

— Мне кажется, что все двести, — Марго обхватила себя руками, будто ее пробрал озноб.

— Углы наклона коридоров в пирамиде составляют ровно половину наклона сторон — двадцать шесть градусов. Считая шаги по обоим коридорам и в колодце, у меня получилась эта

цифра. Значит, мы сейчас ниже нулевого уровня метров на тридцать. Пирамида Хеопса построена вокруг большого холма известняка, стало быть, это тоннель в скале. Не думаю, что строители пробивали такой тоннель в монолите просто так.

— Наверное, у них была какая-то мысль.

— Думаю, что очень конкретная, если им пришлось выбрать отсюда тысячи тонн камня.

— Прятали сокровища?

— Ты бы стала строить над своим кладом огромный маяк, видимый на плоскогорье за десятки километров? — усмехнулась Варя. — Нет, это построено здесь потому, что другого такого места нет.

— Место силы? — встрепенулась шведка.

— Что-то в этом роде… Я никак не могу вспомнить из мифологии, что предшествовало возрождению Осириса.

— А когда это происходило?

— Летом. Перед разливом Нила. Ждали восхода Сириуса…

— Как Вам не стыдно, юная леди, — осуждающе покачала головой Марго. — Это же летнее солнцестояние. Ваш день рождения. Ему предшествует «темный период», когда Сириус скрыт за горизонтом на семьдесят дней. И вот он впервые поднимается из небытия. Рассвет двадцать второго июня просто магический. Уж Вам ли этого не помнить, Ваша светлость, — она сделала торжественный поклон, делая вид, что придерживает руками воображаемые пышные юбки.

— Поднимается из небытия, — как завороженная повторила слова шведки Варя, не обращая на остальное внимание. — Сириус поднимается снизу… Тут должен быть тоннель!

— Как тоннель? — Марго даже оглянулась.

— От самого Нила. К Нижней Камере. Через какую-то остановку под Храмом Долины… Это и есть второй путь к Вратам Времени!

Хорошо, что в этот момент, кроме двух отважных исследователей пирамиды, никто не решился опуститься так глубоко. Они сидели в одиночестве, разглядывая грубо отесанные стены. Постепенно какая-то апатия стала овладевать ими. В напряженной тишине появилось ощущение, что страх постепенно наполняет их души. Сознание того, что они абсолютно беззащитны под нависшими миллионами тонн камня, вынуждало поторопиться.

— Пойдем… — заскулила Марго. — Вдруг там что-нибудь сдвинется в проходе. Он такой узкий.

— Ты же сама высчитала, что пирамида стоит уже тринадцать тысяч лет, — попыталась успокоить спутницу Варя.

— Вот я и говорю, старая очень. Вдруг что прогнило…

— Да она столько землетрясений выдержала, что никакой бомбой не взять.

Упоминание о землетрясении прозвучало явно зря. Это было последней каплей. Шведка подхватилась и на четвереньках стала пробираться по узкому проходу наверх. Мнимая англичанка с сожалением окинула напоследок самую нижнюю точку пирамиды и отправилась за перепуганной подружкой.

Яркое африканское солнце и сухой горячий ветерок показался девушкам милее всего на свете. Короткое добровольное заточение у одной их них оставило тягостные воспоминания, у другой — ликование от разгаданной тайны.

— Хватит нежиться, — подтолкнула Варя подружку. — Пошли скорей!

— Куда? — она приняла явно оборонительную стойку.

— Как куда? Тоннель искать!

— Эли, ты, конечно, гений и фанат, но не до такой же степени. Да меня теперь никаким калачом в эти катакомбы не затащишь. Я лучше тут умру!

— Ладно, живи.

Мнимая англичанка круто повернулась и решительно направилась в сторону Нила. А у оставшейся Марго на лице отобразилась целая буря переживаний. Она то решалась бежать за подругой, то поворачивалась в сторону отеля, то кричала вслед удаляющейся фигурке просьбы вернуться, то в отчаянии топала ножкой. Потом, громко ругаясь по-шведски, уныло побрела в сторону ненавистной реки…

— Я знала, что все англичане ненормальные, но чтобы и девочки были такими психами. Это слишком… Я, конечно, благодарна тебе за Хельгу, но, может, потом как-нибудь…

Однако никакие угрозы и просьбы не могли остановить худенькую Эли.

— Лучше достань свой ноутбук и подскажи направление. Остальное я сделаю сама.

— Да, пожалуйста, — Марго скинула с плеч рюкзачок и включила переносной компьютер. — Вон за тем бугром…

Действительно, в указанном месте оказалось старое русло Нила. Высохшее дно одного из рукавов великой реки было выложено плотной глиной и камнем. Веками вода вымывала менее плотную породу оставляя что-то вроде природного бетона. Какой-то катаклизм изменил течение, оголив под солнцем бывшую артерию. Западный берег старого русла шел вдоль скалы. Очевидно, это было оконечностью плато Гиза.

Варя отыскала удобное место и спустилась вниз. Побродив

немного по высохшему дну русла и внимательно разглядывая стенки скалы, она заметила одну интересную особенность. Почти у самого дна была явно искусственная каменная кладка.

— Как ее раньше никто не заметил? — удивилась Марго, когда поняла, о чем толкует ей подруга.

— Потому что мы знали, что ищем!

Прошло не менее часа, пока девушкам удалось вытащить несколько камней из засохшей на солнце кладки. Ее давно никто не тревожил, хотя камни были только плотно пригнаны друг к другу, но не скреплены цементом или гипсом.

— Ты не стой там, — крикнула Варя, протискивая свое щупленькое тело в образовавшееся отверстие. — Лучше иди в отель. Я вернусь вечером.

— Нет, я тебя не брошу!

— Иди, а то зажаришься на солнце… С собой я тебя все равно не возьму… Уходи.

Ее шаги и голос быстро затихли в черном проломе каменной кладки, так долго скрывавшей свои секреты. Шведка никак не могла решиться на повторное путешествие в «катакомбы». За черной дырой ей мерещились все ужасы того и этого света. Выкурив подряд пару сигарет, Марго махнула на все рукой и пошла в отель.

Варя помолилась всем богам Египта и вытащила из кармана маленький фонарик. Надолго не хватит, но искать что-то и потом возвращаться у нее не было терпения. Нужно не сбиться, считая шаги. Через несколько километров она окажется под Храмом Долины. Третья Книга манила к себе. «Тут ей самое место», — размышляла девушка. Вода и колоннада в виде буквы «Т» в храме совпадали с ее видением. Очевидно, под теми колоннами есть какой-то зал или комната, где над претендентом совершается последний обряд. Он проходит… а может, и не проходит последнее испытание перед тем, как предстать перед Вратами Времени.

Скорее всего, в тексте на стеле у Большого Сфинкса упоминается два пути к Пятому Дуату, потому что один путь для простых смертных. Они умирают естественным путем, то есть навсегда. Их тела бальзамируют и хоронят согласно священному обряду, и только немногие знают, что у бедняг нет шансов на воскрешение, подобно Осирису. А второй путь — через тоннель для посвященных. Для тех, кто рожден в день Тхар. Как сказала эта шведка… раз в тысяча сто семьдесят три года. Она не зря с детства разговаривала с Александром, и не зря ей достался гребень Хатшепсут Они родились в день Тхар, и по праву рождения стали избранными. Впрочем, в этот день рождается не

так мало народу на планете. Очевидно, есть что-то еще, влияющее на судьбу. Возможно, это собственный выбор, а может быть, и наследственность.

Варя осторожно коснулась своего затылка. Небольшой черепаховый гребень прятался в ее прическе. Она уже привыкла к нему, и казалось, что он там был всегда. В январе будет год, как она ступила на эту землю, как все закружилось вокруг… Неожиданно под ногами захлюпала вода, и это отвлекло девушку от воспоминаний. Тоннель был почти правильной круглой формы, в ее рост. Оглянувшись, Варя увидела далеко позади свет в проеме кладки. Значит, он был прямым. Интересно, если тоннель горизонтальный, то раньше он был полностью заполнен водой. Аквалангов в те времена не было. Это самая простая защита от любопытных и нежданных гостей. Несколько километров под водой никто не пронырнет. Всякий должен был погибнуть прежде, чем доберется до комнаты под храмом… Варе вспомнилась картинка на каменном блоке в храме Хатхор, который им пришлось разбить, чтобы достать гребень. Там тоже двое атлетов топили жертву. Причем жертва за миг до этого участвовала в половом акте. Это символ зачатия, плодородия и возрождения. Вот в чем дело! Стало быть, посвященный должен пройти испытание смертью. Если он избранный, то его интеллект не даст физическому телу погибнуть. Сознание можно развить до такой степени, что оно будет управлять не только внутренними органами, но и каждой клеткой. Третий глаз станет новым сердцем для всего организма.

Он будет не только управлять правильным делением клеток, исключая ошибки, накопление которых приводит к болезням и смерти. Третий глаз еще сможет питать энергией каждую клетку. А черпать эту энергию он сможет из космоса, который отнюдь не пуст. Но тогда не только жизнь, но и смерть будет полностью подвластна сознанию. Идеально. Если не сказать — божественно. Значит, чтобы стать богом, нужно родится в день Тхар, получив от кометы Цирцеи некие уникальные свойства. Скорее всего, это связано со способностью активировать участок мозга, который называется Третьим глазом. Затем прочесть две Книги из Тайной комнаты, испытать себя смертью, и если останешься жив, то появится возможность прочесть Третью Книгу. Тогда Врата Времени подвластны, они откроют другие миры. Этот путь и есть отбор среди рожденных в день Тхар. Его проходят единицы.

— Господи, откуда я все это знаю?

Воды стало по колено, но девушка только ускорила шаг. Она жаждала испытать себя смертью… Стоп. 5491 метр от входа в тоннель, это ровно 10500 царских локтей. Подсознательный счет

она не прекращала ни на шаг. Значит, Храм Долины над головой. Но воды едва по пояс. Желтеющее пятно электрического фонарика выхватило из темноты металлические скобы, ведущие куда-то вверх. Лестница в зал! С замирающим от волнения сердцем Варя просто взлетела по ним, не думая о возможных ловушках. Ее ждала большая квадратная комната, украшенная по стенам и потолку рисунком на камне. Это была картина звездного неба. Солнце вставало в созвездии Льва. Находясь под впечатлением открытия, девушка затаила дыхание и зажмурилась…

Однако ничего не произошло. Не было ощущения блаженства и мелькавших картинок в сознании, как это она дважды испытала при встрече с первыми двумя Книгами из Тайной комнаты. Третьей книги не было!

— Уплыла твоя Книга, — неожиданно прозвучал в ее сознании чужой голос.

— Давно уплыла отсюда, — вторил ему эхом другой, насмешливый.

— «Буль-буль» сказал на прощание, — слова слились со львиным рычанием.

— Крестик на карте стерся, — хихикнул знакомый детский голосок.

— Нужно поставить другой крестик, — вторил ему прежний насмешник.

— Сыграем в крестики-нолики, — голосок удалялся. И все затихло.

Глава XV. Амарна

Подавленное состояние после неудачи в зале под Храмом Долины не покидало Варю. Она вновь сидела за рулем послушного джипа, уносившего ее к далекому городу в верхнем течении Нила. Построенный когда-то в пустыне по приказу Аменхотепа Четвертого, он так и не снискал себе славы новой столицы. Опальный фараон, возомнивший себя богом, который способен заменить собою целый пантеон старых богов Египта, был стерт с лица земли. Впрочем, следы остались. Его идея монотеизма успешно реализовалась позже в христианстве, иудаизме и мусульманстве. Эти ветви одной религии достаточно сильно разнятся друг с другом, но корень у них один. Его заботливо вынашивал фараон-еретик, сменивший свое имя на Эхнатон — «живой дух Атона». За что и был проклят соплеменниками.

Несчастливая судьба была и у его первой жены, Нефертити, что переводится как «красавица идет». Эхнатон, подобно своему великому отцу, фараону Аменхотепу Третьему, взял в жены любимую женщину из простолюдинок, а не принцессу крови. Она была не только первой женой фараона, но и верным другом, советником во всех начинаниях. Впрочем, увлеченный идеей передела всего и вся в своей империи, Эхнатон сменил ей имя на Нефернефруатон, а впоследствии охладел к ней. Красавица умерла не своей смертью. Ее великолепная скульптура была найдена в начале прошлого века на развалинах несостоявшейся новой столицы Египта — Ахетатона. Теперь там маленький поселок Амарна. Бюст Нефертити удивительным образом сохранился в песке нетронутым, даже краска не потускнела за три тысячи лет. Только из левой глазницы пропал камень, подменявший зрачок. Счастливцем, отыскавшим длинношеюю красавицу, был немецкий археолог Борхард. Он так влюбился в это изваяние, что незаконно вывез его в Германию, зарегистрировав под другим именем. Когда же обман открылся, вспыхнул жуткий скандал. Пресса бушевала в обеих странах. Но пришел к власти Гитлер и рассудил по-своему. Забрал бюст Нефертити в свою коллекцию. В апреле сорок пятого американские войска конфисковали золотой запас нацистов в сто тонн золота и произведения искусства. Нефертити пошла «по рукам». Позже она вновь оказалась в Германии, но Египет продолжает бороться за ее возвращение на родину. Неспокойная судьба.

Что еще скрывают пески, похоронившие некогда пышную

столицу, названную как «горизонт бога Атона» — Ахетатон. Эти мысли отвлекали Варю от грустных переживаний в долгой дороге. Ее внутренний компас нацелился на эти развалины, и она доверилась ему.

Прощание с неожиданной попутчицей из Швеции было коротким. Собрав свои нехитрые вещи без объяснений, Варя внушила Марго, что они никогда не встречались, а сопровождала ее совсем другая женщина. Данные в ноутбуке были уничтожены, а все приключения и сделанные открытия исчезли из воспоминаний шведки так же легко, как теплый ветерок их последним вечером колыхнул на прощание занавеску на балконе. У портье гостиницы «Виктория» остался оплаченный на неделю вперед счет за их номер и полная уверенность, что француженка, поселившаяся со шведкой, только что ушла на прогулку.

Варе не понравились вопросы о Хатшепсут, что так настойчиво задавала ей Марго, да еще пара умело прикрытых оранжевых пятен в ее памяти. Они были очень похожи на те два, что она нашла в головке смышленого Фахима. Рисковать девушка не имела права, вот и пришлось поработать с двумя абсолютно разными людьми, имеющими одинаковый старательно прикрытый след воздействия. То, что ее отыщут в Египте и будут сопровождать, даже не удивило. Скорее это было нормой. Варя даже пошалила немножко. Она оставила в памяти обоих «случайных» знакомцев по образу с букетом бутонов роз. Возможно, это был не господин Фатхи, а кто-то другой. Так или иначе, тот, кто будет просматривать память своих подопечных, ничего, кроме образа бутонов, не найдет. Пусть истолковывает их как угодно. Она научилась оставлять после себя в памяти любого человека черные тоннели такой глубины, что в них заблудится всякий.

Радиоприемник в джипе девушка уже давно не включала. Возможно, где-то под капотом был спрятан другой передатчик или радиомаяк, но она пока этого не боялась. С одной стороны, был риск застрять без помощи в дороге, с другой стороны, была опасность появления нежданных гостей. И второй вариант был более неприятен.

Варя затруднялась утверждать, что ее навело на мысль продолжить поиски в Амарне. Было ли это влияние гребня Хатшепсут или мысль Джузи о том, что только великий реформатор мог перепрятать Третью Книгу, поскольку хотел изменить и религию, и традиции Египта. Эхнатон замахнулся на многое, поэтому такая вероятность была велика. Вот только отыщется ли там буква «Т» и вода, оставалось неясно.

Первое, что удивило Варю в дороге к выбранной цели, было

то, что в таком туристическом рае, как Египет, почти никто ничего не знал об Амарне. Даже не на всех картах она была обозначена. Чтобы не заблудиться, девушка делала отметки на электронном планшете бортового навигатора, стараясь запоминать пункты, которые она миновала. Из прочитанных ранее статей Варя помнила, что до поселка Эль-Амарна от Каира около трехсот километров. И это все. Те египтяне в лавках и придорожных кафе, что говорили по-английски, уклончиво отвечали на ее расспросы о дороге. Предлагали посетить Луксор, храмы в Карнаке, а о заброшенной столице никто не хотел вспоминать. Только бросали пространные фразы, что там плохое место. Впрочем, однажды ей повезло, заправившись топливом «под завязку» и перекусив в небольшом кафе за городом Бени-Мазар, она легко разговорила хозяина. Араб неожиданно для служащих бросил свой «наблюдательный пункт» и подсел к молоденькой европейке за столик, словно к давнему другу. На хорошем английском он рассказал, что ехать нужно до Эль-Миньи, а там — на пароме переправиться на восточный берег Нила. Дальше ехать по проселочной дороге. При этом черные глазки толстяка испуганно забегали по сторонам, и он почти шепотом сообщил, что места там неспокойные, много полиции и проверок. Туристы редко посещают заброшенный город, и нужна хорошая легенда, чтобы полиция не завернула обратно. Предстоящее общение с копами, или как их там называют местные, не очень волновало Варю. Тут она была уверена, что проблем не будет.

Близилась полночь. Все меньше машин попадалось по дороге, но останавливаться в придорожном отеле на ночевку не хотелось. Съехав на какую-то площадку у трассы, Варя решила осмотреться. Место открытое, если что, можно быстро выскочить обратно на дорогу. Она выключила двигатель и погасила огни. Джип тяжело вздохнул напоследок и умолк. Стало очень тихо. В черном небе горели яркие звезды. Раньше девушка никогда не испытывала такого трепета перед их манящим светом, но теперь, после загадок, открытых с помощью компьютерной программы, она глядела на звездное небо с особым чувством. Оказывается, смотреть нужно было не только под ноги и разгадывать спрятанные в земле тайны, как это делают все археологи. Нужно поднять голову и смотреть на удивительные звезды. Они хранят в себе не меньше удивительных тайн. Как интересен мир! Он полон секретов и живет по своим законам. Кто-то уже разгадал некоторые из них и попробовал передать их потомкам, избрав в качестве пера и бумаги миллионы тяжелых каменных блоков. Язык оказался сложным и понятным далеко не всем. Хотя, если

задуматься, многие ли пытались его разгадать. Большинство живет своими заботами и радостями и не понимает, зачем нужно копаться в чужих секретах. Значит, это путь избранных — продираться сквозь заторы времени к знаниям. Но ведь миллионы счастливы на земле и без этого. Они давно определили круг своих интересов и не выходят за него. Достаточно встретить любовь, построить дом и семью. Что же ей не дает быть похожей на эти миллионы счастливых людей? Что подталкивает ее все дальше и дальше по иному пути. Наверное, Джузи был прав, когда сказал ей — свернуть уже не удастся. Выбор сделан. Интересно, как близки духовно могут быть совершенно посторонние люди. Она знает этого умного и своенравного старика всего ничего, но так часто вспоминает его… Как здорово он сказал однажды о братстве духа! Теперь Варя понимает, что он имел в виду.

Странно, раньше она ни за что не согласилась бы заночевать одна в дороге. Тем более в незнакомой стране. Но теперь много было иначе. Гораздо большая опасность исходила от людей, нежели каких-то недоброжелательных обстоятельств. Впрочем, людей она научилась чувствовать. Видеть насквозь. Они и не догадываются, насколько точна эта поговорка. Но теперь пропал ореол загадочности у всех незнакомцев, ей приятнее «говорить» с камнями.

Варя достала из холодильника бутылку с каким-то прохладным напитком и бутерброд. Было и без того прохладно, а пара глотков просто бросила ее в дрожь, но садиться в кабину она не торопилась. Звездное небо над головой было удивительным… Все же, решив немного поспать, девушка закрылась в кабине остывающего джипа и задремала.

Ее разбудили странные звуки. Почти рассвело, и в серой мгле Варя увидела мелькавшие рядом тени. Машинально запустив двигатель и нащупав ступнями педали, она включила фары. Это были то ли дикие собаки, то ли шакалы. Один из стаи, покрупнее, наверное вожак, блеснул красными глазами и побежал в сторону дороги. Девушка поехала за ним. Он остановился на обочине в сторону Эль-Миньи и замер. Медленно проезжая мимо него, Варя вспомнила историю открытия «Текстов пирамид». Тогда вот так же на рассвете строитель пошел за странным шакалом и провалился в подземный ход, который и привел его в зал одной из разрушенных пирамид, покрытый странными иероглифами… Ну что же, это был хороший знак перед дорогой.

Эль-Минья оказалась достаточно крупным областным центром. Большой щит у въезда в город гордо сообщал, что население перевалило за полмиллиона. По прямым улицам и перпендикулярным перекресткам можно было судить, что город

стал расширяться недавно. Несмотря на раннее утро, было много прохожих и всевозможного транспорта. Видно, что здесь занимались не только сельским хозяйством, но была и промышленность.

Паром через Нил оказался большим плотом, на который заехать можно было, только пройдя полицейский контроль. Внушив блюстителям порядка правильную мысль о серебристом джипе, Варя даже не вышла из машины. Повозки и автомашины самых разных мастей заполняли все пространство парома. Когда он, наконец, отчалил, покачиваясь, все разом угомонились, важно соблюдая «морские» традиции. Едва подобие ковчега Ноя мягко уткнулось в противоположный берег великой реки, суета и шум возобновились с большей силой. Это был даже не восточный базар, это был плавучий базар. Полосатый шлагбаум другого полицейского кордона важно пытался навести порядок, фильтруя бурный поток, хлынувший с парома, но это была одна видимость. Джип беспрепятственно проехал мимо усатого полицейского, задумчиво смотревшего в другую сторону.

Полагаясь только на интуицию, Варя какое-то время ехала по трассе, вдоль которой тянулись орошаемые поля. Заботливые руки проложили каналы от Нила и непрестанно трудились на полях, выращивая самые различные овощи и фрукты. В одном месте ее внимание привлек съезд на грунтовую дорогу. Только желтый песок и накатанная колея, терявшаяся среди барханов. Девушка уверенно свернула с бетонки и немного сбросила давление в баллонах. Джип пошел мягче и увереннее. В зеркала были видны клубы рыжей пыли, оседавшей позади машины и постепенно скрывавшей ее след.

За поворотом дороги показался плакат на двух столбиках с облетевшей желтой краской. Написанный от руки печатными английскими буквами текст с исправлениями оповещал о прибытии в Эль-Амарну, на территории которой когда-то была столица. Правда, всего на протяжении двадцати лет. Джип медленно двинулся вперед, присматривая место для парковки. Величественный город Ахетатон лежал в руинах. Остатки огромного дворцового комплекса и жилые кварталы знати растянулись большим правильным прямоугольником вдоль Нила. Возможно, если бы Эхнатон повелел строить свою новую столицу не из блоков обожженной глины, напоминающей большие кирпичи, судьбы города не была бы столь плачевна, но он торопился, и технология его подвела. Ненависть современников ко всем земным делам фараона-еретика была столь велика, что после его смерти от зданий не оставили в буквальном смысле слова камня на камне. Только высеченные из розового гранита

колонны кое-где еще стояли на своих местах.

Оставив джип под присмотром местного полицейского кордона, «взявшего под козырек» при виде серебристой машины, Варя направилась знакомиться с достопримечательностями. Было жарко, песок лез в глаза и волосы, но азарт подстегивал двигаться вперед и вперед, осматривая руины. Прежде всего она отправилась к бывшему центру города, где виднелись остатки огромного храма. Отыскавшаяся сопроводительная табличка на английском гласила, что «Дом Атона в Ахетатоне» первым открыл двери для простых верующих в те далекие времена. И действительно, до Эхнатона привилегия приносить жертву богам и общаться с ними принадлежала только фараону и первым жрецам. Фараон-еретик решил предоставить такую возможность каждому смертному. Поэтому храм имел огромное количество жертвенников для всех желающих и единственную статую бога Атона. Причем крыши не было, поскольку небо считалось его обителью и принадлежало только ему.

Осмотр храма не вызвал никаких эмоций. Варя привычным жестом коснулась своей прически на затылке. Гребень был на месте, но не подавал и намека на какую-нибудь подсказку.

На южной оконечности Ахетатона был расположен дворец Мару-Атон. Он лучше сохранился и был более подробно исследован. Подробная цветная схема на большом плакате у развалин изображала то, что некогда блистало в новой столице. Это были личные покой фараона и Нефертити. Здесь были огромные цветники, озеро с островом, длинные ряды колонн имели капители в виде пальм, пилястры павильонов украшались цветками в виде лотосов. Но главное — оросительные каналы, тянувшиеся от Нила, делали столицу цветущим раем. Здесь даже был зверинец. Остатки кормушек для животных и сейчас украшены их барельефами. Все было пропитано основной идеей создания Ахетатона — объединение нации вокруг одного божества. И вода играла в этом важную роль.

Варя замерла от неожиданности, когда увидела на схеме изображение сада с овальным прудом, от которого тянулась цепочка из одиннадцати бассейнов в виде буквы «Т». Они располагались таким образом, что их края соприкасались. Очевидно, когда-то вода переливалась из верхних в нижние. Прикинув, где эти бассейны должны быть на самом деле среди руин, девушка метнулась вперед.

Среди колонн, богато украшенных резьбой по камню, виднелись остатки бортиков бассейнов, сверкающие на солнце осколками каких-то камней или цветного стекла. Все было почти полностью занесено песком. Кое-где остались следы недавних

раскопок, но и эти вмешательства человека постепенно стирал беспощадный песок. Он, как кладбищенский сторож, беспристрастно следил за порядком. Тревожное чувство вновь охватило Варю. Она попробовала ладонями очистить от песка едва видневшийся край бассейна. Показалась цветная мозаика какого-то рисунка. Цветные осколки, из которых составлялся рисунок, были крупными и могли дать полное представление об изображении только на расстоянии. Но это было неважно, главное, что бассейны были. Чтобы понять, как они располагаются относительно храма, нужно было взглянуть на них издалека. Девушка окинула взглядом местность и увидела высокий холм, возвышающийся в паре километров, за развалиной стены, возможно когда-то городской. Присмотревшись, она разглядела наверху площадку для обзора.

Холм был чуть темнее окружающего песка. К его вершине вела неширокая лестница, вырубленная прямо в камне. Она круто поднималась к продолговатой площадке метров десять шириной. Взбежав по шершавым ступеням, Варя не обнаружила ничего интересного. Сердце еще стучало от быстрого подъема в такую жару, но разочарование заглушило это. Было пусто, лишь в нише с метр высотой, выдолбленной посредине стенки площадки, когда-то была установлена статуя. Теперь на круглом постаменте остались только ступни в сандалиях. Очевидно, неизвестный окидывал взглядом лежащий внизу город и великий Нил, чьи воды были в нескольких километрах к западу. Интересно, изображенный в виде статуи был стражем? Что заставило так жестоко расправиться с этим изваянием? Даже так называемый картуш — несколько высеченных в камне иероглифов в овальной рамке под статуей — тоже был срезан. Обычно картуш обозначал имя. Уж не статуя ли опального Эхнатона была установлена в этой нише? Впрочем, как-то очень скромно для фараона. И это не культовое сооружение. Жертвенника нет. Да и вообще больше ничего нет. Только замечательный вид на бывшую столицу и окрестности. Когда-то внизу был утопающий в цветах город. Оазис в окружающей пустыне. Кто же мог возвышаться и парить над всем этим, как птица?

Варя начала рассматривать развалины внизу, пытаясь отыскать сад и бассейны у дворца Мару-Атон… Да вот же они! Едва различимая в песке цепочка в виде буквы «Т». Расположена перпендикулярно линии Нила и указывает точно на эту площадку. Тут что-то есть. Девушка стала изучать площадку и ограждающую ее стену, вырубленные в камне. В самом углу стены ей показался странным слишком ровный участок поверхности, словно затертый раствором. Время и песчаные бури давно

сделали стену одинаковой, но при близком и тщательном осмотре разница все же была видна. Конечно, только для того, кто знал, что искать. Варя стала простукивать стенку и ощутила разницу в звуке. Похоже, за камнем была пустота. Она попыталась надавить плечом на подозрительное место, но результата не было. Да, не с ее могучими плечами ломать стены. Оглядевшись, девушка лишь внизу отыскала взглядом подходящий обломок скалы.

В азарте Варя легко спустилась к замеченному сверху куску камня и, взвалив его на плечо, поднялась по ступенькам обратно. Широко расставив ноги, она взяла камень обеими руками и стала раскачивать. Потом с силой ударила в подозрительное место стены. Штукатурка отлетела, и несколько камней сдвинулось внутрь. Удар следовал за ударом, и вскоре в стене образовалось неровное отверстие. Пыль еще не осела, а Варя уже протиснула свое худенькое тело внутрь. Только тут она вспомнила, что забыла купить новые батарейки к электрическому фонарику. Те, что были в нем, отработали свое еще в тоннеле под Храмом Долины. Ругая себя за такую беспечную забывчивость, девушка стала осматриваться.

Косой пучок дневного света проникал внутрь вырубленного в скале небольшого помещения. Когда глаза привыкли к полумраку, она увидела грубо обработанные коричнево-желтые стены известняка. Справа терялся в темноте узкий коридор. Ощупывая рукой стену, девушка направилась к нему. Едва ступив туда, Варя почувствовала, как защемило в затылке. Она остановилась и даже инстинктивно прижала руку к больному месту и тут же отдернула ее. Сквозь волосы ощущалось тепло. И это не было теплом прически, нагретой на солнце. Гребень был теплым сам по себе. Он признал свою хозяйку и о чем-то сигналил ей. Постепенно боль утихла, и девушка распознала под ногами колодец. Во весь коридор шириной. Еще шаг — и она оказалась бы в ловушке. Погладив гребень в знак благодарности за спасение, она стала искать безопасный путь. Можно было только отступить или двигаться вперед. Не колеблясь ни секунды, девушка отшагнула и резко прыгнула вперед. Ей повезло, колодец был нешироким, и она приземлилась на другом его крае. Коридор сузился и запетлял в скале. Стало абсолютно темно. Ощупывая шершавые стенки руками, Варя осторожно продвигалась вперед.

Новая резкая боль в затылке заставила ее застыть на месте. Не опуская поднятую ногу, девушка отступила на шаг. В этот момент на то место, где она только что стояла, беззвучно ухнула тяжеленная плита. Стены дрогнули, и все стихло. Стало страшно. Капелька холодного пота скользнула по спине. Позади

послышался шорох, и камень чиркнул о камень. Она догадалась, это перевернулась напольная плита. Если бы смельчак, идущий по коридору, запаниковал и бросился назад, то попал бы в другую ловушку.

Не шелохнувшись, Варя закрыла глаза, вслушиваясь в тишину. Ничего не происходило. Вспомнив, как была спрятана Первая Книга, она стала ощупывать боковые стенки рядом. Что-то легко поддалось слева, и внезапно повеяло прохладой. Обнаружив проход, она шагнула влево. Как балерина, вытягивая носочек вперед, Варя стала полукругом ощупывать пол, медленно продвигаясь. Небольшие камешки шуршали под ногами. Было отчетливо слышно, как один из них запрыгал вниз. Это был не беззвучное падение в колодец, он равномерно ударялся обо что-то невидимое. Ступеньки, догадалась она. Лица коснулся легкий порыв ветра снизу. Потом еще.

Осторожно ступая по сухим шершавым ступеням, девушка опускалась все ниже и ниже, одновременно поворачивая вправо. Это была узкая винтовая лестница. Неожиданно одна из ступенек под ее тяжестью чуть опустилась. Тут же наверху что-то зашуршало, и сквознячок пропал. Где-то позади нее дверь закрылась. Путь назад был отрезан. Впрочем, она и не собиралась отступать. С большей осторожностью девушка стала опускаться ниже. Минут через десять стал различим шум воды. Она прислушалась и, убедившись, что это так, стала продвигаться с большей уверенностью в полной темноте.

Вдруг ее рука скользнула вдоль стены и потеряла опору. Варя остановилась и стала ощупывать ступеньки ногой. Впереди был обрыв. Шум воды стал отчетливее, а воздух — более влажным. Где-то в недрах холма текла подземная река. Она не стала раздумывать. Погладив гребень, который не подавал никаких сигналов опасности, девушка шагнула вперед… Падая в неизвестность, она затаила дыхание, вспомнив отчего-то грустные подслеповатые глаза Джузи. Их взгляд был спокойным и молчаливым.

Удар об воду с большой высоты, кажется, чуть не лишил ее сознания, но выплывать наверх уже было поздно. Мощный водный поток подхватил тщедушное тело, вращая и переворачивая, как соломинку. Варя даже не сопротивлялась. Она лишь свернулась калачиком, как это делала в постели, когда замерзала, но ладошки не сложила под щеку, а прижала ими прическу на затылке. Ледяная вода уносила остывающее тело куда-то в черную неизвестность. В ушах шумело, а удушье уже сдавливало горло, заставляя вдохнуть во что бы то ни стало…

Она очнулась резко, словно от толчка во сне. Причем сон был

таким глубоким, что в голове было абсолютно пусто, и девушке пришлось напрячь память, чтобы понять, где она и что тут делает. Растерянно озираясь по сторонам, Варя осознала, что лежит ничком на небольшом песчаном островке. Было не тепло, не холодно. Света тоже не было, но она четко различала окружающее. «Наверное, так видят кошки в темноте, — мелькнула у нее странная мысль. Интересно, я на этом свете или на том?» Сев, девушка осмотрелась. Над ней куполом нависал большой грот. Песчаный островок, где она была, облизывал поток темной воды.

Одежда на девушке была насквозь мокрой, да и в кроссовках хлюпала вода. Крупные капли стекали с мокрых волос на лицо. Гребень был на месте. На ощупь он оказался таким теплым, что хотелось прижаться к нему, как к ласковому котенку, что благодарно мурлычет от полученного лакомства. Девушка даже погладила гребень, чтобы ему не было так же страшно и одиноко. На это движение он отозвался странным звуком. Мелодия зазвучала сильнее. Приятная волна разлилась по всему телу, обволакивая покоем и радостью. Глубоко в сознании поплыли картинки. Сначала медленно, чтобы Варя могла их распознать, затем все быстрее, образуя один нескончаемый поток. Состояние легкости и благодати наполнило ее тело.

Это была Третья Книга…

Сколько времени девушка провела в этом блаженстве, она не смогла бы сказать. Все слилось в один блаженный миг. Открыв глаза, Варя растерянно озиралась по сторонам. Книгу она так и не увидела. Очевидно, ее ловко спрятали где-то рядом… Впрочем, восходящий Сириус должен был только получить новую жизнь, а не менять весь мир. Девушке стало немного грустно. Она даже сравнила себя со звездой, которая наконец-то вырвалась из темноты небытия и взошла над горизонтом, а мир этого и не заметил. Он продолжал свой обыденный путь во времени.

— Что, вот это и все? — с обидой вырвалось в темноте и эхом прокатилось под сводами подземной реки.

— А что ты хотела получить? — знакомый с детства голос заставил ее вздрогнуть.

— Александр?

— Так меня звала в своих снах одна маленькая девочка…

— А у тебя много других имен?

— Я просто могу быть другим… как и ты теперь.

— Но я ничего не поняла!

— Не торопись. Сердце подскажет. Просто поверь.

Голос изменился и стал удивительно знакомым.

— Джузи? — изумленно прошептала девушка.

— Носящей царское имя не подобает быть такой неуверенной в себе, или ты случайно нашла мой гребень, — отозвался кто-то иной из темноты.

— А Вы никогда не сомневаетесь, достойнейшая из достойных?

— Сомненья, как весенний сок траву, порой переполняют мою душу, и я совру, когда ее сорву, и в том признаюсь, если сам не струшу. Мои сомненья обретают плоть, и вот сознание уже бессильно преодолеть их или побороть, в своем стремленье жить стерильно… Прости за плохой перевод.

— Это все-таки ты, Александр!

— Разочарована?

— Признаться, я не ждала чего-то определенного, но все так быстро закончилось.

— Ты не права. Все только начинается.

— А где же Врата Времени?

— Эхнатон был слишком самоуверен в своем стремлении переделать мир. Пятый Дуат может существовать только там, где был открыт когда-то.

— Так Врата Времени все-таки находятся в пирамиде Хеопса?

— Ее для этого и построили… Чтобы войти в Пятый Дуат, нужно подняться на 144 локтя над основанием пирамиды.

— Постой, 144 локтя это примерно 75 метров, половина высоты Великой пирамиды… Так это Большая Галерея! Вот почему у нее странная форма сечения и наклон.

— Говоря языком ваших ученых мужей, Большая Галерея— это резонатор в точке силы. Прошедший третью инициацию способен войти в Пятый Дуат, медленно поднимаясь по Большой Галерее.

— А простой смертный?

— Ничего не почувствует. Его сознание дремлет и не способно воспринимать колебания высших порядков.

— Как все просто. Значит, здесь только Третья Книга?

— Да… Инженерам Эхнатона удалось найти подходящее место для инициации и хранения Книги, но точку силы, пригодную для переходов во времени и пространстве, смертный сотворить не в силах.

— Эхнатон был простым смертным?

— Он был принцем крови и не верил в день Тхар, поскольку был рожден в другое время. Попытка пройти третью инициацию окончилась печально… Впрочем, не только для него. Через год его столица Ахетатон была разграблена и превращена в руины.

— А почему Книгу не вернули в зал под Храмом Долины?

— Но ты же отыскала ее… Да и вокруг пирамид слишком

много суеты. А эти края после еретика считаются проклятыми. Ничто лучше не оберегает тайны, чем страх.

— Значит, через туннель под Храмом Долины можно было проникнуть в пирамиду Хеопса и дойти к Вратам Времени задолго до того, как халиф Мамун пробил дыру в стене пирамиды в поисках сокровищ и Гиза стала открытой для посещений смертными?

— Этот путь был единственным на протяжении десяти тысячелетий существования культа Осириса… Увы, все меняется.

— Так мифология Древнего Египта была придумана только для этого?

— Смертным свойственно во что-то верить… А передавать знания дикарям через веру— самый простой путь. К тому же можно построить систему табу, запрещающую посещать определенные места.

— Ну, надо же, как все просто, а у нас египтологи до сих пор спорят, почему в пирамиде Хеопса не нашли ни одной мумии, ни одной надписи, ни одного украшения. Есть погребальные камеры, есть гробницы, но все пусто… Значит, у нее другое предназначение.

Девушка замолчала, опустив глаза на проносящийся мимо водный поток.

— А почему Пятый Дуат? Есть еще четыре?

— Конечно. Эта планета уникальна по части искривления пространства. Таких точек силы, позволяющих переходы, существует несколько на Земле.

— И Дуат потому, что в обе стороны… а вернуться можно только через него?

— Вернуться можно через любой Дуат. Да ты об этих точках силы сама слышала не раз. Пещера Хареши на Тибете, холм в Стоун Хедж, пирамида Теотиуакан в Мексике, подземелье в пустыне Наска.

— Хочешь сказать, что точка силы может быть и выше и ниже поверхности?

— Конечно. Если нет естественного доступа к ней, то приходится строить пирамиду или подземелье, ну и придумать что-нибудь для отвода любопытных глаз…

— Намекнуть на сокровища, наставить ловушек и перекрыть ходы гранитными пробками?

— Не только. В подтверждение различных проклятий можно использовать смертельные грибки или вирусы, которые живут в заточении веками.

— Герметичность знаний?

— Не всех знаний. Только потенциально опасных. Несколько

минут в темноте были слышны лишь всплески проносящегося мимо водного потока.

— Значит, теперь я могу войти в Пятый Дуат? — неуверенно спросила Варя.

— Как истинная англичанка, ты можешь начать со Стоун Хедж, — усмехнулся голос в ответ.

— Но как я узнаю?

— А разве у тебя не изменился взгляд… Ну хоть немного?

— Да, я вижу в темноте.

— А еще читаю память, кое-что в ней подправляю, а то и вовсе переписываю. Продолжи сама.

Девушка рассмеялась. Неожиданно звонко и весело.

— Ты все время наблюдал за мной?

— Нет, я все это когда-то прошел сам.

— А когда ты узнал, что родился в день Тхар?

— Я родился шестого лооса по македонскому календарю, в остальных календарях этот день называется иначе…

— Тебе рассказала Олимпиада или Аристотель?

— Нет. Когда в Персии я взял в жены Статиру, дочь Дария Третьего, и Парисатиду, дочь Артаксеркса Третьего, меня отвели в храм их прорицателя. Он и открыл мне будущее.

— Поэтому ты не трогал иудеев, когда прошел по их землям в Египет?

— Да, мне было известно о Книгах ессеев.

— Тогда Книги были еще в одном месте?

— Ты же знаешь о монастыре в Вади-Кумран…

— А потом был здесь… Это ты заделал дыру в коридор на холме?

— Надеюсь, и ты поступишь так же.

— И все закроется на тысячу сто семьдесят три года?

— Кто знает. Может, и больше…

— Значит, до тебя была Хатшепсут?

— Да, но Шесу прошла инициацию еще в зале под Храмом Долины.

— А она сейчас здесь?

— Прости, это я пошалил… Насколько мне известно, последнее время она занята поисками возможных путей связи со своей младшей дочерью.

— Растворенной в лунном свете?

— Да. Раньше детям давали красивые имена… Ты должна помнить, что мы не можем появляться в прошлом, если уже были там когда-то.

— Почему?

— Прошлое нельзя менять. Это закон.

— Никогда-никогда. Даже во снах?

— Во снах можно все, им мало кто верит.

— А чего же тогда добивается Шесу…или мне нельзя ее так называть?

— У нас нет возраста или пола, как у смертных, поэтому все зависит от взаимоотношений.

— И мы можем быть подружками?

— Если захотите.

— О, я была бы счастлива… А я могу встречаться со своими друзьями в настоящем?

— Конечно. Живи, как и прежде… Только через двадцать-тридцать лет придется переехать в другой город. Друзья состарятся, и уже никакая пластическая хирургия не поможет тебе оправдаться.

— Придется заново начинать жить?

— Это не главное. Ты быстро научишься… Прежде всего нужно осознать свое предназначение.

Варя замолкла, впервые задумавшись над этим так конкретно.

— Ты прав, я начала не с того. А у меня есть одно очень важное дело на земле… или как вы это называете.

— В жизни! Не разделяй мир на до и после. Он един.

— Попробую. Впрочем, пробовать некогда. Меня ждут.

— Тогда поторопись… и не забудь прибрать за собой. Там. Наверху.

— Да-да… А как я могу встретиться с тобой еще раз?

— Позови… — голос замолк ненадолго и продолжил: — И если не будешь так бояться меня увидеть или пожать руку, то встретишь не только голос.

Варя почувствовала, как вспыхнули ее щеки, но она удержалась от желания прикрыть их руками. Потом медленно повернула голову вправо. Рядом, обняв свои колени сильными руками, сидел стройный белокурый мужчина. Глядя на девушку, он улыбался чуть насмешливо. Они видели друг друга в темноте грота в загадочном сине-зеленом свете. У мужчины одежда тоже была мокрой.

— А как ты пришел сюда? — растерянно спросила девушка, разглядывая собеседника.

— Скорее приплыл. Эта река впадает в Нил километра три-четыре отсюда.

— Но как ты узнал, что я здесь?

— Все прошедшие третью инициализацию чувствуют появление новичка. Третья Книга отличается от двух первых, и процесс занимает гораздо больше времени. Так что ты здесь

около двух суток. Для этого и нужно укромное местечко, чтобы никто не мешал.

— А если новичку никто не поможет?

— Он сам обо всем догадается, только чуть позже.

— Почему же ты пришел сюда?

— Ты не обычный претендент. Из всех рожденных в день Тхар тебя выбрали как «чистого ангела» и довели к Третьей Книге потому, что времени на другие испытания у нас нет.

— Нас? — удивилась она.

— Когда другие посвященные захотят с тобой встретиться, ты их узнаешь.

— А сейчас я должна сделать то, ради чего стала избранной?

— Ну, ты же умная девочка, — его глаза с надеждой смотрели прямо на нее.

— Прости, а у тебя тоже был гребень Хатшепсут?

— Нет, мне достался Перстень Света… Мы все разные, и у каждого свой путь, свое предназначение.

— Я поняла о предназначении, — Варя окинула взглядом собеседника, словно прощаясь. — Потом как-нибудь мы еще поговорим?

— Ну, не нужно так трагично, дружок, — он широко улыбнулся, и влажные золотистые кудряшки весело встрепенулись. — Надеюсь, ты подбросишь меня на серебристом джипе до Гизы. Я заметил твои метки у полицейских. Они добросовестно охраняют машину «своего генерала». Думаю, что у такого важного чиновника должен быть какой-нибудь адъютант. А то я добирался сюда как торговец. Никакого комфорта.

— Так и быть, — она быстро подхватила его шутку. — Только штаны с лампасами не обещаю… И, надеюсь, ты поможешь даме закрыть проход в пещеру.

— Конечно. Думаю, мы отыщем все необходимое у археологов на раскопках. А пока позвольте предложить Вам понырять в ледяной воде. Тут до Нила рукой подать.

Они рассмеялись. Быстро поднявшись, с разбега прыгнули в темную воду. Течение подхватило их, увлекая за собой вниз.

Глава XVI. Намюр

— Храни, Господь, Святой Орден, — седовласый, с благородными чертами лица мужчина отошел на метр от переговорного устройства, чтобы его детально рассмотрели в видеокамеру. — Пустите переночевать бедных странников.

Массивная, резного дерева дверь с почерневшим от времени кованым переплетом медленно открылась, пропуская пришедшего внутрь.

— Храни, Господь, святой Орден, — старческий, будто со скрипом, голос слуги приветствовал гостя. — Мы ждали вас только завтра, дорогой Демис. Что-то случилось?

— Ничего, Раф, — седовласый обаятельно улыбнулся. — Наш бимер Райт даст сто очков вперед Шумахеру и Баррикелло вместе взятым. Мы проехали пол-Европы без единой остановки. Он не только гениально водит машину, но и чует все заторы и пробки на дорогах. Но если Вы приютите его железного коня, водителю было бы неплохо отдохнуть. Думаю, что я не задержусь в замке надолго. Надеюсь, Светлейший здесь.

— К сожалению, магистр прилетает только завтра. После обеда.

— Вот как? — радостное выражение быстро исчезло с благородного лица грека. — Экая досада. Выходит, мы зря поставили новый рекорд…

Старый слуга не удостоил ответом гостя и щелкнул пультом дистанционного управления. Солидные ворота, охранявшие вход во внутренний двор Северной Крепости Ордена, плавно отошли в сторону, пропуская внутрь спортивный седан.

— Машину ставьте под навес, — равнодушным тоном произнес слуга, выполнявший одновременно роли дворецкого, повара и смотрителя галереи. — Располагайтесь в первых двух комнатах левого крыла. Ужин будет готов через полчаса.

— Узнаю старину Рафаэля, — приезжий дружески похлопал слугу по плечу. — Всегда порядок.

— Храни, Господь, святой Орден, — произнес водитель более почтительно и аккуратно прикрыл дверцу еще горячей от продолжительной поездки машины. — После ужина переоденусь и помою свою «ласточку».

— Храни, Господь, святой Орден, — сухо отозвался на приветствие второго гостя слуга. — Вы найдете все необходимое в гараже. Позвольте, я провожу вас, братья.

Трое вошли из внутреннего дворика в ярко освещенный коридор первого этажа. Взгляды гостей с восхищением

задерживались на стенах, украшенных великолепными образцами различного оружия. Копья, мечи, алебарды, луки, арбалеты, шпаги, сабли, рапиры… Такую коллекцию следовало бы рассмотреть более пристально и без спешки. Неожиданно из-за портьеры им наперерез выскочили три огромных дога. Черная шерсть лоснилась на их мощных поджарых телах. Мышцы перекатывались под шкурой, внушая уважение. Не издав ни звука, они обошли приезжих, принюхиваясь. Одна из собак насторожилась, преградив дорогу жизнерадостному Демису, но тот быстро присел перед ней на корточки, дружелюбно заглядывая догу в желтые глаза.

— Привет, Гера, — гловер погладил собаку за ушами. — Я бы дал тебе кусочек сахара, но Раф не разрешает никому этого делать. Так что извини, красавица.

В ответ на такую фамильярность дог вильнул длинным хвостом и серьезно глянул на хозяина. Тот не проронил ни слова, но собака, очевидно, поняла приказ и бросилась догонять две черные тени, бесшумно скользнувшие из коридора во двор.

— Если бы не частые разъезды, я бы выпросил у тебя щенка от Герцогини, — Демис знал слабости людей и умел находить интересную тему с каждым. — Какая грация! Настоящая пантера. А уж умница…

Рафаэль ничего не ответил на такую неприкрытую лесть, но глаза его влажно блеснули. На старости лет он стал немного сентиментальным, и выращенные с первых дней доги были для него, как родные дети. Гости не так часто посещали Северную Крепость, поэтому вынужденное одиночество помогали скрашивать эти умные и сильные друзья. Им даже передался его характер — замкнутый, настороженный, с подозрительным взглядом. Как и подобает настоящему охраннику. Однако меж собой все четверо были очень дружны и понимали друг друга без слов.

— А у меня никогда не было ни собаки, ни кошки, — растерянно вставил свое признание в образовавшуюся паузу водитель. — Ни в приюте, ни в монастыре, ни в школе нам этого не разрешали, — он громко вздохнул. — Зато у меня есть «ласточка». Я с ней тоже люблю поговорить. Возможно, когда пойду на пенсию…

— У нас нет пенсии, дружище, — гловер по-отечески обнял Райта. — У нас есть великая идея. И мы служим Свету всю свою жизнь.

— Храни, Господь, святой Орден, — растерянно пробормотал бимер, понимая, что сболтнул лишнего.

После ужина водитель отправился приводить в порядок свою

машину, а гловер выпросил у Рафаэля один час на посещение галереи. И это был настоящий подарок ценителю прекрасного. Коллекция картин была подобрана с большим вкусом и с еще большими возможностями. Впечатляли не столько громкие имена под картинами, сколько их композиция. Умные, властные, величественные и даже озорные взгляды внимательно смотрели со всех сторон на сидящего в центре зала. И он забывал о времени и различии эпох, иных привычках и особенностях в одежде, традициях и вероисповедании… Зритель попадал в плен удивительно искренних взглядов, так мастерски передающих состояние души тех, кто был запечатлен на потрясающе правдивых полотнах. Побывавший однажды в галерее Северного Замка мечтал вернуться туда хотя бы еще на час. Это дорогого стоило!

— Спасибо, Раф, — Демис с восторгом потряс холодную сухую руку старика. — Вы доставили мне истинное наслаждение… Храни, Господь, святой Орден.

Находясь под впечатлением, он рано отправился спать, предвкушая красивые сны.

Прошло не меньше часа, пока Райт управился со своими делами и тоже пожелал спокойной ночи Рафаэлю. Старик что-то буркнул в ответ и пошел в правое крыло Замка. Там, в двух отдельных комнатах на третьем этаже, уже неделю жили четверо самых сильных бойцов из Ордена Сынов Света. Они приехали тайно, по одному, соблюдая полнейшую секретность. Магистр лично дал распоряжения Рафу относительно их миссии. После прибытия флэшеров в Замке воцарилась напряженная атмосфера. Она чувствовалась во всем, давила на старика и не давала спокойно спать. Он и так последние лет десять страдал бессонницей, а теперь сон и вовсе не шел. Доги тоже нервничали, ощущая присутствие посторонних и волнение хозяина. Словно грозовая туча, напряжение копилось в коридорах старого замка, готовясь разразиться небывалым ураганом. Он рождался в двух дальних комнатах на третьем этаже правого крыла и каким-то густым и липким невидимым варевом стекал вниз, заполняя собой коридоры и комнаты. Бесконечно такое напряжение не могло накапливаться, оно должно было, по каким-то ему одному известному правилу, прорвать привычную тишину замка.

Раф пришел к флэшерам забрать грязную посуду и спросить, не нужно ли чего. Хотя все члены Ордена вели аскетический образ жизни, все же четверо физически крепких мужчин требовали ухода. Они старались поддерживать свою спортивную форму статическими упражнениями и поочередно дежурили у дублирующего пульта наблюдения замка. Информация со всех

видеокамер параллельно заводилась и на третий этаж. Об этом мало кто знал, да и пользовались крайне редко, но сейчас был именно такой случай. Старик молча сделал свое дело, заметив краем глаза, что один из флэшеров не отрывается от мониторов, занимающих целую стену в комнате. Его напарник спал на скромном диване рядом. Из соседней комнаты не доносилось ни звука, но Раф уловил признаки психологической тренировки. Словно волны горячего воздуха, выплески энергии касались и его сознания. Там явно работали в паре два мастера, и старик заспешил назад. Дежурный попросил его принести минералки на ночь. Тот кивнул и вышел.

На первом этаже хозяина встретили доги. Они тревожно обнюхивали Рафаэля и недовольно фыркали, очевидно, уловив чужие запахи. Старый слуга успокоил собак, приласкав каждого привычным жестом немощной руки. Конечно, он давно перестал быть бойцом, да и никогда не был им на самом деле, но для догов он оставался единственным умным и сильным человеком на всем белом свете, и они верно служили ему. Взяв несколько пластиковых бутылок с водой из холодильника, старик вновь направился на третий этаж правого крыла замка. На обратном пути он обошел замок, проверяя все двери и запоры на окнах, как это делал каждый раз перед сном. Потом Раф зашел на кухню выпить чего-нибудь успокаивающего на ночь и отправился в свою комнату, одновременно являющуюся и кабинетом, и спальней, и пультом наблюдения. Больше гостей не ожидалось, и он было хотел включить сигнализацию, но сон сморил его раньше. Старик так и уснул, не раздеваясь, в кресле.

Когда часы пробили дважды после полуночи, Северная Крепость погрузилась в сладкий сон. Спали все, даже дежурный флэшер прикорнул у мониторов. Минеральная вода, принесенная стариком, сделала свое дело. Никто не заметил, как Демис прервал созерцание прекрасных полотен и отлучился минут на пять. Этого времени ему хватило, чтобы тайком проникнуть на кухню и тонкой иглой что-то впрыснуть в пластиковые бутылки с водой.

Убедившись, что все в замке уснули, Демис беззвучно выскользнул из своей комнаты и пробрался в правое крыло Замка. Он нашел по каким-то известным ему приметам комнату и остановился около двери, словно прислушивался. Потом безошибочно отыскал на связке, взятой на время у спящего Рафаэля, нужный ключ и отпер дверь. Там, посредине большой кровати, спала Маша. Проявив завидную ловкость, Демис легко поднял блондинку и вскинул себе на плечо. Она даже не отреагировала. Ноша была не из легких, но гловер двигался

спокойно и уверенно. Заперев за собой дверь, он спустился на первый этаж и вернул ключи под подушку, на которой покоилась почти облысевшая голова Рафаэля. Старик видел чудесные сны из своей давно ушедшей молодости. Наверное, впервые за последние лет двадцать. Доги настороженно крутились рядом, но не проявляли враждебности. Получив по кусочку сахара, они проводили Демиса до машины во внутреннем дворе и замерли в нерешительности. Он уложил свою ношу на заднее сиденье спортивного седана, завел двигатель и щелкнул пультом дистанционного управления воротами.

— Отнеси эту штуку хозяину, — ласково прошептал грек и сунул в зубы Геры пульт.

Дог дружелюбно махнул длинным хвостом, и вся троица удалилась. Тихое жужжание электроприводов, отодвигающих тяжелые ворота в сторону, их не тревожили. Не включая габаритных огней, машина мягко выкатила из замка на утрамбованную грунтовую дорожку. Ворота послушно вернулись на свое место, и в замке вновь наступила тишина. Все будут сладко спать до утра. Проснувшись, они обнаружат пропажу пленницы и бегство гловера, но это будет только утром.

Осенняя ночь принесла в Валлонию прохладу. Было тихо. Висевшая над дальним холмом щербатая луна едва освещала окрестности Северной Крепости Ордена, спрятавшейся от любопытных и туристов на частной территории. За вторым поворотом от старого замка спортивный седан прибавил скорость и включил габаритные огни. Метрах в двухстах впереди тут же дважды вспыхнул узкий луч электрического фонаря. Седан в ответ дважды мигнул дальним светом. Подъехав к тому месту, где светил фонарик, машина притормозила. Из темноты вышла щупленькая девичья фигурка.

— Деми, я так волновалась, — в английской речи явно слышался итальянский акцент.

— Все хорошо, Би, — он узнал встревоженный женский голос. — Она на заднем сиденье.

— Давай перенесем ее в эту машину, и мы свободны.

— Сейчас, дорогая, — гловер уже открывал заднюю дверь спортивного седана. — Помоги мне, пожалуйста.

Грек был в полной уверенности, что разговаривает со своей Биатрис. Еще вчера они решили выручить русскую из плена и уехать на дальний остров Тихого океана, получив кругленькою сумму на банковский счет. Таинственный друг блондинки так быстро убедил их в правильности этого поступка, что они ни на миг не сомневались. Правда, Демис не заметил, что с ним разговаривал не мужчина, представившийся другом Марии, и

забыл, что Биатрис вот уже неделю как уехала в Нант. После этого разговора грек ощутил необычайный прилив нежных чувств к брошенной им во второй раз итальянке. Он пребывал в восторге от любовных переживаний и верил, что через несколько минут они вдвоем навсегда уедут на далекий остров.

Варю, которая внушила коварному гловеру всю эту чушь, не терзали муки сомнений. Еще в Трапани она прочла в его памяти изначальный замысел использовать Биатрис как подсадную утку, для того чтобы проникнуть в дом старика Валороссо, и решила отомстить. Разыграв попутчицу-студентку, она подсела в спортивный седан на севере Франции. Райт, всегда соблюдавший строгое правило бимеров Ордена не брать попутчиков, даже не заметил, что нарушил его. Впрочем, он и не подозревал, кто помог девушке вычислить маршрут спортивного седана. Оказавшись на заднем сиденье машины Ордена Сынов Света, Варя считала необходимую информацию у гловера и водителя, а затем внушила им план действий. Теперь, когда спящая Маша была заботливо уложена на заднее сиденье ее скромного «Опеля», она мысленно приказала Демису забыть о событиях последних двух дней и уехать на далекий остров в одиночестве. Он уже садился в свой спортивный седан, когда случилось непредвиденное.

У Вари резко защемило в затылке, и она инстинктивно прижала руку к больному месту, стараясь защитить его от невидимой атаки. Если бы не гребень Хатшепсут, ей бы несдобровать. Копье Осириса в руках лайтера ударило разом по обоим. Грек застыл у открытой водительской дверцы с выражением ужаса на лице. Потом вытянул руки с растопыренными пальцами и, как зомби, пошел на девушку. При этом он что-то невнятно бормотал, оскаливая красивые ровные зубы. Варя, еще не осознав, что происходит, попятилась назад, но через несколько шагов уткнулась спиной в «Опель». Их разделяли три-четыре метра. Казалось, гловер сейчас кинется на девушку и задушит ее. Безумные глаза грека округлились.

Варя нашла в себе силы и вытянула открытую ладонь в сторону надвигающегося грека. Короткая фраза на непонятном языке сорвалась с ее уст, и Демис застыл на месте. Он громко зарычал, извергая проклятья, но сдвинуться с места не мог. Вторая мантра заставило грека упасть на колени. Словно прикованный цепями зверь, он метался на месте, не в силах преодолеть полученную установку. Секундой позже второй удар Копья Осириса толкнул его вперед. Это был настоящий прыжок. Разогнувшись подобно пружине, грек будто разорвал невидимые цепи и бросился на девушку. Если бы не сила, данная Третьей

Книгой, участь Вари была бы решена, но ей удалось убить зверя еще в прыжке. Он рухнул к ее ногам, глубоко вонзив скрюченные пальцы в холодную землю. У него не было шерсти или клыков, с которыми часто изображают оборотней, но вид гловера наводил ужас. Все человеческое было разом уничтожено в том, кого когда-то звали Демисом. Он умер зверем.

Варя прикрылась «щитом Персея», отражавшего все удары Копья Осириса, словно смертоносные взгляды Медузы Горгоны. Раскаленный гребень Хатшепсут, принимавший до этого на себя атаки лайтера, стал остывать. Пары секунд передышки были достаточно девушке, чтобы собраться с силами и ответить. Она щедро плеснула «греческим огнем», и в нескольких сотнях метров на бугре у какого-то человека вспыхнула одежда. Это был лайтер. Он покатился по земле, стараясь сбить пламя. Варя запрыгнула в «Опель» и рванула машину с места. Впрочем, уехать далеко ей не дали.

Предусмотрительный магистр Ордена следил за происходящим с соседнего холма. Он указал своим Копьем Осириса двоим сидевшим в засаде у дороги флэшерам на машину и приказал выскочить наперерез «Опелю», еще двое подбежали к спортивному седану и бросились на нем в погоню. Противников, стоящих впереди на дороге, Варе удалось сбить боевой мантрой «взгляд Хора», парализующий любого смертного. Сосредоточиться на тех, что догоняли ее, никак не получалось. Их толкало вперед Копье Осириса, направляемое умелой рукой магистра. Спортивный седан на полной скорости врезался в задний бампер «Опеля» с такой силой, что обе машины чуть не перевернулись. Их спасло то, что грунтовая дорога не имела кювета и оградительных бордюров.

В считанные секунды преследователи опять были рядом. Варя приготовилась к удару, однако вместо него позади прозвучал взрыв. «Опель» повело юзом, но девушке удалось удержать машину на дороге, навалившись на тормоз. В зеркало заднего вида она хорошо разглядела, как спортивный седан подбросило на несколько метров вверх, и он закувыркался справа от дороги. Потом уткнулся в какой-то бугор, хрустнув оторвавшимися дверцами.

Наступила тишина. Варя оглянулась на заднее сиденье. Маша мирно спала, чуть завалившись набок. Справа от дороги мелькнула тень. Девушка выпрыгнула из машины, решив любой ценой спасти подругу. Однако никакой атаки не последовало, но рядом кто-то тяжело дышал. Она прикрыла все место «щитом Персея».

— Вы в порядке? — русская речь была неожиданно приятна в

чужой стране.

— Что это было? — вопросом на вопрос по-русски отозвалась Варя.

— «Си четыре», — извиняющимся тоном ответил тот же незнакомый голос.

— Что?

— Да я тут взрывчатку закопал вчера. Оказалось кстати… Маша с Вами?

Варя просканировала место, откуда звучал уверенный мужской голос. Ничего опасного она не обнаружила.

— Кто Вы и что тут делаете? — по-военному четко спросила она.

— Долго объяснять, а времени у нас нет, — из темноты вышел высокий мужчина явно славянской внешности. — Поверьте, что я друг, — он так искренне улыбнулся, что девушка перестала сомневаться. — Давайте я сяду за руль, а то водитель из вас никакой.

«Опель» мощно взял с места, но без рывка. Машина почувствовала уверенные руки и прибавила оборотов. Скоро они выскочили на трассу Е411 и влились в ночной поток грузовиков.

— Николай, — не отрывая взгляд от дороги, представился мужчина. — Я был охранником у Марии Михайловны в Питере. Когда она пропала, отрабатывал разные варианты, и вот с помощью Интерпола вышел на этот замок, — он мельком взглянул на заднее сиденье. — Спит?

— Да, — коротко бросила Варя. — А я ее подруга…

— Боевая подруга, — усмехнулся Николай. — Как-нибудь расскажешь мне, что там было?

Варе стало удивительно спокойно с этим уверенным мужчиной, так внезапно появившимся из темноты. Она быстро просканировала его память. Чисто. Да и женская интуиция подсказывала, что он не мог быть врагом. Тревога, с которой он спрашивал о Маше, кольнула ее сердце завистью. Почему ей ни разу не встретился такой парень? Видно, не судьба…

Несколько раз девушка чувствовала слабое прикосновение к сознанию. Это издалека кто-то пытался сканировать водителей и пассажиров, находящихся в пути. Она мягко прикрыла машину «покрывалом ночи», отводя в сторону все нескромные «взгляды». Они ослабли и вскоре исчезли совсем. Кто-то очень сильный искал беглецов.

— Скоро будет стоянка у кафе, там меня фургончик дожидается, — как бы извиняясь, тихо проговорил Николай. — Сейчас пересядем и рванем в Германию. Оттуда — домой.

Варя с интересом посмотрела на водителя. Как просто и

уверенно он говорит о спасении. Такие сильные руки могут подхватить Машу и унести в безопасное место. И дело не в силе, дело в уверенности. Да, ей явно не хватает такого опыта. До сих пор все внутри трясется, но возвращаться придется. У нее иное предназначение. Уже двое владеют Копьем Осириса, а это очень серьезно.

— К сожалению, я не договорила кое с кем, а прерывать начатую беседу невежливо.

Теперь Николай бросил на девушку удивленный взгляд.

— Ты не шутишь?

— Нет. Вторая машина очень кстати. Бери Машу и увози подальше от этого осиного гнезда. Я на «Опеле» отвлеку их.

Созвучие слов «осиный» и «Осирис» вызвало у девушки улыбку. Мир полон аналогий… Теперь она знает, в чем ее предназначение. Нужно вырвать жало у этих ос.

— А Маша просто спит? — голос Николая звучал тревожно. — Надеюсь, ее не посадили на наркотик.

— Сейчас посмотрю… — Варя отвлеклась от своих мыслей и закрыла глаза.

Двигатель под капотом менял мотив своей песни, когда машина перестраивалась или обгоняла кого-то. Словно почувствовав напряжение сидящих в салоне, он с особым усердием слушался водителя и не подвел ни на одном маневре.

— Наркотика я не вижу, — выдохнула облегченно Варя. — Было психологическое воздействие, но с ним я справилась. Она даже не вспомнит… Сейчас Маша проснется.

В подтверждение последней фразы с заднего сиденья послышался удивленный шепот.

— Коля? — она поперхнулась. — Откуда ты? — голос у Маша сорвался. Она закашлялась.

— Привет, красавица, — как можно спокойнее произнес водитель и улыбнулся, глядя на нее в зеркало заднего вида. — Как спалось?

— Да откуда ты? — Маша прижала ладонь к горлу, которое, казалось, высохло, как пустыня.

— Это все твоя боевая подруга, — Николай озорно кивнул на соседку.

— Варька! — Маша кинулась вперед, обнимая девушку через сиденье. — Господи…

Больше они ничего не могли сказать. Слезы душили обоих. Они так и ехали в тишине, стараясь успокоить вспыхнувшие эмоции. Тем временем «Опель» свернул с трассы на стоянку у придорожного кафе. Подруги выскочили из машины и обнялись.

— Девчонки, — смущенно торопил их Николай. — Не время!

Потом, потом.

Он буквально силой оторвал Машу от девушки и затолкал в салон неказистого пикапа, выкрашенного в зеленый цвет, с рекламой различных садовых инструментов. Обежав фургончик, запрыгнул на водительское место, бросив на ходу:

— Связь через Машину секретаршу в Питере.

Пока зеленые бок пикапа был виден, Варя накинула на него «покрывало ночи» и прошептала мантру оберега. Последний раз он мелькнул на выезде со стоянки и исчез в ночном потоке на шоссе Е411. Какое-то время Варя еще искала взглядом зеленую машину, но так и не увидела. Грустно вздохнув, села за руль «Опеля» и поехала в обратном направлении.

Поравнявшись со знакомым поворотом к старому замку, она съехала с шоссе и выключила огни. Оставив машину за бугром, Варя крадучись забралась на возвышенность. В неясном лунном свете она сразу увидела контуры средневековых башен. Внутри уже горел свет. Узкие бойницы отбрасывали яркие полоски света на еще зеленую траву. Чтобы заглянуть внутрь, ей не нужен был морской бинокль. Девушка прикрыла глаза и настроилась на образ Райта. Когда она сидела позади бимера в спортивном седане, ей удалось хорошо прочувствовать этого человека. Постепенно контуры его тела и лицо стали проявляться, как осязаемые. Вот Райт стал вполне осязаем, и она медленно «перетекла» в сознание водителя, сделав его глаза и уши подвластными себе.

Бимер оправдывался перед каким-то возбужденным стариком:

— Я спал и не слышал, как вставал Демис. Меня разбудил Раф… Я вообще ничего не понимаю.

Внезапно Варя даже охнула, почувствовав, как что-то полоснуло по сознанию Райта. Она замерла, стараясь оставаться незамеченной, очертив около своего маленького пятнышка в памяти водителя серую с примесью зеленого каемочку безразличия. Словно яркий острый луч лазера, чей-то безжалостный взгляд внешнего вмешательства шарил по памяти Райта. Наглец не боялся нарушить какие-то связи и повредить память. Ну что же, тем лучше. В таком поиске, как следы инициированного Третьей Книгой, надо быть осторожнее и тоньше. Такими грубыми методами можно только сильный стресс заметить. Так и произошло. Внешний взгляд вскоре отпустил перепуганного Райта. Варя ощущала его волнение и частый ритм перепуганного сердца.

— Клянусь, Светлейший, я даже ни о чем не догадываюсь, — услышала Варя дрожащий голос бимера. — Сам не могу понять, куда делся Демис. Вчера мы легли спать… а сегодня меня

разбудил Раф.

— Ладно, отпустите его, — девушка видела, как синхронно с услышанными словами шевелятся губы разгневанного старика. — Похоже, они не были в сговоре… Но пусть сидит передо мной. Никто не покинет стен Северной Крепости, пока я не найду беглецов.

— Будет исполнено, магистр!

Варя приказала себе ни о чем не думать, не дышать и вообще замереть. К своему удивлению, она обнаружила, что приказ выполнен. Ее тело, внутренние органы и даже сердце замерли, словно неживые. Бодрствовала только ее частичка, переместившаяся в голову Райта. Это было для девушки открытием. Третья Книга дала ее сознанию полный контроль над всеми клетками организма. Теперь она была в состоянии им приказывать. Контролировать даже процесс деления и отмирания больных и дефектных клеток. Это был путь к бессмертию. Вечности!

Как ни интересны были эти мысли, Варя прервала их, сосредоточившись на водителе. Его глазами она осмотрела помещение. Такие залы средневекового стиля любят показывать в исторических фильмах. Массивная дубовая мебель, факелы на сенах, сводчатые потолки и стены из серого известняка. Вот только одежда на собравшихся там была современной. А разгневанный старик в центре кого-то ей напоминал. Стоп! Ну, конечно же, она видела это лицо с заостренными чертами в крепости Арля, куда с помощью Марка проникла по подземному ходу. Да, Марк тогда сыграл роль отличного щита. Этот старик в паре с другим спящим были в глубоком погружении. Они «читали» Вторую Книгу… Так этот Светлейший и есть магистр Ордена, догадалась девушка. Значит, им все-таки удалось овладеть Копьем Осириса. Вот почему ее так торопил Александр. С таким оружием Ордену Сынов Света покорится весь мир. Интересно, сколько воинов им владеют.

— Как лайтер? — услышала Варя голос магистра.

— Дышит, но, скорее всего, дни его сочтены…

— Тот мастер плеснул столько «греческого огня» в лайтера, что хватило бы на троих.

— А лайтер стоит пятерых! — взревел магистр. — Принесите его сюда. Немедленно.

Через пару минут двое бойцов принесли носилки с обгоревшим телом. Бережно опустив его на большой стол, они отошли в сторону, почтительно склонив головы. Светлейший быстро подошел к столу и застыл над обгоревшим телом. По его напряженному лицу пробежала гримаса скорби.

— Я отомщу! — срывающимся на фальцет голосом взвизгнул магистр. — Это был настоящий воин. Не чета вам. Такие рождаются раз в тысячелетие, — он скрипнул зубами. — Кто посмел поднять руку?

Взгляд магистра был страшен. Варя поняла, что Райт даже закрыл глаза, но тот смотрел сквозь черепную коробку. Светлейший какое-то время присутствовал в сознании бимера, потом сконцентрировался на соседе. Некоторое время в зале царила тишина.

— Да вы трусы, а не бойцы. Кому из вас я могу доверить Копье Осириса? На кого могу положиться в таком великом деле, как…

Магистр осекся. Очевидно, никто кроме погибшего лайтера не был посвящен в детали великого преобразования мира с помощью Копья Осириса. Он никому не доверял, кроме единственного ближайшего соратника.

— Что же, это на руку, — осторожно подумалось Варе. — Теперь он один.

— Но я еще силен, — зло ухмыльнулся Светлейший, словно услышал мысли девушки. — Я готов с ним сразиться… Где ты! Отзовись!

Варя почувствовала, как дрожит тело Райта. Очевидно, у стоящих в зале был шок от непроизвольного применения магистром воздействия на психику «рокот прибоя». У незащищенного смертного он вызывал панику. Ей самой стало не по себе от пронзительного взгляда, проникающего глубоко в сознание. На всякий случай девушка прикрылась «плащом Исиды». Стало спокойнее. Решив начать с хитрости, Варя пустила «солнечный зайчик». Мощный пучок света ворвался в открытый «третий глаз» магистра, ослепляя его. И не ослабляя атаки, она замахнулась что было сил «молотом Тэта». Это был страшный удар! В обычном состоянии посвященный Второй Книги, конечно, почувствовал бы его приближение и уклонился, но защиты от такой прямолинейной атаки на незащищенное сознание не было. Словно брызги от лопнувшего арбуза, во все стороны плеснуло энергией. Все смертные в округе километра повалились в глубокий обморок. Даже толстые стены замка не могли сдержать такой выброс психической энергии. Но магистр был еще жив. Варя прочла мантру «седьмой кундалини». Мощный пучок энергии ударил в открытую седьмую чакру магистра. Словно горный орел, пикирующий с огромной высоты на змею, этот удар вошел в вертикальный энергетический канал Светлейшего, поражая одну за другой все семь чакр. Смерть наступила мгновенно. Магистр даже не успел осознать, что произошло.

Немощное тело рухнуло на каменные плиты пола, а у многих в Валонии тогда разболелась голова. Впрочем, они объяснили это тем, что осенью погода пошаливает и перепады давления нередки.

Оставшиеся несколько бойцов в зале не представляли для Вари никакой угрозы. Она не стала убивать их. Вызвав «белый шум», девушка стерла память у всех обитателей Северной Крепости. Обнаружившие их позднее врачи констатировали пищевое отравление консервами, вызвавшее полнейшую амнезию. Благо у Ордена, владеющего замком, был приют, где о несчастных позаботятся до конца их дней.

Оставалась библиотека. Варя знала, как проникнуть туда, воспользовавшись туннелем из сувенирной лавки. Она успеет доехать в Арль прежде, чем туда дойдет сообщение о странной смерти пожилого человека в старом замке недалеко от Намюра. А сейчас она хотела поговорить кое с кем по телефону.

Эпилог

Вернувшись в послушно поджидавший ее «Опель», девушка нашла свой сотовый телефон и включила его. Отыскав в записной книжке номер, нажала кнопку вызова.

— А-алло, — растерянно произнес мужской голос.

— Извини, что так поздно звоню, — Варя едва сдерживала свой гнев.

— Кто это?

— Я могла бы назваться любым именем и говорить любым голосом, но думаю, что ты должен помнить меня.

— Варя?

— Ну, вот и хорошо.

— Как Мари?

— Она в надежных руках. И только посмей приблизиться к ней. Уничтожу!

— Но…

— И запомни, дипломат, это низко использовать женщину в своих коммерческих или каких там еще целях. Клясться ей в любви и выстраивать многоходовую комбинацию по отъему бизнеса у такого же бандита, как ты. Да тебе повезло, что встретилась такая умная и красивая женщина. Полюбила тебя. Казалось бы, живи и радуйся.

— Но…

— Думаешь, я не догадалась, что ты неслучайно встретил ее в Милане. Еще тогда ты задумал с ее помощью подобраться ко мне. Ты верно рассчитал, что я за Машу пойду в огонь и воду. Ты подставил ее. Ты сдал ее Сынам Света, чтобы я вместо тебя схватилась с ними.

— Но…

— Я нашла Третью Книгу. Я вырвала Копье Осириса у ессеев. Ты сам боялся встретиться с магистром и лайтером, хотел, чтобы эту работу сделала я. Вместо тебя, мачо. Ну, так вот. Полюбопытствуй, что сталось с ними в замке неподалеку от города Намюр. Это случится и с тобой, трус, и с любым из твоих стрелков, если хоть один волос упадет с головы Маши или Николая.

— Но…

— Благодари своего деда, что на этот раз ты остался жив или не превратился в животное. Поезжай и все расскажи ему… Если, конечно, не струсишь. А я проверю.

— Варвара…

— И передай Джино, что он прав. Я настоящая ведьма. Пусть

не забывает об этом.

Варя выключила телефон. Еще несколько минут она сидела, пытаясь успокоиться. Велико было желание расправиться с Антонио, но она увидела грустные глаза немощного Джузи. Он не просил ее ни о чем, но она знала, что он хотел бы сказать ей. Включив двигатель, девушка решительно вырулила на дорогу. Во Франции у нее еще оставались незаконченные дела в Арле. Потом она решила навестить в Нанте Биатрис и внушить ей что-нибудь приятное. Эта милая женщина заслужила дожить счастливо свои последние годы. Еще ей нужно было заглянуть в старый дом на центральной площади Трапани и взять Александру с малышками. Они непременно поедут куда-нибудь путешествовать. Теперь у нее хватит сил сделать их жизнь радостной. Девушка еще не решила, когда увидится с Машей. Компания Николая очень подходила подруге, и эта мысль вызывала непривычную ревность. У Вари еще оставалась мама в маленькой квартирке четырнадцатиэтажного дома в Гелинджике с замечательным видом на море.

Она привычным жестом дотронулась до затылка. Почувствовав нежное прикосновение, теплом отозвался тот, кто выручил в трудную минуту. Теперь они всегда будут вместе — девушка, носящее царское имя, и гребень Хатшепсут.

notes

Примечания

1

Случай описан в книге «Ушебти»

2

События описаны в книге «Песок в кармане»